

ШАРЛЬ ДЕ КОСТЕР

—◆—
ФЛАМАНДСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

CHARLES DE COSTER

LÉGENDES
FLAMANDES

ШАРЛЬ ДЕ КОСТЕР

ФЛАМАНДСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ

Издание подготовила

М. Н. ЧЕРНЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

1976

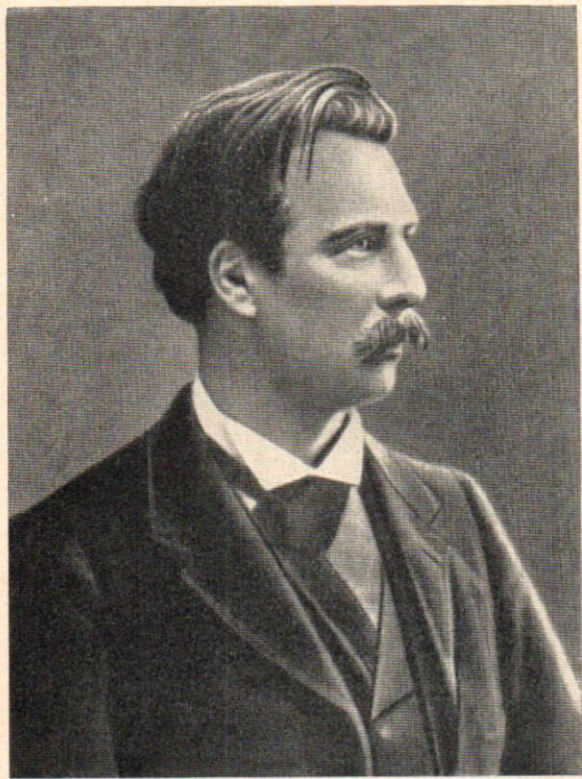
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров,
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов, С. Л. Утченко*

Ответственный редактор
А. А. ЕЛИСТРАТОВА

Ш $\frac{70304-093}{042(02)-76}$ без объявления

© Издательство «Наука», 1976 г.

*Шарль Де Костер.
Фотография (ок. 1868 г.)*

БРАТСТВО ТОЛСТОЙ МОРДЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О жалобном голосе, который услышал в своем саду Питер Ганс, и о пламени, бегущем по траве.

В те времена, когда Брабантом правил добрый герцог, в Уккле, в трактире «Охотничий рог», собирались бывало братья Толстой морды; прозвание это им вполне подходило, ибо у всех были веселые лица, украшенные в знак сытой жизни самое малое — двумя подбородками. Это у молодых было по два, а у тех, что постарше, и больше.

Вот как было основано их братство.

Однажды ночью Питер Ганс *, хозяин упомянутого «Охотничьего рога», разоблачаясь перед сном, услышал, как в его саду кто-то вопит жалобным голосом:

— Ох, как пересохло во рту, дайте промочить горло, дайте промочить горло! До смерти пить хочется!

Подумав сперва, что это какой-нибудь запоздалый гуляка, трактирщик преспокойно улегся в постель, хотя вопли в саду не утихали:

— Дайте промочить горло, дайте промочить горло! До смерти пить хочется!

* Gans (флам.) — гусь. В переносном значении — престофиля, глупец.

Однако голос молил так горестно, что Питер Ганс через силу поднялся и подошел к окну поглядеть, каков из себя одержимый жаждой молодчик, что так громко кричит. Тут он увидел бегущее по траве яркое пламя, как-то чудно вытянутое кверху, и подумал, уж не явилась ли это из чистилища чья-то душа, истомясь по молитве. И прочитал за нее больше сотни молитв. Но понапрасну. Крик раздавался без умолку:

— Дайте промочить горло, дайте промочить горло! До смерти пить хочется!

Когда пропел петух, все стихло, и Питер Ганс с великой радостью увидел, что пламя погасло.

Едва рассвело, он отправился в церковь; рассказал кюре все как было, заказал мессу за упокой бедной души, дал причетнику золотую монету, чтоб отслужил и другие мессы, и, приободрившись, вернулся домой.

А все же ночью снова плакался голос, да так жалостно, будто кого-то терзали предсмертные муки. И так было несколько ночей подряд.

Тут Питер Ганс крепко задумался.

Кто видал, каков он был раньше, — краснолицый, толстопузый, с веселыми глазками, — с какою охотой звонил он к заутрене в бутылки, а к вечерне — во фляжки, — тот бы, наверно, его ни за что не узнал.

Он так исчахнул, высох, отощал, такой у него стал пришибленный вид, что собаки лаяли, завидев его, как лают они всегда на нищих с сумой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О том, как Ян Бласкак дал Питеру Гансу хороший совет, чтобы помочь ему, и как тяжело была наказана скарденность.

В то самое время, когда Питер Ганс понуро и мрачно сидел один, маясь в своем углу, словно прокаженный какой, в трактир невзначай забрел пивовар, дядюшка Ян Бласкак, — хитрец и насмешник, каких мало.

Глянув на Питера Ганса, который, трясая головою, точно старик, уставился на него одурелым, растерянным взглядом, пивовар подошел к нему.

— Эй, дружище, — сказал Ян Бласкак, толкнув трактирщика в бок, — протри глаза! Ты стал похож на покойника, нехорошо это!

— Ах, кум, — отозвался Питер Ганс, — я и впрямь не лучше покойника!

— И с чего это черная тоска на тебя накатила?

На что Питер Ганс ответил:

— Пойдем куда-нибудь подальше, где никто нас не сможет подслушать. Там я тебе расскажу все по порядку.

Так он и сделал. Внимательно выслушав его, Бласкак сказал:

— То не христианская душа была, то был голос дьявола. И надо его ублажить. Спустись-ка ты в погреб и выкати оттуда в сад добрый бочонок браги — как раз на то место, где светилось яркое пламя.

— Так я и сделаю, — молвил Питер Ганс. Но вечером, пораскинув мозгами, он решил, что брага слишком дорого стоит, чтобы бросать ее чертям на потребу, и поставил на место, где светилося пламя, большое корыто с чистой колодезной водой.

Около полуночи Питер Ганс услышал жалобный голос, вопивший еще пуще прежнего:

— Дайте промочить горло, дайте промочить горло! До смерти пить хочется!

И он увидел яркое пламя, которое плясало, как бесноватое, над корытом с водой, и корыто тотчас же с громом расколосось, да с такой страшной силой, что обломки его забарабанили в окна дома.

Тогда, весь вспотев от страха, Питер Ганс начал плакать и причитать:

— Вот мне и крышка, боже милостивый, вот мне и крышка! И зачем я не послушался мудрого Бласкака? Ведь у него ума палата! Господин дьявол, если хотите выпить, не сживайте меня со свету нынче ночью, завтра у вас будет расчудесная брага, господин дьявол! Ах, она славится по всему нашему краю, ведь это отменная брага, достойная услаждать самого короля да такого сердобольного дьявола, каким, спору нет, являетесь вы.

Голос, однако, вопил без передышки:

— Дайте промочить горло, дайте промочить горло!

— Ой-ой, потерпите маленько, господин дьявол, завтра вы получите отличную брагу, господин дьявол! Хоть мне она дорого обошлась и

стоила немало золотых монет, я выставлю вам целый бочонок. Ну пожалуйста, не губите меня нынче ночью, вы удавите меня завтра, коли я не сдержу свое слово!

И так он ныл, пока не пропел петух; услышав пение петуха и сообразив, что он еще не умер, Питер Ганс радостно прочитал утреннюю молитву.

Когда взошло солнце, он собственноручно выкатил из погреба бочонок браги, поставил его на траву и сказал:

— Вот вам свежая, первосортная брага! Сами видите, не сквалыга я вовсе, так имейте ко мне жалость, господин дьявол!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О песнях, голосах, мяуканье и любовных лобзаниях, которые Питер Ганс и Бласкак услышали в саду, и о том, как мило сидел верхом на каменном бочонке господин Толстая морда.

Днем в третьем часу к трактирщику заглянул Бласкак узнать новости. Он собрался было уйти, но Питер Ганс не пустил его и сказал:

— Я все скрыл от своих слуг, боясь, как бы они чего не сболтнули священнику, и вот теперь я в доме остался один. Тебе ж не годится уходить так скоро: тут может разыгаться скверная история, и хорошо бы на такой случай набраться храбрости. Но у меня-то одного ее маловато, а двоих нас не испугаешь. Да не худо бы

нам вооружиться перед боем. Словом, вместо того, чтобы ночью дрыхнуть, мы будем с тобой пировать и до самого утра попивать.

— Ну, раз так пришлось, то уж, конечно, старое вино! — отвечал Бласкак.

Около полуночи, когда собутыльники, коротая время в низкой горнице, напились допьяна, — не без боязни, однако, — они услышали тот же голос, но теперь он был не жалобный, а веселый и распевал песенку на каком-то чудном языке. Они слышали сладостные гимны, какие могли бы петь ангелы, хватившие лишку амброзии в раю (не в обиду им будь сказано), неземные женские голоса, мяуканье тигров, шумные вздохи, дружеские шлепки по спине и любовные лобзания.

— Ну и ну! — воскликнул Питер Ганс. — Да что здесь творится? Иисусе сладчайший! Ведь это, конечно же, черти! Они вылакают весь мой бочонок. Моя добрая брага, видно, пришлась им по вкусу, им снова захочется пить, и каждую ночь они будут все громче вопить: «Дайте промочить горло, дайте промочить горло!» Ведь я совсем разорюсь, ох-хо-хо! Ну ладно, дружище Бласкак, — с этими словами трактирщик вынул свой *кэйф**: так называется, как вам известно, длинный острый нож, — их надо разогнать силой, но у меня не хватает духу на это.

— Я это сделаю, — вызвался Бласкак, — но только, когда пропоют петухи. Черти, говорят, тогда не кусаются.

* *Kuyf* (флам.)

Перед восходом ясного солнца пропел петух. И в это утро у него был такой задорный голос, как будто протрубил звонкий охотничий рог.

И, услышав охотничий рог, все гуляки-черти разом прервали свои песни и разговоры.

Питер Ганс и Бласкак очень обрадовались и пустились бегом в сад.

Не успев еще добежать, Питер Ганс увидел, что бочонок превратился в камень, а на камне верхом, словно на жеребце, сидел совершенно голый мальчуган, премиленький, пригожий мальчуган в веселом веночке из виноградных листьев, с виноградными гроздьями, свисавшими ему на уши. В правой руке он держал жезл, весь увитый виноградными листьями и гроздьями, с сосновою шишкою на конце.

И хотя мальчуган был каменный, он казался живым, — такая славная была у него мордочка!

В великом испуге глядели Ганс и Бласкак на упомянутого мальчугана.

И, страшась козней дьявола и церковной кары, они поклялись не проронить об этом ни слова и втащили статую, правда, не очень большую, в темный погреб, где нечем было дышать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, как два приятеля отправились вместе в Брюссель, главный город Брабанта, и о нраве и занятиях кухмистера Йоссе Каргёйвелса.

Проделав все это, они отправились вместе в Брюссель за советом к одному старику, кухмистеру по роду занятий, впрочем, стряпавшему

неважно. Простой народ, однако, благоволил к нему по причине некоего фрикасе из кролика, приправленного душистыми травами, за которое он дорого не брал. Набожные люди поговаривали, будто он якшается с дьяволом: так умел он всем на удивление лечить своими травами и людей и животных. Еще он торговал пивом, которое покупал у Бласкака. И был он безобразен на вид: весь скрюченный подагрой, зобастый, высохший, желтый, как айва, сморщенный, как старое яблоко.

Он жил в дрянном домишке, в том самом, где теперь пивоварня Клааса ван Волксема. Ганс и Бласкак, войдя к нему, застали его на кухне в хлопотах над своим фрикасе из кролика.

Взглянув на унылого, жалкого Питера Ганса, кухмистер спросил, не мучает ли его какая-нибудь хворь, от которой бы он хотел излечиться.

— Его надо излечить, — сказал Бласкак, — не от чего иного, как от страха перед адом, который терзает его вот уже с неделю.

И он все рассказал про толстощекого малыша.

— Господи, боже, — ответил Йоссе Картёйвелс, ибо так звали ученого мастера вкусных фрикасе, — я хорошо знаю этого дьявола и могу хоть сейчас показать вам его портрет.

И он повел их наверх, в маленькую комнату, и показал им хорошенькую картинку, на которой вышеназванный дьявол бражничал в компании бойких бабенок и удалых козлоногих парней.

— А как звать этого веселого мальчугана? — спросил Бласкак.

— Мне сдается, что Бахус, — сказал Йоссе

Картёйвелс. — В стародавние времена он был богом, но после благословенного пришествия господина нашего Иисуса Христа (все трое осенили себя крестным знаменем) потерял свою силу и божественную сущность. Веселый он был малый и, главное, изобрел вино, пиво и брагу. Возможно, что поэтому его и отправили вместо ада только в чистилище, где ему, без сомнения, захотелось пить, и он получил небесное соизволение явиться на землю, — но только один-единственный раз, не более того, — и пропеть там жалобную песню, которую вы и слышали в своем саду. Я полагаю, что ему было разрешено жаловаться на жажду лишь в тех краях, где пьют пиво, а не вино, и вот почему он пришел к дядюшке Гансу, зная, что лучшего пива ему нигде не получить.

— Верно, — согласился Ганс, — верно, друг Картёйвелс, лучшего пива и лучшей браги, чем у меня, нет во всем герцогстве, а он вылакал у меня целый бочонок и не заплатил мне ни единой монетки — ни золотой, ни серебряной, ни даже медной. Так не поступает честный дьявол.

— Гм, вы жестоко ошибаетесь, — сказал Картёйвелс, — и совсем не понимаете, в чем ваше благо. Но, если бы вы послушались меня, вы бы извлекли немалую пользу из упомянутого Бахуса, ибо он бог веселых гуляк и гостеприимных трактирщиков, и, насколько я понимаю, может принести вам удачу.

— Что же мы должны сделать? — спросил Бласкак.

— Я слышал, что этот дьявол без памяти влюблен в солнце. Первым делом вытащите его из темного погреба и поставьте на такое место, где светло, ну, хотя бы на высокий ларь в зале для гостей.

— Иисусе сладчайший! — воскликнул Питер Ганс, — это пахнет идолопоклонством.

— Ничуть не бывало, — отвечал кухмистер, — но я думаю, что попади он на то место, о котором я вам говорю, он будет на верху блаженства, вдыхая запах кувшинов и кружек и слушая веселые шутки. И, таким образом, вы по-христиански облегчите бедную душу покойного.

— Ну, а если, — спросил Питер Ганс, — священник прослышит, что мы не постыдились выставить всем напоказ эту статую?

— Он не сможет обвинить вас в грехе: ведь невинность никогда не таится. Вы будете открыто показывать этого Бахуса вашим родным и друзьям и говорить, что ненароком нашли его на земле, в углу вашего сада. И посему он сойдет за старинную вещь, а, собственно, так оно и есть. Однако никому не открывайте его имени. Вы можете только назвать его господином Толстая морда и учредить смеха ради веселое братство в его честь.

— Так мы и сделаем, — сказали разом Питер Ганс и Бласкак и собрались уходить, не премилив вручить кухмистеру два полновесных гроша за беспокойство.

Он хотел было их удержать, чтобы попотчевать своим бесподобным фрикасе из кролика, но Питер Ганс прикинулся тугим на ухо, решив

про себя, что от этой дьявольской кухни не по-здоровится христианскому желудку. И, выйдя за порог, они направились в Уккле.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О долгих разговорах и колебаниях Питера Ганса и Бласкака по поводу статуи толстощекого дьявола и о том решении, какое они приняли по дороге в Уккле.

Дорóгой Ганс спросил у Бласкака:

— Ну, приятель, каково твое мнение об этом кухмистере?

— Отродье еретиков, — отвечал Ян Бласкак, — язычник и хулитель всего доброго и святого. Ибо он дал нам дурной и коварный совет.

— Верно, дружище, верно! И разве не великая ересь — осмелиться рассказывать нам басни, будто этот толстощекий дьявол, сидящий на бочонке, изобрел пиво, вино и брагу, меж тем как нас каждое воскресенье поучают в церкви, что по совету господина нашего Иисуса Христа (тут оба осенили себя крестным знамением) все это изобрел святой Ной.

— Я тоже слыхивал об этом сотни раз, — подтвердил Бласкак.

И, усевшись на траве, они начали уплетать вкусную гентскую колбасу, которой запасся Питер Ганс в предвидении, что они проголодаются в дороге.

— Эй-эй, — спохватился он, — надо прочитать

Benedicite*, мой друг! Тогда-то, может быть, нас и не станут поджаривать на вечном огне. Ведь этим мясом мы обязаны господу богу; да сохранит он в нас навеки святую веру в него!

— Аминь! — произнес Бласкак. — Но, кум, теперь мы должны вместе разбить эту поганую статую.

— Ох-ох! кому не приходится стеречь овец, тот не боится волков. Тебе легко сказать — разбить этого дьявола.

— Это было бы весьма похвальным поступком.

— А как он снова повадится ко мне каждую ночь да будет жалобно выть: «Дайте промочить горло, дайте промочить горло!» И если он обозлится на меня и напустит порчу на мое пиво и вино, и я стану нищим, как Иов? Ну уж нет, лучше послушаться совета кухмистера!

— А что если священник дознается про статую и нас обоих притянут к суду и сожгут на костре, как еретиков и идолопоклонников?

— Ай, того и гляди, милостивый господь и нечестивый станут биться за нас, горемычных, и останется от нас мокрое место, ох-ох-ох! — застонал Ганс.

— Слушай, — молвил Бласкак, — пойдем-ка напрямик к добрым отцам и расскажем им все безо всякого вранья.

— Ох-ох! нас сожгут, кум, сожгут без промедления.

* Благослови (господи) (лат.) — начало католической молитвы, произносимой перед едой.

— Я думаю, у нас есть способ вывернуться из беды.

— Нет такого способа, мой друг, нет такого способа, и нас сожгут! Я уже чувствую, как меня поджаривают и слева и справа.

— А я нашел такой способ, — сказал Бласкак.

— Нет такого способа, мой друг, нет никакого способа, и нам остается лишь уповать на милосердие добрых отцов. А ты не видишь, не идет ли сюда кто с сумою?

— Не вижу.

— Если увидишь, надо будет отдать ему всю нашу колбасу, — а благодарственную молитву мы прочитали? — и весь хлеб, что у нас с собой. И почтительнейше пригласить его в дом сначала откусать жареного барашка, а потом вволю запить его старым вином. У меня вина совсем немного, но я ничего не пожалею, поставлю на стол все, что у меня есть. Ты не видишь, не идет ли кто сюда с сумою?

— Не вижу, — сказал Бласкак, — но насторожи свои заячьи уши! Я дам тебе хороший совет, я добра желаю тебе, плакса! Мы должны послушаться совета кухмистра наполовину, только наполовину, понятно тебе? Выставить напоказ эту статую в зале для гостей было бы дерзким идолопоклонством.

— Ах-ах! Черт побери, да ты прав!

— Так вот, мы поместим статую в нишу, закроем ее со всех сторон и сделаем наверху лишь дырочку, чтобы можно было дышать; в нишу мы поставим бочонок пива и попросим дьявола не слишком уж налегать на него. Таким

образом он будет все равно находиться в большой трактирной зале и, конечно, станет вести себя смиренно: ведь он сможет' услаждаться песнями пьяниц, звяканьем кружек и звоном бутылок.

— Нет, — ответил Ганс, — нет, мы должны во всем послушаться кухмистра, он лучше нашего понимает в дьяволах; а дьявола надо постараться как следует ублажить в меру наших скромных достатков. Но все-таки, я думаю, нас с тобой сожгут когда-нибудь, ох-ох!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О том, что не бывает сердобольных дьяволов, и о злой шутке, которую дьявол сыграл с бедными женами гуляк.

Придя в «Охотничий рог», два друга вытащили из подвала толстощекого дьявола и с великим почтением водрузили его на высокий ларь в зале для гостей.

Назавтра к Питеру Гансу явились почти все мужчины Уккле: они собрались по случаю того, что в этот день были проданы с публичных торгов две отлично откормленные лошади покойного общинного старшины Якоба Налтьенса. Сын его не захотел их держать, говоря, что хороший хозяин и пешком не отстанет.

Укклеицы во все глаза глядели на толстощекого малыша, сидящего на ларе, и очень разве-селились, когда Бласкак объявил им, что его

зовут господином Толстая морда и посему надлежит немедленно учредить в его честь смеха ради потешное братство.

Все охотно согласились и сообща порешили, что не бывать в этом братстве тому, кто не успеет при посвящении выпить двадцать четыре громадных кружки пива, пока не влепят двенадцать ударов по брюху самому толстопузому из всей честной компании.

Каждый вечер они собирались в «Охотничьем роге» и пили там вдосталь, уж можете поверить.

Самое удивительное, что, несмотря на это, они день-деньской усердно трудились, всяк на своем месте: кто в мастерской, кто в поле, и все были ими довольны. Только не женщины: ибо, не обращая на них ни малейшего внимания, все мужья и женихи отправлялись под вечер в «Охотничий рог» и оставались там, покуда в Уккле не тушили огни.

Когда же такой гуляка возвращался в свой дом, он не бил жену, как иные пьяницы, но без дальних слов заваливался рядом с ней в постель и тотчас засыпал мертвым сном, выделявая носом такие фиоритуры, какие впору выводить только круглому рылу — мессиру Борову.

Напрасно бедняжка жена пинала, щекотала и окликала спящего мужа, чтобы он рассказал ей сказочку повеселее: с таким же успехом она могла бы черпать решетом воду.

Мужья просыпались лишь с пением петухов и бывали с утра до того сердиты и ворчливы, что ни одна жена (я говорю о тех, что не засыпали от усталости) не смела вымолвить ни

словечка, даже в час трапезы. И виною всему были злокозненные чары толстощекого дьявола.

Все женщины впали в глубокую печаль и говорили друг дружке, что если так пойдет и дальше, то угаснет порода укклейцев, а это было бы очень прискорбно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О великом женском вечае.

Так вот женщины между собой порешили спасти общину и, дабы преуспеть в этом деле, собрались, пока их мужья бражничали у Питера Ганса, в доме госпожи Зиске — рослой толстухи с зычным голосом и щетиною на подбородке, вдовы пяти или семи мужей — точно не скажу, сколько их было: боюсь как бы не соврать.

Из презрения к своим мужьям-пьяницам женщины тут утоляли жажду только чистой колодезной водой.

Когда все расселись, молодые здесь, старые там, безобразные посреди старых, госпожа Зиске первой стала держать речь и объявила, что надо тотчас же пойти в «Охотничий рог» и так отлупить всех пьянчуг, чтобы целую неделю на них живого места не было.

Старые и безобразные выразили одобрение этим словам, пустив в ход руки, ноги, рты и носы. Поднялся великий галдеж, можете мне поверить.

Но молодые и красивые были немые, как рыбы, кроме одной — свеженькой, миленькой, пригожей девушки по имени Вантье, которая, залившись краской, очень скромно сказала, что негоже бить славных мужчин, а лучше постараться наставить их на путь истинный лаской и шутками.

На что отвечала госпожа Зиске:

— Крошка, ты ничего не понимаешь в мужчинах, ведь ты девица, как я полагаю! А я-то умела держать в руках всех своих мужей, — только не лаской и шутками, уверяю тебя! Все они, голубчики, померли, царство им небесное! — однако я отлично их помню и не забыла, как при малейшей провинности моя палка плясала у них на спине, внушая им послушание. Никто из них не смел ни попить, ни поесть, ни чихнуть, ни зевнуть, не получив на то у меня разрешения. Маленький Иов Зиске, последний мой муж, вместо меня хозяйничал на кухне. И очень недурно стряпал, бедняга. Но прежде чем обучить его, да и всех остальных тоже, мне частенько приходилось пускать в ход кулаки. Так вот, крошка, оставим ласки и шутки, они немного стоят, уверяю тебя! Пойдемте-ка лучше наломаем зеленых веток на палки, — это нам недолго, на дворе ведь весна, — отправимся в «Охотничий рог» и вздуем как следует наших вероломных мужей.

Тут старые и безобразные опять давай бушевать и вопить во всю мочь:

— Так их, поделом этаким пьяницам! Бить их надо, вешать их надо!

— Вот уж нет! — сказала Вантье, а с ней заодно молодые и красивые, — уж лучше бы они нас побили.

— Гляньте на этих дур, — завизжали старухи, — гляньте на этих дур безмозглых! Нет в них ни копейки, ни на грош гордости. Ладно! Позволяйте измываться над собою, кроткие овечки! Мы вместо вас отомстим этим пьяницам за унижение женского достоинства.

— Покуда мы здесь, вы не сделаете этого, — отвечали молодые.

— Нет, сделаем, — вопили старухи.

Тут вдруг одна молодая и веселая бабенка покатила со смеху:

— А знаете, — сказала она, — с чего эти старые ведьмы вдруг так разъярились и жаждут мести? Из чистого бахвальства. Они хотят нас уверить, будто их хрипуны-мужья еще могут им петь свои песни.

При этих словах лагерь старых грязнух так всполошился, что несколько из них вмиг умерли от злости. А другие изломали свои скамеечки и кинулись убивать молодых, которые только смеялись над ними (и приятная же это была музыка — их свежие зазорные голоса), но госпожа Зиске остановила старух, сказав, что у нее в доме собрались для совета, а не для смертоубийства.

Возобновив беседу, женщины тараторили, трещали, орали, пока не пришла пора гасить огни, и разошлись так и не приняв решения, ибо у них не хватило времени наговориться досыта.

И в этом женском собрании было сказано

свыше 577 849 002 слов, в коих содержалось не больше здравого смысла, чем старого вина в лягушачьем садке.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О великой хитрости, присущей всем женщинам, и о скромных словах девицы Вантье, с которыми она обратилась к мужчинам.

Назавтра все кумушки опять собрались и, как накануне, вволю напились чистой воды. Затем, вооружившись палками, двинулись в трактир, где засели веселые гуляки.

Перед дверьми «Охотничьего рога» женщины остановились и вновь стали совещаться. Старухи стояли на том, чтобы войти туда с палками, а молодые ни за что не соглашались.

Питер Ганс, у кого слух был острее, чем у зайца, услышал на улице шум и громкие голоса.

— Ай, ай, — закричал он в испуге, — что это еще там? Иисусе сладчайший, наверняка это черти!

— Я пойду погляжу, жалкий трусишка! — ответил Бласкак. И, отворив двери, захохотал во все горло.

— Толстые морды, — позвал он, — да это наши жены!

Все гуляки тотчас вскочили и бросились к дверям: одни с бутылками в руках, другие, размахивая кувшинами, а иные, трезвоня в кра-

сивые резные кубки, как в колокольчики. Бласкак вышел из залы и, переступив порог, остановился на дороге.

— Эй, красотки! — сказал он. — Зачем пожаловали сюда с вашими зелеными ветками?

Тут молодые побросали свои палки на землю, застыдившись, что их застали врасплох с таким оружием в руках.

Но одна старуха, потрясая палкой, ответила за всех:

— Мы пришли сюда, пьянчуги, расправиться с вами и задать вам хорошую трепку!

— Ах, ах, — заныл Питер Ганс, — я узнаю голос моей бабушки!

— Ты попал в точку, висельник! — закричала старуха.

А Толстые морды слушали, и животы у них ходуном ходили от смеха.

— Так входите, — пригласил Бласкак, — входите же, кумушки, посмотрим, как вы зададите нам трепку! А палки у вас крепкие?

— Да, да, крепкие!

— Очень рад! А вот мы приготовили для вас крепкие розги. Они отлично вымочены в уксусе: мы сечем ими непослушных мальчишек. Вы получите необыкновенное удовольствие от этой нежной ласки и вспомните свои детские годы. Не желаете ли попробовать? Можем предложить вам розог на пятьсот денье и больше.

Но старухи, услышав такие речи, сразу струсили и что было сил пустились наутек, — и быстрее всех госпожа Зиске, — да с такой яростью изрыгали хулу и угрозы, что веселым

братьям почудилось, будто стая ворон раскаркалась над безмолвными улицами.

А молодые остались у дверей, и просто жалость брала на них смотреть: так смиренно, покорно и кротко стояли они, терпеливо ожидая дружеского словечка от своих мужей и женихов.

— Ну что? — спросил Бласкак. — Угодно вам будет войти сюда?

— Да, — отвечали они хором.

— Не зови их, — шепнул Питер Ганс на ухо Бласкаку, — не зови, они разболтают священнику про толстощекого дьявола, и нас с тобою сожгут, дружище!

— Я оглох, — сказал Бласкак, — входите, милые!

И милые женщины вошли в трактир и все расположились по местам: кто подле мужа, кто подле жениха, а самые молоденькие девчушки скромно уселись рядком на лавке.

— Женщины, — спросили гуляки, — так вы, значит, желаете чокнуться с нами?

— Да, — отвечали они.

— И выпить с нами?

— Да, — отвечали они.

— И пришли сюда не за тем, чтобы петь нам песню о воздержании?

— Нет, нет, — отвечали они, — мы пришли сюда лишь с одним желанием, — побыть вместе с нашими славными мужьями и женихами и повеселиться с ними, если богу так будет угодно.

— Это, конечно, золотые слова, — заметил один старик, — но что-то мне чудится тут женская хитрость.

Старика, однако, никто не услышал, так как все женщины уже сидели вокруг стола, и пошла беседа. — «Пей, моя душенька, это божественный напиток!» — «Наливай, сосед, наливай живительную влагу!» — «Кто сравнится со мной? Я ли не герцог? У меня добрая бутылка и добрая женка». — «Ну-ка, поднеси нам еще, сегодня мы пьем воскресное вино, ведь надо как следует угостить славных женщин!» — «Мне храбрости не занимать. Я готов не только пить, а и луну снять с неба. Но это потом. А сейчас я не отойду от своей женушки. Поцелуй меня, милочка!»

— Не время сейчас, здесь так много людей, — отвечали женщины.

И каждая, ласкаясь к своему мужу, на все лады нежно уговаривала его:

— Пойдем домой!

Гуляки-то и сами были не прочь пойти домой, но не смели, стыдясь друг друга.

Женщины догадались в чем дело и завели речь о том, что им пора уходить.

— Вот, вот, — сказал старик, — что я говорил? Они хотят увести нас отсюда.

— Нет, сударь, нет! — кротко возразила Вантье. — Но сами посудите: мы совсем не привыкли к таким крепким напиткам и даже просто — к их запаху. И если нам хочется выйти на свежий воздух, это вовсе, сударь, не значит, что мы бы желали кого-нибудь рассердить или огорчить. Пошли вам, господь, много радости!

И славные женщины ушли, хоть мужчины и старались удержать их силой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Из которой видно, что ученый Фома из Клапперибуса понимал, что именно могло заставить гуляку ерзать на лавке.

Когда гуляки остались одни со своими кувшинами и кружками, они в изумлении переглянулись друг с другом.

— Поглядите-ка на этих баб! — сказали они. — Не хватает еще, чтобы мы покорно их слушались. С виду-то они тихони, а на деле хотят, чтобы им подчинялись. А кому природой назначено быть во всем главными? Мужчинам или женщинам? Мужчинам.

— А мы ведь мужчины. Так выпьем же! И всегда будем поступать так, как нам хочется. Нынче мы хотим спать здесь. Так мы и сделаем, ибо такова наша воля.

Так говорили они, прикидываясь, будто и впрямь очень разгневались, но в душе больше всего желали быть у себя дома со своими добрыми женами. Потом долгое время как воды в рот набрали: кто зевал, кто бил об пол подошвой в лад какой-нибудь песенке, и многие ерзали на своих лавках, словно сидели на колючках.

Вдруг один молодой горожанин, новобрачный, вышел из залы, заявив, что врачи ему запретили выпивать в один присест свыше двадцати шести кружек браги, а он их уже выпил.

Услышав это, и другие под разными предлогами разошлись по домам: у кого заболел живот, у кого голова, на кого хандра напала, а кого стал душить кашель.

И гуляки, не чуя под собой ног, побежали к своим женам. Так свершилось то, о чем писал ученый Фома из Клапперибуса в своей толстой книге «De Amore» *, гл. VI, где говорится, что женщина сильнее, чем дьявол.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О Железном клыке.

Однако такое дело случилось лишь однажды. На другой день гуляки снова кутили в «Охотничьем роге», и когда женщины пришли за мужьями, их с позором прогнали.

А гуляки пили и пели веселые песни. Не раз и не два к ним заходил ночной караульный с приказом не поднимать такой большой шум после захода солнца. Да, они очень почтительно выслушивали его и становились тише воды, ниже травы, каясь в своей вине; они твердили *mea culpa* **, но тем временем с таким радушием подносили караульному чарку, что бедняга, очутившись на улице, отправлялся в дозор, держась за стенки домов и при этом хрипя как фагот. А гуляки не прекращали свои попойки и потом засыпали мертвым сном, о чем непрестанно сокрушались их опечаленные супруги. И так продолжалось месяц и четыре дня.

Но самая большая беда состояла в том, что добрый герцог вел войну с властителем Фланд-

* О любви (лат.)

** Моя вина (лат.)

рии, и, хотя мир был давно заключен, в стране еще бесчинствовала шайка бездельников и головорезов, которые никому не давали житья и грабили честных людей.

Главарем упомянутой шайки был свирепый разбойник по имени Железный клык. Его так прозвали за то, что на шлеме у него торчал длинный острый клык — то ли дьявола, то ли слона из преисподней — необыкновенно мудреной выделки. И в бою разбойник, подобно барану, частенько бодал оным клыком врага. Так погибло много храбрых вояк в Брабантском герцогстве. На упомянутом шлеме сидела также злющая птица, она колотила крыльями о железо и, по рассказам, во время сражений издавала жуткий свист.

Железный клык обычно совершал набеги на деревни по ночам: он беспощадно резал бедных сонных жителей, увозил с собой ценные вещи и домашнюю утварь и угонял женщин и девушек, но — только молодых. Старух он не трогал, говоря, что убивать их не стоит труда, поскольку от страху они и сами помрут без его помощи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Из которой видно, как храбро взялись за мужское дело славные женщины Уккле.

Однажды ночью, когда слабо светили редкие звезды и луна на ущербе, в Уккле примчался, запыхавшись от быстрого бега, дядюшка Андре Бредадь.

Он торопясь рассказал, как, присев на минуту за кустом на дороге, ведущей в Париж, увидел проходивший мимо вооруженный отряд, в котором признал шайку Железного клыка, заметив шлем этого изверга.

Когда разбойники, сделав привал, подкреплялись, он подслушал разговор о том, что они направляются прямо на Уккле, где их ждет богатая добыча и пир горой, но хотят свернуть на боковые тропы и подкрасться незаметно. Дядюшка Бредаль предполагал, что они выйдут на открытое место за церковью в Уккле.

Узнав все это, он побежал по парижской дороге, опередив разбойников на добрых полмили, с намерением предупредить жителей Уккле, дабы они встретили злодеев во всеоружии.

Он постучался в ратушу, надеясь, что ударят в колокол: но никто не отворил двери, ибо сторож, будучи одним из членов братства Толстой морды, крепко спал, как и все прочие храбрецы. Андре Бредаль нашел другое средство и крикнул так громко: «Горим, горим! Бранд, бранд!»*, что все женщины, старики и дети сразу проснулись и подбежали к окнам узнать, в чем дело.

Назвав себя, Андре Бредаль стал умолять женщин выйти на площадь. Так они и сделали. Когда все столпились вокруг него, он рассказал, что приближается Железный клык, и потребовал, чтобы каждая жена разбудила своего мужа.

* Brand (флам.) — пожар,

При этих словах старухи начали голосить, словно сумасшедшие:

— Добро пожаловать, Железный клык, клык божий! Он всем им распорет брюхо. Ах, гуляки, мы увидим, как обрушится на вас небесная кара, как вас будут вешать, жечь живьем, топить; и все это еще вам мало за ваши грехи!

Потом, точно у них на ногах выросли крылья, они бросились к своим домам. Дядюшка Бредаль, оставшийся на площади с молодыми, слышал, как обезумевшие старухи выли, стонали, плакали, орали, барабанили по сундукам и кастрюлям, пытаясь разбудить мужчин. Они кричали без умолку:

— Висельники, проснитесь! Милые, дорогие, защитите нас! Пьяницы, хоть раз за вашу проклятую жизнь выполните свой долг! Пузаны наши любимые, неужто вы хотите завтра найти нас мертвыми? Не сердитесь за то, что мы хотели вас побить! Мы были глупы, мы были строптивы, а вы были умниками, спасите же нас сейчас!

Так мешали они нежные слова с гневными, словно молоко с уксусом.

Но никто из мужчин не проснулся.

— Что это значит? — спросил дядюшка Бредаль.

— Ах, сударь, — отвечали молодые, — вы сами видите: давно уже они спят по ночам, как убитые. Прилети сюда даже ангел господень, и тот бы их не добудился! Ах, сначала мерзкие гуляки покинули нас, а теперь мы погибнем из-за них!

— Не плачьте! — сказал Андре Бредаль. — Не время теперь для слез. Вы любите своих мужей?

— Да, — отвечали они.

— И своих сыновей?

— Да, — отвечали они.

— И своих миленьких, хорошеньких дочек?

— Да, — отвечали они.

— И хотели бы заступиться за них?

— Да, — отвечали они.

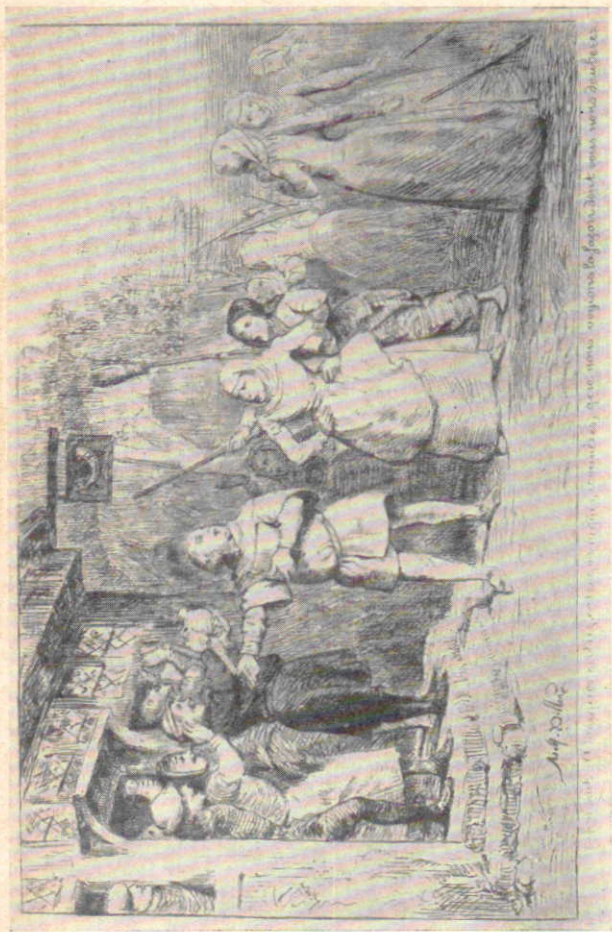
— Так вот, — прибавил Бредаль, — идите, возьмите оружие этих храпунов и живо обратно ко мне! Мы подумаем, что нам надобно сделать.

Женщины тотчас возвратились назад, держа в руках луки своих мужей, братьев и женихов. А эти луки славились во всей стране: они были крепкие, точно стальные, и метали стрелы с невероятной силой.

Потом прибежали мальчишки лет по двенадцати и чуть постарше, да несколько храбрых стариков, но женщины отправили их домой, говоря, что они должны стеречь общину.

Женщины стояли на площади, и речи их были полны жара и отваги, но отнюдь не бахвальства; и все были в обычном женском ночном одеянии — в белых кофтах, белых платьях и белых сорочках, — на сей раз, однако, в том была особая милость господня, как вы сами увидите!

Вантье тоже была здесь; смелая и решительная, она неожиданно объявила, что надо помолиться. Все женщины благоговейно опустили на колени, и юная девушка произнесла такие слова:

А. Дилленс. Иллюстрация к повелле «Братство Толстой морды»

О. фон Торен. Иллюстрация к новелле „Бланка, Клара и Кандида“

— Пресвятая дева, ты царишь в небесах, подобно тому как наша герцогиня царит в нашей стране! Обрати свой взор на нас, смиренно распростертых перед тобою, на нас, бедных женщин и девушек, вынужденных из-за мужей своих и родичей-пьяниц пойти выполнить мужской долг и взять в руки оружие. Если ты хоть немножко помолитесь за нас господу нашему Иисусу Христу и попросишь его помочь нам, мы наверняка победим. И в благодарность за это мы поднесем тебе в дар красивый венец из чистого золота с рубинами, бирюзой и алмазами, красивую золотую цепь и красивое парчовое платье, все расшитое серебром, и так же одарим мы и господу, сына твоего. Помолись же за нас, пресвятая дева!

И все добрые женщины и девушки повторили вслед за Вантье:

— Помолись за нас, пресвятая дева!

Поднявшись с колен, они вдруг увидели, как с неба на землю покатила прекрасная светлая звезда и остановилась совсем близко от них; то был, конечно, ангел божий, который спустился из рая и подлетел совсем близко, чтобы помочь им.

Глядя на чудесное благое знамение, женщины исполнились еще большей отваги, и Вантье заговорила опять:

— Пресвятая дева пожелала услышать нас, — сказала она, — я надеюсь на это всей душою. Пойдемте же на край селения к церкви, где сокрыт образ нашего господу (все осенили себя крестным знаменем), и смело будем ждать при-

хода Железного клыка и его шайки. И как только они приблизятся к нам, мы без единого слова, не трогаясь с места, начнем в них стрелять из луков. Пресвятая дева направит наши стрелы.

— Отлично сказано, храбрая девушка, — молвил дядюшка Бредаль, — ну так пошли! Я вижу по глазам твоим, сверкающим в ночи, что дух божий — а он подобен огню — горит в твоём сердце девственницы. Вы должны слушаться ее, женщины.

— Да, да, — ответили они.

Женская рать двинулась вперед и выстроилась на дороге за церковью.

В тревоге и смятении ждали там женщины, пока не услышали голоса и шум шагов, которые, приближаясь, становились все громче.

И Вантье взмолилась:

— Пресвятая дева, они идут, сжался над нами!

Перед ними выросла толпа мужчин с фонарями в руках. И послышался страшный голос, показавшийся женщинам голосом осипшего дьявола:

— Вперед, друзья, — кричал он, — хватайте добычу для Железного клыка!

Тут добрые женщины все разом ловко пустили свои стрелы; злодеев освещали их собственные фонари, и женщины, стоя в тени, видели врагов как при свете дня. Две сотни разбойников упали: кому стрела угодила в голову, кому в шею, многим в живот.

Одним из первых, как услышали женщины,

с ужасающим грохотом свалился Железный Клык, ибо стрела, метко пущенная Вантье, вонзилась ему в глаз.

Иные хоть и не были ранены, но у них помутилось в голове, и, видя белые одежды, они решили, что это души несчастных, погубленных ими, явились теперь, чтобы с соизволения господня отомстить за себя. И, припав гнусными своими рожками к земле, полумертвые от страха, разбойники жалобно закричали:

— Смилуйся, господи боже, прогони обратно в ад эти призраки!

Но, когда они увидели наступающих женщин, страх придал силы их ногам, и они бежали сломя голову.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В которой Питер Ганс ближе к костру, чем к кружке.

Выиграв сражение, женщины вернулись на площадь и стали перед ратушей, но не торжествуя, а печальась о том, что вынуждены были в опасности пролить христианскую кровь. И они горячо поблагодарили за победу пресвятую деву Марию и господа нашего Иисуса Христа.

Не забыли они и кроткого ангела, который спустился на помощь к ним в виде светлой звезды. И стройными голосами запели прекрасные гимны и прекрасные молитвы.

А в это время во всей округе проснулись петухи и друг за дружкой затрубили в трубы, возвещая приближение ясного дня.

Тут и гуляки продрали глаза и побежали к дверям узнать, откуда доносится столь нежное пение.

А на небе уже улыбалось солнышко.

Мужчины все высыпали на площадь; увидев там своих благоверных, иные мужья хотели поколотить их за то, что они покинули ночью супружеское ложе, но Андре Бредаль помешал этому и рассказал все, как было. Изумленные жители Уккле со стыдом и раскаянием слушали, как за них поработали храбрые вояки в юбках. Питер Ганс, Бласкак и преподобный Классенс, настоятель местной церкви — святой жизни человек, тоже вышли на площадь.

Дядюшка Бредаль обратился к огромной толпе с такой речью:

— Друзья, — сказал он, — если вы все еще дышите божьим воздухом, благодарите за это ваших отважных жен и дочерей! А теперь вы должны дать обещание и поклясться, что впредь не будете пить — разве что только с их позволения.

— Полегче, дядюшка Бредаль, — возразил один из толпы. — Никогда выпивка не вгоняет в такой мертвый сон. Уж я-то в этом деле мастак: всю жизнь выпивал, собираюсь продолжать и дальше в свое удовольствие. Но я подозреваю другое: здесь не иначе, как замешан сам дьявол и его злые чары. А ну-ка подойди сюда, Питер Ганс, подойди, мы с тобой немного потолкуем, и если тебе что-нибудь известно, ты нам объяснишь все это дело!

— Ах-ах, — залепетал Питер Ганс, трясая го-

ловой и лязгая зубами (бедняга изрядно струхнул), — ах-ах, я ничего не знаю, дорогие друзья!

— Враки! — ответил тот, — ты все знаешь, ведь я вижу, как голова у тебя трясется и зуб на зуб не попадает.

Тут перед Питером Гансом внезапно оказался настоятель Классенс:

— Ты дурной христианин, — сказал он, — я отлично понял: ты был в сношениях с дьяволом на погубу всем этим честным людям. Покайся смиренно в своем грехе, и, может быть, мы помилуем тебя, но если ты будешь запираяться, вариться тебе в наказание в кипящем масле!

— Ах, — заплакал Питер Ганс, — я давно предсказывал, что буду вариться в масле, боже милосердный! Бласкак, где же ты, куманек? Дай мне совет, ах-ах!

Но Бласкак, испугавшись священника, уже улизнул.

— Вот, — сказал Питер Ганс, — видите, какой он предатель, он покинул меня в беде!

— Говори! — потребовал Классенс.

— Хорошо, ваше преподобие, — сказал Питер Ганс, заливаясь слезами, — я вам все расскажу без утайки.

— Ваше преподобие, — добавил он, закончив свой рассказ, — если вы меня не очень строго накажете, я из моих скудных грошей ежегодно буду делать свой вклад в церковь. Я истинный христианин, уверяю вас, и никакой не еретик. Примите во внимание и то, что мне нужно порядочно времени, чтобы как следует покаяться

прежде, чем умереть. Но не бросайте меня в кипящее масло, молю вас!

— Мы еще посмотрим, — ответил настоятель, — а теперь веди нас в то место, где находится этот дьявол!

Когда они проходили мимо церкви, Классенс вошел туда и набрал святой воды, а потом мужчины, женщины и дети — вся община двинулась в «Охотничий рог».

Настоятель пожелал увидеть того, кто наслал порчу на стольких добрых людей, и Питер Ганс покорно указал на улыбающегося толстощекого мальчугана, в руках у которого был жезл, украшенный виноградными гроздьями и листьями, и женщины все до единой нашли, что для дьявола он слишком красив.

Священник сотворил крестное знамение, погрузив пальцы в святую воду, омочил ею лоб, живот и грудь статуи, и она — так велико могущество божие — тотчас рассыпалась в прах, и послышался жалобный голос: «Oï moi, ô rhôs tethnêka!»

И священник пояснил слова дьявола, которые на греческом языке означали: «Горе мне, о ясный свет, я умираю!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*О том, как был изумлен и поражен герцог,
узнав о мужестве женщин Уккле.*

Тем временем община отрядила к герцогу двух почтенных жителей Уккле с поручением надлежащим образом уведомить достойного государя

о происшедшем. Они его встретили, когда он был уже на пути в Уккле, ибо, узнав от лазутчиков о замысле Железного клыка, которого тот и не скрывал, герцог тотчас отправился в погоню за ним с хорошо вооруженным отрядом всадников.

Жители Уккле, завидев герцога, бросились перед ним на колени, но добрый государь не допустил этого и велел им подняться и пойти с ним рядом.

Вдруг все увидали место, где была разбита шайка разбойников. Глядя на трупы, валявшиеся на земле, восхищенный герцог остановился в изумлении.

— Кто же, — спросил он, — предал смерти этих лиходеев?

— Наши жены, — ответил один из жителей Уккле.

— Что это еще за басни! — воскликнул герцог, нахмурившись.

— Упаси боже, государь, — прибавил другой, — я вам все расскажу, — что он и сделал.

— Вот как! — подивился герцог, — кто бы мог такое подумать об этих женщинах? Я желаю вознаградить их.

Сказав это, он велел поднять с земли и подать ему шлем Железного клыка, долгое время потом находившийся среди оружия монсеньора Карла, который наказывал его тщательно хранить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О том, как в Уккле был основан союз женщин-лучниц,
и о щедрой награде, которую герцог пожаловал
девице Вантье.

Вступив в Уккле, добрый герцог увидел направляющуюся ему навстречу большую толпу и среди нее человека, который жалобно голосил:

— Господин кюре, господин кюре, не бросайте меня в кипящее масло!

На что тот отвечал:

— Мы еще посмотрим!

— Что это за шум? — спросил герцог.

Тут Питер Ганс, завидев его, подбежал к нему и, обняв ноги его коня, закричал:

— Государь, не допустите, чтобы меня сварили в кипящем масле!

— А почему, — спросил герцог, — должны сварить в масле одного из моих добрых подданных?

Тогда выступил вперед преподобный Классенс и с великим негодованием рассказал обо всем случившемся, а Питер Ганс продолжал горько плакаться. Итак, один плакал и стонал, а другой в это время говорил ладно и складно, делал разные умозаключения, так что все очень спуталось, и добрый герцог не знал, кого из двоих слушать.

Вдруг из толпы вышла Вантье и так же, как Питер Ганс, крикнула: «Милосердия и сострадания!»

— Государь, — сказала девица, — этот чело-

век совершил великий грех перед богом, но в простоте сердечной и по природной трусости. Дьявол его запугал, он ему и покорился. Простите его, государь, ради нас!

— Девушка, — сказал герцог, — ты хорошо говоришь, и я тебя послушаюсь.

Но преподобный Классенс возразил:

— Государь, вы не думаете вовсе о божьей!

— Отец мой, — ответил герцог, — я никогда не забываю о божьей. Однако я полагаю, что ему не очень-то приятно видеть, как поднимается чад от растопленного жира христианина и как варится его мясо, но что он любит тех, кто кроток душою и не преграждает ближнему путь к раскаянию. А особенно сегодня, когда пресвятая дева соблаговолила сотворить чудо для нас, я не хочу опечалить ее материнское сердце смертью христианина. Итак, никто из обвиняемых, ни Питер Ганс, ни другие на сей раз не будут преданы казни.

Услышав это, Питер Ганс залился смехом, как полоумный, и начал петь и плясать.

— Хвала государю! — закричал он, — я не буду вариться в масле! Весь Брабант любит доброго герцога.

И все закричали вместе с ним:

— Хвала государю!

Тогда герцог велел им замолчать.

— Вот что, — улыбаясь, сказал он, — женщины, совершившие этой ночью мужской подвиг, подойдите сюда, я награжу вас, словно мужчин. Первым делом я вручу тяжелую золотую цепь самой храброй из вас. Где она?

Женщины подтолкнули Вантье к герцогу.

— А, это ты, моя милая говорунья! Не хочешь ли поцеловать меня, хоть я и старик?

— Да, государь! — ответила она. Так она и сделала, хотя и очень смутилась.

И добрый герцог, надев ей на шею золотую цепь, продолжал:

— А для всех вас, добрые женщины, которые отважно сражались в эту ночь, я учреждаю прекрасный союз под покровительством пресвятой девы. Я хочу, чтобы здесь водрузили длинный-предлинный шест и чтобы каждое воскресенье вы приходили сюда стрелять из ваших луков в память о том, как с их помощью вы спасли жизнь мужьям своим и детям. И ежегодно самая искусная из вас получит прекрасный лавровый венок и кошелек, полный звонких золотых монет, который остальные поднесут ей на подушечке. И этот кошелек послужит ей приданым, ежели она девица, и подспорьем в нужде, ежели она замужем.

Так был в Уккле основан союз женщин-лучниц, и каждое воскресенье под покровительством девы Марии они стреляли из луков подобно мужчинам.

БЛАНКА, КЛАРА И КАНДИДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О трех благородных девицах и о великой их красоте.

В лето от Рождества Христова шестьсот девяностое жили три милые девицы, происходившие по отцовской линии из благородного рода великого императора Октавиана.

И звали их Бланка, Клара и Кандида.

Хоть и посвятили они богу цвет своей невинности, вовсе не следует думать, что сделали они это по недостатку воздыхателей.

Ибо всякий день, когда шли девицы в церковь, собиралась большая толпа народу поглядеть на них, и все говорили:

— Смотрите, до чего хороши у них глаза! А руки-то какие белые!

И не один из тех, у кого слюнки текли при виде девиц, с сокрушением прибавлял:

— И подумать только, эти пригожие девицы посвятили себя богу, да ведь в его райских кущах таких, как они, одиннадцать тысяч, если не больше!

— Но не таких милых, — отвечал старый кашлюн, шагавший по пятам за девицами, вдыхая аромат их платьев.

И если упомянутый старый кашлюн встречал по пути молодого парня, который плевал в лужу

или, развалясь на брюхе, грел спину на солнце, то давал ему пинка и говорил при этом:

— Эй ты, неужто не взглянешь на самую распрекрасную красоту, что только есть на земле?

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Как один аравийский принц без памяти влюбился
в меньшую из сестер, и что из этого вышло.*

Многие замыслили склонить девиц к браку, но, потерпев неудачу, впадали в тоску и сохли на глазах.

Среди них был и аравийский принц, который с превеликой торжественностью принял святое крещение. И сделал это только ради меньшей из сестер.

Но ничего от нее не добившись — ни мольбами, ни угрозами, — сел он однажды утром у порога ее двери и вонзил себе в грудь кинжал.

На крики прекрасного сеньора девица поспешно спустилась вниз и велела его положить на ее ложе, чему он, не успев еще отдать богу душу, несказанно обрадовался.

Когда же она склонилась над ним, чтобы осмотреть и перевязать его рану, он, собрав последние силы, поцеловал ее в нежные уста, вздохнул с облегчением и, ликуя в сердце своем, испустил дух. Но поцелуй этот вовсе не был приятен меньшей сестре, ибо она полагала, что он похищен у Иисуса, ее небесного супруга. Несмотря на это, она все же поплакала о прекрасном сеньоре — самую малость!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Из которой видно, как сатана преследует юных девушек, возывевших желание удалиться от мира.

У дома, где жили девицы, часто толпились влюбленные: одни пели жалобные песни, другие лихо гарцевали на прекрасных скакунах, а иные, храня молчание, целыми днями глядели на окна.

И нередко они затевали драки и убивали друг друга из ревности, что очень огорчало сестер.

— Ах, помолись за нас, Бланка, по праву так названная, — говорили старшие младшей, — ибо непорочна душой ты, непорочна и телом*. Помолись за нас, душенька, Иисус охотно внемлет молитвам таких юных девушек, как ты.

— Ах, сестрицы, — отвечала она, — неужто я достойнее вас? но чтобы вам угодить, помолюсь.

— Помолись, — говорили они.

И все три опускались на колени, и Бланка молилась так:

— Иисусе сладчайший! Мы, наверно, грешны пред тобой, а то разве дозволил бы ты, чтобы лукавый смущал нашей красотой этих гадких мужчин? Да, мы грешили, но по слабости нашей мы грешили невольно, о господь наш! Ах, даруй нам прощение ради нашей скорби великой! Ты пожелал, чтобы тебе мы себя посвя-

* Игра слов: по-французски слово «Blanche» (Бланка) значит «белая», а в переносном значении — «непорочная», «чистая».

тили, и все, что дано нам — юность и красоту, радости и печали, обеты и молитвы, тело и душу, помышления и поступки, — все мы храним для тебя. И разве не думаем мы о тебе постоянно: утром, в полдень, вечером — каждое мгновение, каждый час? Восходит ли на небе ясные звезды, о жених наш возлюбленный, — они всегда видят, как мы тебе молимся, и не золото, ладан и мирро несем тебе в дар, а смиренную нашу любовь и наше многострадальное сердце. Но этого мало, мы знаем. Ах, научи нас, господь, что еще надобно сделать!

Она умолкала, и все три горько вздыхали.

— Иисусе сладчайший, — продолжала молиться меньшая, — нам известно, чего домогаются эти мужчины. Они почитают себя сильными, красивыми и достойными нашей любви. Но они не столь сильны, не столь добры и прекрасны, как ты, Иисусе! Потому принадлежим мы тебе и будем принадлежать тебе вечно, а им — никогда. Полюби же и ты нас хоть немного, Иисусе! В этом горестном мире лишь в тебе наши радость и утешение. Не оставь же нас! Лучше пошли ты нам смерть поскорее: мы алчем и жаждем тебя. Но, если такова твоя воля, пусть эти гадкие мужчины преследуют нас своею любовью, нам будет сладко пострадать ради тебя. Но даже земной супруг не оставит супругу в опасности, не оставит и невесту жених. А разве не ты самый милостивый, разве не ты защитишь нас от дьявольских козней? Если тебе неуютно, не делай этого, но ведь тогда

у нас смогут отнять нашу девственность, а она принадлежит тебе. Ах, сделай лучше уж так, о супруг наш возлюбленный, чтобы всю жизнь были мы безобразными, старыми, больными проказой, а потом попали бы в ад, и там среди дьяволов, огня и серных паров дожидались бы часа, пока не сочтешь ты нас достаточно чистыми и не призовешь нас, наконец, в твой рай, где нам будет дозволено тебя созерцать и вечно любить. Смилуйся над нами! Аминь.

Тут меньшая сестра заливалась слезами, а за нею и сестры ее, повторяя:

— Смилуйся, Иисусе, смилуйся!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*О голосе небесного жениха и о прекрасном всаднике
в серебряных латах.*

Вдруг услышали они сладкозвучный голос:

— Уповайте на милость господню!

— Вот божественный супруг, — сказали они, — сподобивший нареченных своих услышать речь его!

И комната наполнилась благоуханием более сладостным, чем аромат драгоценного ладана в священных курильницах.

Голос продолжал:

— Завтра на рассвете покиньте город. Садитесь на своих иноходцев и скачите вперед, все время вперед, не заботясь о дороге. Я буду вас охранять.

— Мы послушны тебе, — отвечали девицы, — послушны тому, кто нас сделал счастливейшими из дочерей человеческих.

И, поднявшись с колен, они радостно расцеловались друг с дружкой.

В то время как внимали они небесному голосу, на площади показался прекрасный всадник в серебряных латах и в золотом шлеме, и на нем развевался подобно крылу птицы султан, сверкавший ярче огня; конь под всадником был весь белоснежный, без единого пятнышка.

Никто не заметил, как появился всадник, будто он вырос из-под земли в толпе влюбленных, и они от страха не смели взглянуть на него.

— Презренные, — сказал он, — покиньте площадь вместе с конями вашими. Разве не понимаете вы, что стук копыт мешает трем дамам молиться?

И, сказав это, ускакал на восток.

— Ах, видали вы эти серебряные латы, этот огненный султан? — толковали меж собою влюбленные. — То был, наверное, ангел божий, прилетевший из рая к трем дамам.

Но самые бесстыдные бормотали:

— Не запретит же он нам стоять перед домом! ну и будем здесь тихо стоять.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Как по небесному велению три девицы отправились
в путь неведомо куда.*

На другое утро, ни свет ни заря, влюбленные опять пришли гурьбой к дому девиц, оставив, однако, своих лошадей в конюшнях. Когда вошло еолнце, они увидели, как три девицы, повинувшись приказанию божьему, вышли из дому и сели, каждая на своего иноходца. Подумав, что девицы отправились на соседний луг подышать свежим воздухом, воздыхатели двинулись следом за ними, распевая в их честь веселые песни.

По городу иноходцы шли медленным шагом, а очутившись за пределами города, понеслись вскачь.

Влюбленные бросились было пешком догонять лошадей, но под конец один за другим без сил повалились на землю.

Пробежав несколько миль, иноходцы остановились. И три девицы, видя, что они избавились от докучливых преследователей, приняли решение возблагодарить бога за его великую помощь и выстроить во славу ему прекрасную церковь.

Но где? Этого они не знали. Однако все уже было заранее определено в раю, как вы сами сейчас увидите.

Ибо, как только девицы снова сели на своих иноходцев, кони, ведомые божьим духом, пустились бежать дальше.

И скакали они через реки, мчались сквозь

леса и города, — и городские врата открывались перед ними и закрывались за ними, — прыгали через стены.

И все пугались, глядя, как неслись мимо три быстрых, как ветер, белых коня и три белокурые дамы на них.

И так пробежали они тысячу миль, если не больше.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Об алмазных молотках и фундаментах,
выброшенных из земли.*

В Хакендове, в герцогстве Брабантском, иноходцы остановились и заржали.

И не хотели больше ступить ни шагу — ни вперед, ни назад.

Ибо здесь было место, избранное богом для построения храма.

Но вообразив, что кони притомились, девицы пешком добрались до Хойбаута, где и рассудили, что лучше всего возвести церковь именно здесь.

Для этого послали они за самыми умелыми работниками и мастерами-каменщиками, которых явилось так много, что в один день был заложен фундамент вышиною по крайней мере в две пяди.

Девицы очень обрадовались этому, полагая, что дело их угодно богу.

Но на другое утро они увидали, что все камни выброшены из земли.

Подумав, что тут, быть может, случайно похоронен какой-нибудь злодей-еретик, чьи проклятые богом кости ночью сбросили с себя церковные камни, девицы вместе с каменщиками отправились в Стенен-Берх и принялись там за ту же работу, что и в Хойбауте.

На другое утро, однако, они увидали что и здесь камни лежат на земле.

А все это произошло потому, что господь пожелал, чтобы поклонялись ему единственно в Хакендове.

И ночью прислал он своих ангелов с алмазными молотками, взятыми из райских кладовых. И велел им разрушить труд трех девиц.

Весьма озадаченные и опечаленные, девицы упали на колени и, обратясь к богу с жаркой молитвой, просили его открыть им его волю и указать место, где ему угодно, чтобы ему поклонялись.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О меньшой из сестер и о прекрасном ангеле.

И вдруг они увидали юношу дивной красоты, одетого в платье цвета закатного солнца.

Он глядел на них благосклонным взором.

Узнав ангела божьего, три девицы поверглись ниц перед ним и склонили лица к земле.

Однако меньшая из сестер, более смелая, как многие дети, решилась взглянуть на прелестного посланца и, увидев, как он приветлив, совсем расхрабрилась и засмеялась.

Ангел взял ее за руку и сказал всем трем:
— Встаньте и следуйте за мной!

И три девицы встали и последовали за ним.

Так дошли они до места, где и поныне стоит церковь, и ангел сказал им:

— Вот это место!

— Спасибо, монсеньор, — весело ответила меньшая сестра.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О том, как три сестры увидели зеленый остров, и какие прекрасные цветы и птицы были на нем.

Это было на тринадцатый день после праздника крещения; снегу навалило целые горы, и он не таял, потому что дул сильный северный ветер.

И посреди снега три девицы увидели зеленый остров.

И этот остров опоясан был алой шелковой нитью.

Воздух на острове был весенний; цвели розы, фиалки и жасмин, испуская аромат, подобный бальзаму.

Вокруг царила зима, бушевала вьюга, трещал мороз.

А посреди острова, где теперь стоит главный алтарь, высился вечнозеленый дуб, и он цвел цветами настоящего персидского жасмина.

В его листве распевали малиновки, соловьи и зяблики, и звучали их песни, как хор небесный.

Ибо то были ангелы, воплотившиеся в пернатых и своим щебетом возносившие хвалу господу.

Милый соловушка, самый искусный из всех певчих птиц, держал в правой лапке полоску пергамента, на которой чистым золотом было выведено:

«Здесь находится место, избранное богом и чудесным образом указанное трем девицам, дабы они возвели тут церковь во славу господа нашего и спасителя Иисуса Христа».

Велика была радость девиц, и меньшая сказала ангелу:

— Мы видим теперь, что бог нас немножко любит; что мы должны делать дальше, скажите, монсеньор ангел?

— Надобно, милочка, выстроить здесь церковь, — ответил прелестный посланец, — и отобрать для этого дела двенадцать искуснейших каменщиков, не больше и не меньше. Тринадцатым будет бог.

Сказав это, он вознесся на небеса.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О церкви в Хакендове и об искусном каменщике, ее строившем.

Тогда три сестры поспешили выбрать двенадцать искусных каменщиков, и они заложили фундамент храма там, где проходила алая шелковая нить.

Работа подвигалась так быстро, что любо-до-

рого было смотреть, до того проворно ложились камни один на другой.

Но чудом было и то, что во время работы каменщиков всегда было тринадцать, а в обеденные часы и в час получки только двенадцать.

Ибо господь пожелал с ними работать, но не есть и не пить, он, у кого в раю такие вкусные паштеты, такие сладкие фрукты, такое дивное вино в сапфировом фонтане.

А фонтан этот всегда изливает вино еще более золотистого оттенка, чем само расплавленное золото.

Не страдал также господь из-за нехватки денег: это огорчение предоставлено нам, горемыкам, — жалким и от природы неимущим созданиям.

Лишь только церковь была достроена, повесили, как водится, колокол.

Все три девицы вошли в церковь, и меньшая, упав на колени, спросила:

— Кто, о небесный супруг и возлюбленный наш Иисус, освятит эту церковь, возведенную нами во славу твою?

На что господь ответил:

— Я сам освящу и посвящу себе самому эту церковь, и никто не должен освящать ее после меня.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О двух епископах и об отсохших руках.

Однако два преподобных епископа, находившиеся в Хакендове, увидев новую церковь, захотели ее освятить.

Если б знали они, что сказал Иисус трем девицам, не совершили б они столь дерзкий поступок. И не понесли бы они за него жестокую кару.

В тот миг, как один собрался благословить воду, он внезапно ослеп.

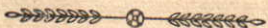
А другой взял кропильницу и поднял уже руки, чтобы благословить церковь, как вдруг руки у него начали сохнуть, потом одеревенели и стали совсем недвижимы.

И епископы, поняв, что они повинны перед господом, принесли покаяние, моля его простить их.

Бог их простил, ибо согрешили они по неведению.

И позднее, исполненные великого благочестия, они не раз посещали церковь в Хакендове.

СИР ГАЛЕВИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О двух замках.

Сир Галевин пел песню.

И не было девушки, которая не пришла бы к нему, услышав эту песню.

Итак, славные фламандцы, я расскажу вам историю про упомянутого Галевина и его песню и про знатную девицу, бесстрашную Махтельт.

Два гордых замка было во Фландрском графстве. В одном замке жил сир де Хёрне со своей достойной супругой, дамой Гондой, со своим сыном, Тооном Молчальником, со своей милой дочерью, Махтельт, с пажами, оруженосцами, рыцарями, дворянскими сынами на службе у рыцарей и с многочисленной челядью, среди которой была горячо всеми любимая Анна-Ми, девушка благородного происхождения, прислуживавшая девице Махтельт.

У своих крепостных сир де Хёрне брал только лучшие из плодов их тяжкого труда. И крестьяне говорили про него, что он человек справедливый: забирает лишь то, в чем сам нуждается, когда бы мог все отобрать дочиста.

В другом замке жил сир Галевин Злонравный с отцом, матерью, братом, сестрой и целой шайкой разбойников.

Это были лихие люди, поверьте мне, великие мастера по части разбоя, грабежа, убийств, так что лучше было не попадаться им на глаза.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О Дирке Вóроне.

Род Галевинов происходил по прямой линии от Дирка, первого из Галевинов, прозванного Вóроном, ибо он был жаден на добычу, как ворон на мертвечину.

И одевался он всегда во все черное, во все черное была одета и его дружина.

Этот самый Дирк, живший в пору великих войн, разил врагов как молния в жарком бою.

Единственным своим оружием — тяжким молотом с заостренным концом в виде клюва — крушил он копья, ломал пики и рассекал кольчуги, точно кольца их были из простой пряжи. Никто не мог устоять против него. И так устрашал он врага, что тот почитал себя мертвым еще до сражения, лишь завидев, как несется на него Дирк со своими бесшабашными, отчаянными черными рубаками, испускавшими дикие вопли и крики.

Расправившись с неприятелем и захватив добычу покрупнее (львиная доля причиталась Дирку, и никогда он не делился ничем с бедняками), бароны и рыцари покидали Дирка с его людьми на поле брани, говоря: «Вóрону — по следки».

Никто не смел с ними там оставаться: смельчака бы они вмиг зарубили на месте. Рассыпавшись по всему полю, дружки Дирка начинали кружить, как воронье, над убитыми: отрезали им пальцы ради перстней, не щадили даже раненых, еще взывавших о помощи, отрубали им головы и руки, чтобы легче было срывать с тела одежду. Из-за рыцарского нагрудника, потертого кожаного ремешка или другой нестоящей вещи разбойники затевали драки и тут же над трупами несчастных убивали друг друга.

Бывало они не уходили с поля брани по три дня и три ночи.

Раздев мертвецов догола, бросали добро их в повозки, которые для того с собою и брали.

Потом возвращались в замок Дирка, где напивались и объедались до отвала. А по дороге избивали встречных крестьян и угоняли с собой всех хоть сколько-нибудь миловидных женщин и девушек и творили над ними все, что хотели. Так люди Дирка и жили: воевали, разбойничали, грабили беззащитных, ничуть не помышляя ни о боге, ни о дьяволе.

Дирк Ворон безмерно возгордился своим могуществом, а особенно тем, что граф Фландрский даровал ему за победы вотчину Галевин, с феодальным правом вершить суд и расправу на этой земле.

И повелел Дирк изготовить для него красивый щит с гербом, на котором был выбит огромный черный ворон на золотом поле и начертан девиз: «Ворону — последки».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О Галевине и о том, как он себя вел в молодости.

Но потомки этого мощного ворона ничем на него не походили.

Ибо, сколь сие ни удивительно, они стали писаками, не питали никакого пристрастия к благородному искусству войны и презирали оружие.

Эти великие грамотеи потеряли добрую половину своих поместий. Ибо каждый год кто-нибудь из могучих соседей отхватывал у них по куску земли.

И дети у них рождались тощие, чахлые, бледные. Как это водится у книжников, сидели они по углам и, жалобно вздыхая, уныло бормотали молитвы.

Так перевелись в роду Галевинов настоящие мужчины.

Сиверт Галевин, тот самый злодей, чью историю я вам хочу рассказать, тоже был некрасивый, тщедушный, плюгавый, мрачный и даже еще противней своих родичей.

Как и они, он прятался по углам, сторонился людей, приходил в неистовство, слыша смех, навел на всех уныние и никогда не ходил с высоко поднятой головой, как пристало дворянину, а, потупясь, беспрестанно рассматривал свои башмаки; плакал без повода, ныл без причины и ничем не был доволен. К тому же был он труслив и жесток, с малых лет любил мучить, терзать и калечить щенят, котят, воробьев, малиновок, зябликов, соловьев и всяких зверушек.

Даже став взрослым, не смел он пойти один на волка, хоть и было у него доброе копьё. Но, когда зверь падал, сраженный другими охотниками, Галевин, как бешеный, бил его до потери сил.

Так он и жил, пока не пришло ему время жениться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, как сир Галевин задумал жениться и что говорили об этом дамы и девицы.

Как подобает старшему сыну в семье, Галевин явился ко двору графа Фландрского, чтобы подыскать себе невесту. Но увидев, сколь он безобразен, придворные стали потешаться над ним и пуще всех — дамы и девицы.

— Полюбуйтесь на него, до чего же он хорош! — посмеивались они между собой, — что ему здесь нужно? Кажется, он не прочь жениться на одной из нас? Но кто же пойдёт за него, хоть у него четыре замка, столько же поместий, десять тысяч крепостных и золота не меньше, чем весит он сам? — Никто. — А право жаль: были бы прелестные дети, если бы уродились в отца! — Ах, какие у него чудесные волосы! Не иначе, сам черт расчесал их гвоздем! А как хорош нос, точно сморщенная слива! Какие красивые голубые глаза и какие великолепные синяки под глазами! — Уж не собирается ли он заплакать? Ну и славная бы это была музыка!

Слыша такие речи, Галевин не находил слов для ответа: от гнева, стыда и досады язык у него прилипал к гортани.

Но, несмотря ни на что, он бывал на всех турнирах, всегда принимал в них участие и всякий раз терпел позорную неудачу; когда он падал с лошади, дамы бурно ему рукоплескали и кричали:

— Слава Уроду! Старый ворон утратил свой клюв!

Так они сравнивали его с Дирком, знаменитым родоначальником Галевинов, в свое время столь могучим и сильным.

И возвращался к себе Галевин, всеми осмеянный.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Почему Галевин, вернувшись однажды с турнира, призывал дьявола.

И вот однажды, потерпев поражение на третьем турнире, Галевин возвращался в свой замок и увидел у моста отца, мать, брата и сестру.

И сказал отец:

— Ага, вот и мой сын-удалец, Сиверт слабодушный, Сиверт опозоренный, Сиверт поколоченный! Вот он возвращается с турнира, поджав хвост, как побитая собака.

И сказала мать:

— Вижу, вижу, граф наградил тебя золотой цепью и всенародно обнял тебя за то, что ты

столь доблестно опрокинулся на спину, не хуже, чем в тот раз, когда тебя выбил из седла мессир де Бофор. Слава богу, это было победоносное падение.

И сказала сестра:

— Привет тебе, мой прекрасный старший брат! Какие вести ты принес? Конечно, ты вернулся с победой, я это вижу по твоей сияющей роже! А где же шарф, подаренный тебе дамой?

И сказал брат:

— Как ваше бесценное здоровье, мессир Сиверт Галевин старший, потомок вóрона с могучим клювом? Ведь этот ворон, играючи, душил ястребов, кречетов, соколов! Не мучает ли вас жажда, жажда барона, жажда победителя, а не мужика, конечно? У нас найдется легкое вино из лягушечьей лужи, оно остудит ваши внутренности, воспламененные жаром победы.

— Ах, дал бы мне бог силы, — отвечал, заскрежетав зубами, Галевин, — ты бы, мессир мой брат, запел у меня по-другому!

И с этими словами он бросился на брата с мечом, но тот увернулся от удара и закричал:

— Привет тебе, ошипанный ворон, привет тебе, выхолощенный петух! Молю тебя, о Сиверт победитель, прославь наш род!

— Ба! — воскликнул Галевин, — отчего же этот пустобрех не поехал, как я, на турнир? Но разве он бы посмел? Он из породы трусов, что смотрят, скрестив руки, как дерутся другие, а сами только зубы скалят.

Он слез с коня и побрел в свой покой, где, укрывшись от всех, иступленно рыдал, умоляя

дьявола наделить его силой и красотой, а за это, поклявшись рыцарской честью, обещал отдать ему свою душу.

И всю ночь призывал Галевин дьявола, плакал, кричал, стонал и даже хотел лишить себя жизни. Но дьявол не шел. Он был занят другими делами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О далеких странствиях Галевина.

В любую погоду — в ведро или в ненастье, когда небо безоблачно или покрыто тучами, при тихом ветерке или в бурю, в дождь, град и снег — сир Галевин всегда одиноко бродил по лугам и лесам.

И, завидев его, испуганные дети с криком бежали прочь.

— Значит, я очень безобразен! — говорил себе он. И продолжал свой путь.

Когда же навстречу ему попадался крепко сложенный, красивый простолюдин, Галевин бросался на него и случалось убивал своим мечом.

И все боялись Злонравного и просили бога поскорее прибрать их господина.

И каждую ночь сир Галевин звал дьявола. Но дьявол не шел.

— Ах, — горевал Галевин, — почему ты не хочешь подарить мне силу и красоту в этой

жизни? Я бы отдал тебе мою душу на том свете. Разве это не выгодная сделка?

Но дьявол все не шел.

От непрестанной тревоги, тоски и печали Галевин скоро стал походить на старика и по всей стране называли его не иначе, как сиром Уродом.

И в сердце его росли гнев и ненависть. И он проклял бога.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О Повелителе камней и о песне.

Как-то летом, когда уже поспели сливы, сир Галевин, исходив всю округу до самого Лилля, возвращался лесом в свой замок. По дороге в лесной чаще он заметил под дубом очень широкий и очень длинный камень.

И он сказал:

— Вот славная скамеечка для меня! Можно посидеть и немного отдохнуть.

И, присев на камень, снова стал молить дьявола подарить ему силу и краеоту.

Было еще светло; весело пели малиновки, зяблики и другие лесные птички; ласково грело солнышко, веял легкий ветерок, и сир Галевин, утомившись за день, не заметил, как уснул.

Он спал до глубокой ночи, как вдруг его разбудил странный шум. При свете ясных звезд и яркой луны он увидел какую-то тварь, покрытую шерстью, точно камень мохом. Тварь эта рыла землю под камнем, на котором сидел Га-

А. Дилленс.
Иллюстрация к новелле
„Сир Галевин“

Ш. Де Гру.
Иллюстрация к новелле
„Сметсе Сmee“

левин, и то и дело совала голову в выкопанную ею яму, словно собака, почуявшая крота.

Сир Галевин подумал, что это какой-то лесной зверь, и ударил его копьем.

Но копье сломалось, и на плечи к Галевину вскочил маленький каменный человечек и принялся больно бить его по щекам своими твердыми руками.

— Ищи, сир Галевин, — приговаривал он, хрипло смеясь, — ищи серп и песню, ищи серп и песню, ищи, Урод, ищи!

И он твердил это, прыгая и скача, как блоха, по спине Злонравного. Галевин нагнулся и обломком копья стал рыть яму все глубже и глубже, а каменный человечек припал щекою к его щеке, и глаза его светили ярче, чем два фонаря.

И человечек кусал Галевина своими острыми зубами, колотил его своими маленькими кулаками, щипал и царапал его когтями и с пронзительным смехом говорил:

— Я Повелитель камней, я страж чудесных сокровищ, ищи, Урод, ищи!

И тузил его беспощадно.

— Га! Сиверту Галевину нужны сила и красота, — насмеялся человечек, — красота и сила нужны ему, так ищи же, Урод, ищи!

И он выдирали у Злонравного волосы прядями, в клочья рвал его платье когтями и, захлебываясь от смеха, повторял:

— Сила и красота ему нужны, красота и сила нужны ему, так ищи же, Урод, ищи!

Вцепившись руками в уши Галевина, он моло-

тил каменными ногами по его лицу, не внимая воплям рыцаря, который криком кричал от боли.

И маленький человечек все твердил:

— Хочешь получить силу и красоту, ищи, Галевин, песню и серп, ищи, рыцарь Урод!

А Злонравный долбил и долбил землю обломком копья.

Вдруг земля под камнем рухнула, открылась глубокая пещера, и Галевин увидел гробницу, озаренную огненными глазами маленького человечка, и лежал в ней несказанной красоты человек в белой одежде, ничуть не похожий на мертвеца.

В руках он держал серп с рукояткой и лезвием из чистого золота.

— Возьми серп! — приказал человечек, колотя Галевина кулаками по голове.

Сир Галевин повиновался, и человек в гробнице тотчас рассыпался в прах; оттуда взметнулось широкое белое пламя, и из этого белого пламени донеслась чудесная, пленительная песня.

И в лесу вдруг заблагоухало кинамоном, ладаном и майораном.

— Пой! — приказал человечек, и Злонравный стал вторить песне.

Он пел, и резкий голос его постепенно становился нежнее ангельского; а из лесной чащи вышла совершенно нагая девушка небесной красоты. Она остановилась перед ним.

— О господин мой с золотым серпом! — плача, заговорила она. — Я пришла, покорная

твоей воле. Не причиняй мне слишком много страданий, когда будешь брать мое сердце, о господин мой с золотым серпом!

Затем она исчезла в глубине леса, а маленький человечек, покатываясь со смеху, бросил Галевина на землю и сказал:

— Теперь у тебя есть песня и серп, будут у тебя сила и красота! Я Повелитель камней. До встречи, братец!

Когда Галевин встал с земли, он уже не увидел ни каменного человечка, ни обнаженной девушки; в тревоге рассматривал он золотой серп, размышляя, что бы могли значить человек в гробнице и обнаженная девушка и для какой цели даны ему благозвучная песня и золотой серп, как вдруг он заметил на лезвии серпа красивую надпись, сверкающую огненными буквами.

Но прочитать эту надпись Галевин не мог, ибо никаким наукам его не обучали; и, плача от ярости, он катался по земле среди кустов.

— На помощь, Повелитель камней! — вопил он. — Не дай мне умереть от отчаяния!

Тогда маленький человечек появился снова. Он прыгнул к Галевину на плечо и, без устали щелкая его по носу, прочитал вслух надпись, выведенную на одной стороне лезвия:

Песня зовет,
Серп рассекает.
В сердце девы найдешь
Силу, богатство, красу и почет,
И от руки девы умрешь.

Затем маленький человечек прочитал ему другую надпись на оборотной стороне лезвия:

Кто б ни был ты,
Когда слова эти прочтешь
И песню эту споешь,
Разгадав их значенье, иди!
Мужчина тебя никогда не убьет.
Серп рассекает,
Песня зовет.

Прочитав ему эти письма, маленький человечек исчез.

Вдруг Злонравный услышал печальный голос:
— Хочешь ли ты обрести силу и красоту в смерти, в крови и слезах?

— Хочу, — ответил Галевин.

— Сердце честолюбца, каменное сердце! — произнес голос.

Больше Галевин ничего не услышал.

И он до тех пор глядел на серп, пока Шантеклер не разбудил своим пением кур.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Что сделал Галевин с девочкой, собиравшей хворост.

Злонравный очень обрадовался и стал размышлять, в чьем сердце — маленькой девочки или девушки-невесты — найдет он обещанное и сможет ли он, наконец, утолить свою жажду почестей и могущества.

Он направился к деревушке, где, как ему было известно, жили девушки разного возраста, и стал дожидаться утра.

На заре из хижины вышла девочка лет девяти и принялась собирать и ломать хворост.

Галевин запел песню и, пойдя навстречу девочке, показал ей серп.

Увидев серп, она в ужасе закричала и со всех ног пустилась бежать.

Но Галевин нагнал девочку и силой привел ее в свой замок.

На мосту перед замком стояла его мать.

— Зачем, Урод, привел ты сюда это дитя? — спросила она.

— Затем, чтобы прославить наш род, — отвечал он.

И мать, решив, что он не в своем уме, пропустила его. Галевин поднялся к себе, рассек тело девочки под едва набухшей левой грудью, вынул серпом ее сердце и выпил из него кровь.

Но силы от этого у Галевина не прибавилось. И, горько заплакав, он сказал:

— Серп меня обманул.

И выбросил тело и сердце девочки в ров.

Мать Галевина видела, как упали в воду бедный трупик и бедное сердце ребенка, и велела ей принести.

Разглядывая сердце девочки и ее изувеченное тело, раненное под левой грудью, мать ужаснулась при мысли, что Сиверт, ее первенец, занимается колдовством.

Она вложила сердце девочки обратно ей в грудь и приказала похоронить ее достойно и

по-христиански: накрыть ей лицо погребальным покровом с красиво вышитым крестом, а затем, опустив бедняжку в могилу, отслужить мессу за упокой ее души.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О сердце девушки и великой силе Галевина.

Глубоко опечаленный, упал Галевин на колени и воскликнул:

— Увы! неужто колдовские чары бессильны? Я пел, а она не пришла на мою песню. Что теперь прикажешь мне делать, Повелитель камней? Если надо ждать до ночи, я буду ждать. Тогда солнце не будет тебе мешать, ты снова обретешь свою власть, ты подаришь мне силу и красоту и пошлешь девушку, какая мне нужна.

Едва наступила ночь, как он начал бродить вокруг хижин, петь и выглядывать, не идет ли к нему какая-нибудь девушка.

Вдруг он увидел при ярком свете луны дочь Клааса, несчастного дурачка по прозвищу Пёсобой, ибо каждую встречную собаку он бил чем попало, крича, что «проклятые псы украли у него все волосы и должны ему их вернуть».

Девушка эта нежно заботилась о своем отце и, хотя была очень хороша собой, не хотела выходить замуж. говоря:

— Ведь он дурачок, я не могу бросить его.

И видя, как она добра, каждый давал ей, кто чем богат: сыру или бобов, а кто ломоть кито-

вого языка, и дочь с отцом жили, не зная голода.

Злонравный неподвижно стоял на опушке леса и пел. Девушка пошла прямо на его песню и упала перед ним на колени.

Он повернулся и зашагал к себе домой, она — вслед за ним, не проронив ни слова, и они вместе вошли в замок.

На лестнице Галевин столкнулся с братом, который только что возвратился с охоты, затравив кабана.

— Что я вижу? Урод намерен подарить нам ублюдка? — насмешливо спросил он. — А ты, красотка, верно, по уши влюбилась в моего уroda-брatца, раз так покорно идешь за ним? Взятa бы лучше меня! Удовольствия, право, ты получила бы больше.

Но Сиверт Галевин в бешенстве ударил брата копьем по лицу и взбежал по лестнице в свой покой.

Боясь, что брат бросится за ним, сир Галевин запер двери и раздел девушку донага — такой ему явилась в его видении дева в лесу. И дочь Клааса сказала, что ей холодно.

Он полоснул ее золотым серпом под левой грудью.

И когда она испустила предсмертный крик, сердце ее упало на лезвие золотого серпа.

И Злонравный увидел, как из каменной стены вышел маленький человечек, который, ухмыляясь, сказал:

— Сердце на сердце — вот где сила и красота! Галевин повесит девушку на Виселичном

поле. И тело ее будет висеть там, покуда не пробьет час божьего суда.

И сказав это, опять ушел в стену.

Сир Галевин положил сердце девушки к себе на грудь и услышал, как оно громко стучит, прирастая к его коже. Вдруг его согбенный стан распрямился, а рука исполнилась такой силы, что, пожелав испытать ее крепость, он сломал тяжелую дубовую скамью. И взглянув в зеркало, не узнал себя — таким красавцем он стал.

И он почувствовал в своей крови буйный пламень юности. Он спустился по лестнице в залу, где за ужином сидели его отец, мать, брат и сестра.

Никто из них не узнал бы Галевина, если бы не его голос, который ничуть не изменился.

И мать, встав с места, подошла к нему, чтобы лучше его разглядеть.

И он сказал ей:

— Женщина, я твой родной сын, Сиверт Галевин Непобедимый!

Но брат его, которого он перед тем ударил по лицу, крикнул:

— Будь проклят ты, Непобедимый! — и кинулся на него с ножом.

Однако нож разбился, словно стеклянный, коснувшись тела Злонравного. Тогда младший брат обхватил старшего руками, но Сиверт смахнул его с себя, как гусеницу, и отбросил далеко в сторону.

Младший снова кинулся на старшего — головой вперед, как баран, но едва он ударился

о тело Галевина, как рассек себе голову и по лицу его потекла кровь.

Тут отец, мать, окровавленный брат и сестра упали на колени перед Галевиним, прося у него прощения и умоляя дать им богатство, раз он обладает такой великою силой.

— Хорошо, — сказал он, — все исполню.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*О том, как Злонравный ограбил ломбардского ювелира,
и о приятных речах дам и девиц.*

На другое утро, одевшись и вооружившись серпом (теперь он презирал другое оружие, ибо его сила была в колдовстве), сир Галевин отнес труп девушки на Виселичное поле и повесил его.

Потом он поскакал на коне в город Гент.

Благородные дамы и девицы, а также простые девушки-горожанки, видя его на вороном коне, спрашивали друг дружку:

— Кто этот прекрасный всадник?

— Сиверт Галевин, — гордо отвечал он, — тот самый, кого прежде называли Уродом.

— Как бы не так! — смеялись самые бойкие, — шутить извольте, сеньор, разве лишь добрая фея вас так преобразила, что и узнать нельзя.

— Да, — отвечал он, — я даже завел с ней любовные шашни, а коли захочу, заведу шашни и с вами.

И дамы и девицы нисколько не гневались на него за такие речи.

И он отправился к ломбардскому ювелиру, который не раз ссужал его деньгами всего на сумму в сто двадцать флоринов. Но ювелир не узнал его.

И он сказал ювелиру, что он сир Галевин.

— Ах, умоляю вас, мессир, — молвил ювелир, — верните мне мои сто двадцать флоринов!

Но сир Галевин, посмеиваясь, приказал:

— Отведи меня в комнату, где ты прячешь свое золото!

— Мессир, при всем моем уважении к вам, я этого сделать не могу.

— Собака, — крикнул Галевин, — если ты меня ослушаешься, я тотчас же тебя зарублю!

— Э, да что это вы расшумелись, мессир? — сказал ювелир. — Я не раб и не крепостной, а вольный горожанин! И поверьте, если вы поднимете на меня руку, я сумею за себя постоять.

Тут Галевин ударил его, и вольный горожанин громко позвал на помощь.

На его крик сбежались подмастерья, — всего было их шестеро, — и, увидев Злонравного, кинулись на него.

Но он отколотил их так же, как ювелира, и велел показать ему, где хозяин прячет золото.

Они повиновались, говоря меж собой:

— Никак это сам дьявол!

И ювелир, рыдая, взмолился:

— Сеньор, не отбирайте у меня все!

— Что хочу, то и сделаю, — отвечал Злонравный и набил золотом свой кошель доверху.

Так отобрал он у ювелира свыше семисот безантинов.

А когда ему надоели причитания ювелира, Галевин снова надавал ему тумачков и потребовал, чтобы тот не визжал так громко. Потом пригрозил, что придет еще раз до конца месяца и заберет у него золота вдвое больше.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О гордом гербе сира Галевина.

И не было во Фландрском графстве барона богаче и сильнее Злонравного, и все боялись его.

И, кощунствуя, он сравнивал себя с богом.

И, порешив, что старый герб Дирка со старым девизом слишком ничтожен для его величия, Галевин вызвал к себе художников из Брюгге, чтобы они изготовили новый герб.

По его приказанию художники отодвинули старого вѣрона в сторону, нарисовали на серебряном с черным поле кровоточащее сердце и золотой серп, а внизу написали: «Против меня не устоит никто».

Этот герб Галевин повелел изобразить на большом флаге над сторожевой башней замка, и над резными каменными воротами, и на своем кожаном щите, сделанном по его приказу больше обычных размеров, чтобы каждый мог прочесть гордый девиз, и на всем своем оружии, и на одежде — всюду, где только можно было выставить его напоказ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О том, как сир Галевин дрался с английским рыцарем на турнире.

Случилось так, что в это время граф Фландрский объявил турнир.

И призвал он всех сеньоров и баронов в Гент участвовать в этом турнире.

Сир Галевин тоже приехал туда и выставил на поле сражения свой щит.

Увидев непомерной величины щит с кичливым девизом, сеньоры и бароны сочли себя глубоко оскорбленными.

И каждый из них вызвал Галевина на поединок, и каждый был побежден.

Был там и гордый рыцарь из Англии; он выехал на середину поля, где надменно стоял сир Галевин.

— Вот что, Непобедимый, — сказал англичанин, — мне не нравится, что ты так дерзко расположился здесь и всех нас выбиваешь из седла. Хочешь сразиться со мной?

— Хочу, — отвечал Галевин.

— Если победителем буду я, ты станешь моим слугой, и я увезу тебя в Корнуэлл.

— Согласен, — отвечал Галевин.

— И ты будешь смазывать жиром копыта моих лошадей и чистить мои конюшни; ты можешь там стать непобедимым в работе.

— Согласен, — отвечал Галевин.

— И если ты не окажешься Непобедимым, непобедимая палка непобедимо изобьет тебя.

— Согласен, — отвечал Галевин.

— А ежели ты победишь меня, тебя ждет такая награда:

Две тысячи безантинов, что хранятся сейчас в замке твоего сеньора, благородного графа Фландрского; сбруя моего коня тончайшей филигранной работы; прекрасное седло, вырезанное из древесины рябины, искусно обтянутое кожей, на луке которого мастерски изображены десять сражающихся рыцарей и господь наш, изгоняющий беса из гордеца; сверх того мой кованый шлем, увенчанный красивым ширококрылым ястребом позолоченного серебра; и ястреб этот, несмотря на твой гордый девиз, посрамит и твое кровоточащее сердце, и твой зазубренный серп, и твоего жалкого ворона. Ну что, рыцарь Непобедимый, надеешься ты добыть с победой две тысячи безантинов, мой шлем и сбрую моего коня?

— Надеюсь, — отвечал Галевин.

Тут граф Фландрский сам подал знак, и противники с яростью помчались друг другу навстречу.

И англичанин, как и все, потерпел поражение.

И тогда дамы захлопали в ладоши, восклицая:

— Слава доблестному Сиверту Галевину, Сиверту Галевину Фламандскому, Сиверту Галевину Непобедимому!

И когда он приехал на обед в замок графа Фландрского, дамы его хвалили, ласкали и осыпали поцелуями.

И в доспехах английского рыцаря он поскакал

на коне в города Брюгге, Лилль, Гент и повсюду грабил.

И отовсюду привозил богатую добычу.

И все время чувствовал, как ширится сердце в его груди и как оно бьется, наполняясь живой силой.

И он вернулся в свой замок с двумя тысячами безантинов и с оружием английского рыцаря.

Галевин затрубил в рог, и ему навстречу вышла мать; увидев на нем столько золота, она очень обрадовалась и в восхищении воскликнула:

— Он принес нам богатство, как обещал!

— Да, — отвечал Галевин.

И она упала к его ногам и поцеловала их.

Так же поступил и его младший брат.

— Сеньор мой брат, — сказал он, — ты избавил нас от нищеты, я буду служить тебе.

— Да, так и надо, — отвечал Галевин. Войдя в залу, он сказал:

— Я хочу ужинать. Женщина, принеси мне есть, а ты подай мне пить!

И на другой день, и во все последующие дни Галевин заставлял по очереди прислуживать ему за столом, словно простых слуг, отца, мать, брата и сестру.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О высохшем сердце и матери Галевина.

Однажды утром Галевин сидел за столом в своем замке. Его отец и сестра уехали в Брюгге купить ей на платье сукна цвета спе-

лой пшеницы, и ему смиренно прислуживали брат и мать.

Вдруг он весь похолодел, ибо сердце его перестало биться.

Он приложил руку к груди и почувствовал, что кожа на ней ссохлась.

Затем он почувствовал, что лицо его перекосилось, плечи опустились, спина сгорбилась, и все тело съежилось.

Посмотрев на мать, потом на брата, он заметил, что они смеются над ним.

— Гляди, — говорили они друг другу, — наш господин снова влез в свою прежнюю безобразную шкуру, и лицо у него такое же безобразное, как было.

— Ах, мессир, — дерзко сказал брат, без боязни приблизившись к Галевину, — может быть поднести вам кубок *клауварта* *, чтобы вы пришли в себя? Сдается мне, что в вас нет былой силы.

— А этого не хочешь попробовать? — спросил сир Галевин и стукнул брата кулаком, но боль от удара была все равно, что от удара мушиной лапки.

Тут младший брат и вовсе осмелел и, усевшись на лавку против Галевина, сказал:

— Мессир, я думаю, хватит с вас колбасы, теперь мой черед поесть.

И он взял колбасу из миски брата.

— Мессир мой сын, — молвила мать, — а ведь вы могли бы попотчевать меня, вашу старую

* Clauwaert (флам.) — сорт пива.

мать, тем старым вином, что храните для себя одного.

И она взяла из рук его кубок с вином.

— Мессир, — сказал младший брат, — мне кажется, что вам не одолеть этого барашка с сахаренными каштанами. Не прогневайтесь, я и сам не прочь его съесть.

И он положил перед собою жареного барашка.

— Мессир мой сын, — молвила мать, — кажется, вам не по вкусу этот прекрасный ячменный пирог с творогом, передайте его мне, сделайте милость!

И ошеломленный сир Галевин передал ей пирог.

— Мессир мой брат, — сказал младший, — вы слишком долго сидите, словно император какой, не угодно ли вам поразмяться, не пора ли и вам послужить за столом?

И сир Галевин встал и начал им прислуживать.

— Мессир мой сын, — молвила мать, — я вижу, вы присмирели. Не угодно ли вам попросить прощения за то, что вы слишком долго заставляли меня, вашу старую мать, стоять, как простую служанку, подавая вам питье и еду?

И сир Галевин упал к ее ногам.

— Мессир мой брат, — сказал ему младший, — не хочешь ли пасть и к моим ногам и поцеловать их за то, что я служил тебе, как раб?

— Не хочу, — отвечал сир Галевин.

— Не хочешь?

— Не хочу, — повторил сир Галевин и отступил на шаг.

— Поди сюда! — сказал младший брат.

— Не хочу, — отвечал сир Галевин.

Тогда младший брат подскочил к нему и, без труда бросив на пол, стал его душить, колотить и бить золотой шпорой по лицу.

— Защищайся, Сиверт Галевин Непобедимый! — говорил он. — Никто не осилит тебя, кроме меня. Ты долго обращался с нами, как с покорными слугами, но теперь ты в моих руках, и я растопчу тебя, словно кусок сыра. Почему бы тебе не ускакать от меня, словно ты коза, почему бы тебе не вспорхнуть, словно ты птица, спасаясь от меня, Сиверт заколдованный?

И, с остервенением колотя его, младший брат вытащил нож.

— Проси пощады, не то я зарежу тебя.

— Не хочу, — отвечал сир Галевин.

Услышав эти речи, мать быстро выхватила из пылающего очага горсть золы, хотя зола обожгла ей руки, и швырнула ее в глаза и в рот своему младшему сыну.

— Ты не убьешь моего первенца, злодей! — крикнула она.

Ревя от боли, младший брат, ослепленный золой, вертелся во все стороны, вытягивал руки и пытался кого-нибудь ударить, но мать отняла у него нож, повалила наземь, заперла и вышла, таща за собой старшего сына. И хотя с годами силы ее ослабели, она отнесла Галевина в башню (ибо он был без чувств) на собственных плечах,

как пастух овцу, и там нежно ухаживала за ним, перевязала ему кровавые раны на лице и груди и покинула его только с наступлением ночи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О великом бессилии сира Галевина и о днях и ночах, проведенных им в лесу.

Оставшись в одиночестве и почувствовав себя немного лучше, Злонравный встал и, с радостью нащупав серп на поясе, отворил дверь и прислушался, нет ли поблизости брата.

И когда стемнело, спустился с лестницы.

От ударов и ушибов он так изнемог, что едва стоял на ногах, но все же добрался до моста, который еще не был поднят, и поплелся дальше.

И он вошел в лес, уже совсем обессилен. Но от слабости не мог дойти до хижин, что были расположены от него в двух лье к северу.

Тогда он улегся на сухой листе и запел. Но ни одна девушка не пришла к нему, ибо из такой дали его песня не была слышна.

И так прошел первый день.

Наступила ночь, полил холодный дождь, и Злонравного охватил озноб. Но вернуться в замок он не хотел, опасаясь своего брата. Весь дрожа, стуча зубами, побрел он на север и увидел в лесу на поляне прелестную девушку — пригожую, нарядную, румяную, как маков цвет, — и запел. Но девушка не подошла к нему.

И так прошел второй день.

Ночью снова полил дождь, и он так заоченел, что не мог шевельнуться; он запел, но ни одна девушка не пришла к нему. На заре, когда дождь все еще лил, а он лежал на листьях, появился волк и, думая, что перед ним мертвец, стал обнюхивать его, но тот закричал так отчаянно, что зверь в страхе убежал. Через некоторое время Галевин почувствовал голод, но есть было нечего. Вечером он снова запел, но ни одна девушка не пришла к нему.

И так прошел третий день.

К полуночи небо прояснилось, подул теплый ветер. А он, хоть и очень страдал от голода, жажды и усталости, не решался заснуть. Наутро четвертого дня он увидел, что к нему приближается юная девушка-горожанка. Заметив его, она хотела убежать, но он громко крикнул:

— Помогите! Я умираю от голода и лихорадки.

Тогда девушка подошла к нему и сказала:

— Я тоже голодна.

— Ты девственница? — спросил он.

— Ах, мне пришлось бежать из Брюгге, — отвечала она. — Священник хотел отправить меня на костер за то, что на шее у меня коричневое пятнышко, величиною с горошину. Он говорит: это знак того, что я вступила в плотскую связь с дьяволом. А я никогда его и не видела, и не знаю, каков он из себя.

Он не слушал ее и снова спросил, девственница ли она, и, так как она промолчала, запел свою песню.

Но она не тронулась с места и только сказала:
— У вас очень приятный и сильный голос для человека, так тяжело страдающего от голода и лихорадки.

Тогда он сказал ей:

— Я сир Сиверт Галевин. Пойди в мой замок и вызови мою мать, но больше ни с кем не говори, а ей скажи, что сын ее в лесу терпит муки от голода, лихорадки и усталости и вот-вот умрет, если не придут к нему на помощь.

Она пошла, но, выйдя из лесу, увидела на Виселичном поле повешенную девушку, и со страху убежала очень далеко. Попав во владения сира де Хёрне, она попросила в одной крестьянской хижине попить и поесть. И там рассказала, что нашла в лесу сира Галевина, умирающего от голода. Но крестьяне ей отвечали, что Галевин этот злее самого дьявола и что его следует оставить на съедение волкам и другим лесным зверям.

А Злонравный лежал в лесу, терзаясь тоской и долгим ожиданием.

И так прошел четвертый день.

На заре пятого дня, видя, что девушка не возвращается, он решил, что она попала в руки священника и тот отправил ее в Брюгге на костер.

И, совсем измученный и озябший, он подумал: «Пришел мой конец!» — и проклял Повелителя камней.

Все же, несмотря ни на что, вечером он запел.

Он сидел на обочине дороги. И увидел девушку. Она подошла к нему и упала перед ним

на колени. И он сделал с ней то же, что сделал с другими.

Потом он встал, красивый, бодрый, полный свежих сил, и, прижимая сердце девушки к своему сердцу, он понес ее труп на Виселичное поле и повесил его рядом с трупом первой девушки.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

О том, как Злонравный, повесив пятнадцать девушек на Виселичном поле, предавался буйному разгулу и нечестивым забавам.

Сир Галевин стал всесильным бароном и навел ужас на всех. Одну за другой убил он пятнадцать девушек и всех их повесил на Виселичном поле.

Он вел разгульную жизнь, непрерывно пил, ел и веселился.

Все дамы, которые прежде смеялись над его немощью и безобразием, перебивали у него в замке.

Надругавшись над ними, он гнал их прочь, словно сук, подло мстя им за прошлое.

Из Лилля, Гента и Брюгге приезжали к нему самые красивые непотребные девки, каждая со значком своего ремесла на рукаве, и они ублажали Галевина и его дружков, среди которых самыми свирепыми были Дитрих Отченаш, прозванный так потому, что он любил грабить церкви, Неллен Волк, нападавший в бою лишь

на лежачих, как это делают волки, и Бодуэн Безухий, который, чиня суд в своей вотчине, всегда орал: «Смерть ему! смерть!», не вникая ничьим оправданиям.

Распутничая и пируя с веселыми девицами, упомянутые сеньоры отнимали у несчастных крестьян все их достояние: хлеб, сыр, кур, петухов, быков, телят, свиней.

Наевшись до отвала, они бросали собакам жирные куски мяса и вкусные пироги.

Ястребам, соколам и коршунам они кидали на растерзание кур, петухов и голубей, а ноги своих коней приказывали мыть в вине.

И на потеху Галевина и его друзей до полуночи, а частенько и до петухов, гремели барабаны, свистели сопелки, пели виолы, ревели трубы, гудели волынки.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*О том, как граждане славного города Гента
взяли под свое покровительство непорочных девушек
из владений Галевина.*

А тем временем в деревенских лачугах царили голод, нужда, раздавался горький плач.

И когда погибла пятнадцатая девушка во владениях Галевина, матери стали молить бога сделать их бесплодными, а если уж он велит им рожать, то — одних мальчиков.

Роптали и отцы вполголоса:

— Разве можно без жалости смотреть, как

гибнут бесчестной смертью кроткие и чистые цветы юности?

А иные говорили:

— Уведем ночью всех наших невинных дочерей в славный город Гент. Расскажем там обо всем и будем умолять гентских граждан взять девушек под свое высокое покровительство и, ежели получим на то позволение, оставим их там. Тогда наш сеньор не сможет убивать их.

Услышав о таком намерении, все крестьяне его одобрили, и отцы привели дочерей в Гент. Там они поведали о грозившей им беде городским властям, и добрые люди взяли девушек под свое покровительство, обещав хорошо их кормить.

И крестьяне с облегченным сердцем вернулись во владения Злонравного.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О том, что делал сир Галевин на границе своих владений.

Пришла суровая зима с морозами и метелями. И сердце пятнадцатой девы уже не так сильно билось в груди Галевина.

Он пел, но никто к нему не пришел. И это его очень злило и удручало.

И ему пришло на ум, что в замке сира де Хёрне живут две юные девицы, которые во всей округе слывут непорочными, и что замок этот находится всего лишь в одной пятой лье от его, Галевина, владений, и девушки могут

его услышать и прийти к нему; вот он и стал еженощно ходить к границе своего поместья и, невзирая на лютую стужу и валивший хлопьями снег, пел, оборотясь лицом к замку де Хёрне.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

*О девицах Махтельт и Анне-Ми и о Шиммеле,
добром сером в яблоках коне.*

В то время как Злонравный бродил по полям и лугам, сир Руль де Хёрне и его супруга, дама Гонда, одетые в меха, что так славно согревают тело, спокойно сидели на лавках перед жарко пылавшими в очаге дубовыми поленьями и толковали друг с другом, как это любят старые люди.

Правда, больше говорила дама Гонда: на то она и была женщиной.

И она сказала:

— Слышишь, мой старый муж, как страшно воет ветер в лесу?

— Слышу, — отвечал сир Руль.

— Господь поистине к нам милостив, — продолжала она. — В этакий мороз мы сидим в прекрасном замке, защищенном от ветра, тепло одеты и греемся у пылающего огня.

— Верно, — отвечал сир Руль.

— Но еще бóльшую милость оказал нам господь, подарив нам таких славных, добрых детей.

— И то, — сказал он.

— Нигде не сыщешь юношу храбрее, благороднее и достойнее носить наше имя, чем наш сын Тоон.

— Да, — отвечал сир Руль, — он спас меня от смерти в бою.

— Но есть у него недостаток, — заметила дама Гонда, — он до того скуп на слова, что мы едва знаем, какой у него голос. По справедливости дали ему прозвище Молчальника.

— Мужчине больше пристало иметь острый меч, чем длинный язык, — возразил Руль.

— Я вижу, мессир, вы глубоко задумались: печаль и заботы — удел старости. Но я знаю девчурку, которая сумеет согнать морщины с вашего чела и рассмешить вас.

— Может быть, — сказал Руль.

— Не может быть, а наверное, — возразила дама Гонда. — Войдет в эту комнату наша дочь Махтельт, и я сразу увижу, как прояснится лицо моего мужа и повелителя.

На эти слова Руль, чуть усмехнувшись, ответил кивком головы.

— Да, да, когда Махтельт смеется, смеется и мой старый Руль; когда Махтельт поет, подпевает и мой старый Руль и радостно покачивает головой, а когда дочка резвится подле нас, он с улыбкой следит за каждым движением своей душеньки.

— Верно, Гонда, — сказал сир Руль.

— Да, да, — продолжала она, — а кто у нас всегда здоров и весел? Ведь не я же, старуха, у которой понемногу выпадают все зубы, да и не ты, спутник моей долгой жизни, и не Молчальник, и не Анна-Ми, наша служанка. Как она ни мила и как ни пышет здоровьем, но уж очень спокойный у нее нрав, и смеется она

только, когда ее рассмешишь. А кто же услада нашей старости, кто наш соловей, кто вечно порхает, бегают, прыгает, носится взад и вперед, кто поет и заливается так звонко и весело, будто рождественские колокола? Наша дорогая дочка.

— Что верно, то верно, — молвил сир Руль.

— Какое же это счастье иметь такое дитя! Ведь у нас с тобой уже холодеют ноги. Без нее наша жизнь была бы печальна и холод, поднявшись по нашим старым ногам вверх до самого сердца, остановил бы его, и нас понесли бы прежде времени на кладбище.

— Да, жена, — сказал сир Руль.

— Ах, — воскликнула она, — всякая другая знатная девица мечтала бы о воздыхателях и о том, чтобы найти себе мужа при дворе графа Фландрского. Но наша милая девочка об этом не помышляет. Она любит только нас и свою служанку Анну-Ми. С ней она неразлучна, как с сестрой, с ней она любит пошалить и посмеяться.

— Верно, — сказал сир Руль.

— Да, да, — подхватила она, — все ее любят, почитают и превозносят: пажи, оруженосцы, рыцари, юные ратники, слуги, крестьяне. Такая она веселая, живая, добрая, а уж скромница — другой такой не сыскать! Все в ней души не чают. Чего там! Даже Шиммель, наш красавец-конь, и тот бегают за ней, как собачка. Стоит ему увидеть ее, как он сразу начинает радостно ржать. Только из ее рук берет он ячмень и овес, а у других — ни зернышка. Она обращается с ним, как с человеком, и частенько подно-

сит ему кружку *клауварта*, который он пьет с удовольствием. Он понимает каждое ее слово, но ей нельзя быть с ним слишком строгой, не то у него выступают на глазах слезы и он глядит на нее так жалостно, что она, не выдержав, манит его к себе и говорит: «Ах ты мой Шиммель! Пригожий ты мой, славный мой Шиммель!» — и много других ласковых слов. Услышав это, наш милый серый в яблоках конь сразу к ней подбегает, чтобы она могла еще понежней его приласкать. Он ходит под седлом только у Махтельт, а когда несет ее, до того важен, важнее самого графа Фландрского, который едет во главе своих верных баронов и рыцарей. И все ей послушны, потому что она весела, добра и кротка.

— Да, — сказал сир Руль.

— Да хранит всеблагой господь нашу милочку, и пусть наши старые уши всегда слышат, как поет наш соловушка, — сказала дама Гонда.

— Аминь, — заключил сир Руль.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О том, как Махтельт спела сирю Рулю lied
о Льве и песенку о четырех колдуньях.*

Пока сир Руль и дама Гонда беседовали, выпал глубокий снег.

И словно широким плащом окутал он Махтельт и Анну-Ми, которые возвращались от

* Lied (флам.) — песня.

жены Йоссе: они отнесли ей орлиный камень, дабы она привязала его к левому бедру и тем облегчила себе предстоящие роды.

И девушки вошли в залу, где сидел доблестный сир Руль со своей верной супругой.

Махтельт подошла к отцу и, приветствуя его, преклонила перед ним колени.

Сир Руль поднял ее и поцеловал в лоб. Анна-Ми, как и подобает служанке, смиренно встала в уголок. До чего же приятно было смотреть на девушек, осыпанных снегом с головы до ног!

— Господи Иисусе! — воскликнула дама Гонда, — поглядите на этих двух сумасбродок! Где это их так занесло снегом? Скорее, девочки, к огню, обсушитесь!

— Молчи, жена! — сказал сир Руль, — ты изнежишь молодежь. В юные годы я смело шел навстречу холоду, снегу, граду, грому, буре. Да и теперь так поступаю, если есть в том нужда, и хочу, чтобы и Махтельт была такой же. Благодарение богу! не огонь в очаге должен согревать нашу дочь, но огонь, который жарко пылает в крови детей старого Руля.

Видя, что отец вот-вот разгневается, Махтельт села у его ног и сказала:

— Отец, мы ничуть не озябли: мы так прыгали, плясали, дурачились и дразнили друг друга, что зиму обратили в весну. Мы пели дивные песни, и я молю вас, дозвоьте спеть их и вам.

— Хорошо, милая, — сказал сир, и Махтельт спела ему *лид* о Руланде де Хёрне Льве, воз-

вратившемся из святой земли с чудесным мечом, а потом — песенку о четырех ведьмах, в которой слышатся то мяуканье кошек, то бляение козла, задирающего хвост во время дождя.

И сир Руль позабыл свой великий гнев. Когда Махтельт кончила петь, он велел подать ужин и зажечь крестовидный светильник, и сразу стало светло, потому что во всех четырех подсвечниках ярко загорелись свечи.

И он посадил дочь рядом с собою.

Анну-Ми тоже усадили за стол, рядом с дамой Гондой, и та сказала:

— Соседство молодых согревает стариков.

И подавали им в тот вечер вкусный белый хлеб, соленую говядину, прокопченную на очаге в ароматном дыму от горящих сосновых шишек, гентскую колбасу, по преданию изобретенную Баудвином-Обжорой, побочным сыном графа Фландрского, китовый язык и старый *клауварт*.

Когда кончили ужинать и прочитали молитву, Махтельт и Анна-Ми легли спать в одной горнице, ибо Махтельт любила Анну-Ми, как сестру, и всегда хотела быть с нею вместе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О шестнадцатой повешенной девушке.

Махтельт столько смеялась, пела и шалила, что сразу уснула.

Но Анна-Ми немного озябла, и ей не спалось.

А Злонравный подошел уже к крайней границе своих владений.

И понеслась оттуда звонкая, нежная, сладковатая песня.

Анна-Ми услышала ее и, не подумав о том, что она полуодета, вышла из замка через потайную дверь.

Колючий снег больно стегнул ее по лицу, по груди и плечам.

Она бы хотела защитить себя от лютой стужи, от злого снега, но ей нечем было прикрыться: ложась спать, она сняла с себя одежду.

Анна-Ми шла на зов песни и босая перебежала по льду через ров.

И, ступив на высокий скользкий берег, упала и расшибла себе в кровь колено.

Она встала и вошла в лес: камни ранили ее босые ноги, ветки деревьев хлестали ее окоченевшее тело. Но без жалоб она шла все вперед. И бросилась к ногам Злонравного.

И он сделал с ней то же, что и с другими.

И Анна-Ми стала шестнадцатой девственницей, повешенной на Виселичном поле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О том, как Махтельт искала повсюду Анну-Ми.

На другое утро Махтельт, как всегда, проснулась первая и помолилась господу Иисусу и святой Махтельт, своей покровительнице.

Усердно помолившись за сира Руля, даму Гонду, Молчальника, за всю челядь и прежде

всего за Анну-Ми, Махтельт бросила взгляд на ее постель. Увидев, что полог полузакрывает, она решила, что ее подружка еще спит. И, надев свое нарядное платье, Махтельт стала звать ее, расхаживая по горнице и посматривая на себя в зеркало.

— Что же ты, Анна-Ми? Вставай, Анна-Ми, вставай! Долго спать, добра не видать! Вставай, Анна-Ми! Ведь и воробьи проснулись, и куры проснулись и даже яйца успели снести. Вот и Шиммель мой ржет на конюшне, и снег сверкает на солнышке. Сеньор мой отец бранит слуг, а матушка за них заступается. А неужели не чуешь, как вкусно пахнут бобы и жаркое с пряной подливкой? Я-то чую, и мне ужасно хочется есть. Вставай же, Анна-Ми!

Наконец Махтельт потеряла терпение и отдернула полог.

— Ну и плутовка! — сказала она, не найдя Анны-Ми. — Без меня сошла вниз и ест без меня жаркое и бобы!

И, сбежав по лестнице, она вошла в залу. Увидев отца, она опустилась перед ним на колени, испросила благословения, затем подошла к матери. И мать удивилась:

— Где же Анна-Ми?

— Не знаю, — ответила Махтельт, — верно, хочет нас подразнить и где-нибудь спряталась.

— Вот уж не такова Анна-Ми, — заметил сир Руль, — ежели кто и любит здесь людей подразнить, так не она, а ты, моя милая!

— Сеньор мой отец, — молвила Махтельт, — ваши слова пугают меня.

— Так ступай, поищи Анну-Ми, — сказал сир Руль, — а мы с тобой, жена, сядем за стол! Наши старые желудки не могут так долго ждать, как молодые!

— Ах, мне кусок в горло нейдет, — сказала дама Гонда. — Ступай, Махтельт, приведи нам Анну-Ми!

А сир Руль, наложив себе полную тарелку бобов и румяной говядины, принялся есть, рассуждая о том, что только женщины так быстро теряют голову, пугаются и горячатся из-за пустяков.

Однако он и сам был немного встревожен и частенько поглядывал на дверь, повторяя, что озорная девчонка вот-вот должна появиться.

Но Махтельт обежала весь замок и, вернувшись, сказала:

— Я не нашла Анну-Ми.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

*О том, как горько плакала Махтельт
и какое красивое платье она себе сшила.*

У Махтельт больно сжалось сердце, и она закричала, рыдая:

— Анна-Ми, где ты? Я хочу, чтобы ты была со мною, как прежде!

И упала перед отцом на колени.

— Сеньор мой отец! — взмолилась она. — Не

пошлете ли вы отряд всадников на поиски Анны-Ми?

— Хорошо, — ответил он.

Всадники сира Руля отправились в путь, но, опасаясь колдовских чар, во владения Галевина заехать не решились.

И, возвратившись, они сказали:

— Мы ничего не узнали об Анне-Ми.

И Махтельт, ложась вечером спать, долго молила милосердного господина вернуть ей милую подругу.

На другой день она села у высокого многоцветного окна, не отрываясь, смотрела на окрестные поля и на падающий снег, и все ожидала, не придет ли Анна-Ми.

Но Анна-Ми прийти не могла.

И на третий день под глазами у Махтельт от непрорыхающих слез выступила кровь. Снег больше не шел, небо прояснилось, ярко светило солнце, но земля была скована морозом.

И каждый день садилась печальная Махтельт на свое место у окна, безмолвно смотрела на поля и думала об Анне-Ми.

Сир Руль, видя, как Махтельт тоскует, послал в Брюгге купить ей на платье сукна лазоревого цвета, красивого кипрского золотого шитья для каймы и золотых пуговиц искусной чеканки.

Махтельт усердно шила платье, но не радовалась этому роскошному наряду.

Так прошла неделя, и все дни Махтельт трудилась, но не проронила ни слова, ни разу не запела и часто плакала.

На пятый день это платье, с золотой кипрской каймой и золотыми пуговицами, было готово. И дама Гонда велела дочери надеть новое платье и посмотреться в большое зеркало; но Махтельт даже не улыбнулась, увидя, как она хороша: она думала об Анне-Ми.

И дама Гонда, глядя на свою печальную, молчаливую дочь, тоже заплакала и сказала:

— С тех пор как наша Махтельт перестала петь, я все больше чувствую холод зимы и старости.

А сир Руль хоть и не сетовал, но стал мрачен, угрюм и целый день пил *клауварт*.

Но иной раз в приступе гнева требовал, чтобы Махтельт ему пела и была весела.

И девушка пела старику веселые песни; он радовался, вместе с ним радовалась и Гонда.

И тогда они сидели вдвоем у огня и качали головой. И говорили:

— Наш соловей снова к нам прилетел. Его пение, будто вешнее солнце, вливает тепло в наши старые кости.

А Махтельт, пропев им свои песни, забивалась в угол и плакала об Анне-Ми.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О Тооне Молчальнике.

Через неделю Молчальник отправился на охоту. Преследуя волка, он попал во владения Галевина.

А вечером дама Гонда, направляясь в кухню,

чтобы велеть подать ужин, отворила дверь из залы и увидела Тоона. Казалось, он не хотел войти. Он стоял, опустив голову, как человек, охваченный стыдом.

Подойдя к нему ближе, мать сказала:

— Сын мой, почему ты не идешь поздороваться с отцом?

Ни слова не ответив, Молчальник вошел в залу и, угрюмо пробормотав короткое приветствие, сел в самый темный угол.

И мать сказала отцу:

— Наш сын чем-то огорчен: я думаю так, потому что он против обыкновения сел в темноте подалше от нас.

Сир Руль сказал Молчальнику:

— Сын, подойди к свету! Я хочу посмотреть на твое лицо.

И когда сын повиновался, сир Руль, дама Гонда и печальная Махтельт увидели кровавые раны у него на голове и на шее. И он не смел поднять глаз, боясь взглянуть на своих родных.

Дама Гонда вскрикнула от ужаса, увидев кровь, Махтельт подбежала к брату, а отец спросил:

— Кто покрыл позором моего сына, омрачил его душу и изранил его тело?

Молчальник ответил:

— Сиверт Галевин.

— Неужто мой сын был так самонадеян, что напал на Непобедимого?

Молчальник ответил:

— Сиверт Галевин повесил Анну-Ми на Виселичном поле.

— Увы, — воскликнул сир Руль, — повесил нашу бедную служанку! Стыд и горе нам!

— Господи, — сказала Гонда, — как сурово ты нас караешь! — и заплакала.

А Махтельт не могла ни говорить, ни плакать, слишком велика была ее скорбь.

Она не сводила взора с брата; исхудалое лицо ее помертвело, под глазами выступила кровь, ее била дрожь.

Молчальник сел и глухо зарыдал, точно раненый лев.

— Смотрите! — сказал отец, закрыв лицо руками. — Вот первый мужчина из рода де Хёрне, который плачет. Позор нам, и нет нам отмщения, ибо Галевин — колдун!

Молчальник раздирал пальцами свою рану на шее; из нее струей потекла кровь, но он не чувствовал боли.

— Тоон, — сказала мать, — не трогай грязными пальцами рану, она воспалится, сынок!

Но Молчальник, казалось, ее не слышал.

— Тоон, — повторила она, — не надо, я, твоя мать, запрещаю тебе это делать. Дай я смою кровь и приложу бальзам к этим ужасным ранам.

Она стала торопливо готовить бальзам и греть воду в чаше для мытья рук, а Тоон, не переставая, стонал и всхлипывал. И в отчаянии рвал на себе волосы и бороду.

И сир Руль, глядя на него, сказал:

— Когда мужчина плачет, — это стыд, который можно смыть только кровью. А твой стыд ничем не смыть. Галевин — колдун. Дерзкий,

чего ради ты вздумал идти в тот замок и напасть на Непобедимого?

— Ах, мессир, — сказала дама Гонда, — не будьте так строги к Молчальнику, он выказал прекрасное мужество, пожелав отомстить Зло-нравному за Анну-Ми.

— Да, — отвечал сир Руль, — хорошо мужество, которое навлекло на нас такой позор!

— Расскажи, Тоон, — сказала мать, — расскажи отцу все, как было, чтобы доказать, что ты достойный его сын.

— Пусть говорит! — сказал отец.

— Сеньор мой отец, — начал Молчальник, всхлипывая и запинаясь на каждом слове. — Анна-Ми повешена. Сиверт Галевин стоял у виселицы. Он смеялся. Я бросился на него и начертал копьем крест у него на животе, чтобы разрушить злые чары, но он непобедим. Он засмеялся и сказал: «Я возьму и Махтельт». Я пырнул его ножом, но лезвие не вошло в его тело. Он опять засмеялся и сказал: «Я не люблю щекотки. Убирайся!» Я не ушел. Я ранил его и ножом и копьем. Тщетно! Он смеялся. Потом сказал: «Убирайся!» Но я не мог. Тогда он ударил меня копьем в шею и грудь, а рукоятью — по спине, как простого мужика. Он смеялся. От его ударов я потерял сознание. Сеньор мой отец, он избил меня, как простого мужика, а я ничего не мог поделать.

Выслушав рассказ Тоона, прерываемый тяжкими стонами, и видя, как его мучает горький стыд, сир Руль сменил гнев на милость и уже не винил сына в самонадеянности.

Приготовив бальзам и согрев воду, госпожа Гонда принялась лечить раны Молчальника, особенно старательно самую большую — на шее.

Махтельт не проронила ни слезинки. Подойдя к отцу и матери за благословением, она рано ушла спать.

И долго, не произнося ни слова, сидели втроем у очага отец, мать и сын. Молчальник стонал, не в силах примириться со своим поражением, мать плакала и молилась, а отец, удрученный позором и горем, сидел, закрыв лицо руками.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*Как благородная девица Махтельт приняла
благое решение.*

Перед сном Махтельт тихо помолилась богу, и лицо у нее было гневное и строгое.

И, раздевшись, она легла в постель и ногтями вливалась себе в грудь, точно ей трудно было дышать.

Дыхание ее было хриплым, как последний стон умирающего.

Ибо ее терзала безутешная и горькая скорбь.

И все же она не плакала.

И Махтельт слушала, как сильный ветер, предвестник снега, поднимался над лесом и бушевал, словно вода, прибывающая во время ливней.

Ветер швырял в оконные стекла сухие листья и сломанные ветки, и казалось, будто в окошко когтями скребется покойник. И ветер уныло выл и свистел в трубе.

И скорбящая дева мысленно видела бедное тело Анны-Ми, исколеванное воронами на Виселичном поле; думала она и о поруганной чести своего храброго брата и о пятнадцати несчастных девушках, загубленных Злонравным.

Но она не плакала.

Ибо от боли, тоски и жгучей жажды мести слезы иссякли у нее в груди.

И она смиренно спрашивала божью мать, долго ли она еще будет терпеть, чтобы Злонравный убивал невинных девушек Фландрии.

Едва пропел петух, как Махтельт встала со своего ложа: взор ее был ясен, горделиво-прямо ее стан, высоко поднята голова.

— Я пойду на Галевина, — сказала она.

И преклонив колена, Махтельт помолилась всевышнему, чтобы он, укрепив ее силу и отвагу, помог ей отомстить за Анну-Ми, за Молчальника и за пятнадцать девушек.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О мече Льва.

Рано утром Махтельт вошла в опочивальню сира Руля, который лежал еще в постели, спасаясь от холода.

И когда дочь бросилась перед ним на колени, он спросил:

— Чего тебе, милая?

— Сеньор мой отец, дозвоьте мне пойти на Галевина!

Эти слова очень испугали Руля, ибо он понял, что Махтельт не может изгнать из своего сердца Анну-Ми и хочет отомстить за нее. И, полный любви и гнева, он сказал:

— Нет, дочь моя, нет, только не ты! Тот, кто пойдет туда, назад не вернется!

Но когда она ушла из опочивальни, ему ни на миг не пришло в голову, что она может его послушаться.

Махтельт направилась к даме Гонде, которая молилась в часовне за упокой души Анны-Ми. Дочь дала о себе знать, дотронувшись до платья матери.

Дама Гонда оглянулась, и Махтельт опустилась пред ней на колени.

— Матушка, — сказала она, — дозвоьте мне пойти на Галевина.

— Нет, дочь моя, только не ты! — отвечала мать. — Тот, кто пойдет туда, назад не вернется!

Она раскрыла дочери объятия и уронила золотое яблоко — грелку для рук — и по всему полу рассыпались горящие угли. Гонда застонала, заплакала и, дрожа всем телом и стуча зубами, крепко прижала к себе Махтельт и долго не хотела ее отпускать.

Но матери ни на миг не пришло в голову, что дочь может ее послушаться.

И Махтельт пошла к брату. Несмотря на свои раны, он уже встал с постели и сидел на ларе, греясь у разведенного спозаранку огня.

— Брат мой, дозвожь мне пойти на Галевина! — сказала Махтельт и с решительным видом остановилась против него.

Молчальник вскинул на нее глаза и сурово смотрел на сестру, ожидая, что еще она скажет.

— Брат, Сиверт Галевин убил нашу кроткую служанку, а она так была мне дорога. То же самое сделал он и с другими несчастными пятнадцатю девушками: он обрек их позору, и тела их и сейчас еще висят на Виселичном поле. Он бич нашей родины, еще более страшный, чем война, смерть и чума. В каждой хижине слышатся плач и стенания, всем причинил он ужасное горе. Брат, я хочу его убить.

Но Молчальник смотрел на Махтельт, не говоря ни слова.

— Брат, не отказывай мне, сердце мое рвется туда, не видишь разве ты, как мне здесь трудно и тяжело! Я умру от горя, если не совершу то, что должна совершить. А если я пойду туда, я вернусь радостная, с песней, как бывало.

Но Молчальник ничего не сказал ей в ответ.

— Ах, ты боишься за меня, — продолжала она, — ведь столько доблестных рыцарей сражались с ним, и все потерпели постыдное поражение, и даже ты, мой отважный брат, еще носишь на себе следы его ударов. Знаю, он начертал на своем щите: «Против меня не устоит никто». Но что бессильны были совершить все, совершит одна. Уверившись в своей силе, он шествует,

будто он могучий, как слон, гордый, как лев, — и мнит себя непобедимым. Но когда зверь не чувствует опасности, охотнику легче убить его. Брат, дозвожь мне пойти на Галевина!

Не успела Махтельт договорить, как со стены сорвался прекрасный меч, хорошо отточенный, острый, с расширяющимся лезвием у чаши. Рукоять его была сделана из ливанского кедра и украшена золотыми крестиками. Этот меч в замке чтили как святыню, ибо его привез из крестового похода Руланд де Хёрне, по прозванию Лев. Никто не смел взять его в руки.

Сорвавшись со стены, меч упал к ногам Махтельт.

— Брат, — воскликнула Махтельт, осенив себя крестным знаменем, — славный меч Льва упал к моим ногам. Всемогущий бог объявил свою волю. Надобно повиноваться ему. Брат, отпусти меня к Галевину!

И Молчальник, тоже осенив себя крестным знаменем, ответил ей:

— По мне, иди, куда хочешь, только береги свою честь и не урони свой венец.

— Брат, спасибо тебе! — сказала Махтельт.

И отважная дева, которая не пролила ни слезинки, узнав о смерти Анны-Ми и бесчестии брата, содрогнулась всем телом и громко заплакала. В слезах, потоком хлынувших из глаз, растаяли ее горечь и гнев, и, рыдая от радости, она проговорила:

— Брат, мой брат! Настал час божьего суда. Я иду отомстить.

И она взяла в руки священный меч. Видя,

как она неустрашима, Молчальник поднялся и положил руку ей на плечо.

— Иди! — сказал он.

И она пошла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О роскошном наряде благородной девицы Махтельт.

Придя в свою горницу, Махтельт поспешно оделась в свои лучшие одежды.

Что же надела прекрасная дева на свое прекрасное тело?

Рубашку из ткани тоньше шелка.

А поверх тонкой рубашки?

Платье из прекрасного фландрского сукна цвета морской волны с искусно вышитым гербом рода де Хёрне, с оторочкой кипрского золотого шитья вокруг ворота и на подоле.

Чем опоясала прекрасная дева свою тонкую талию?

Поясом из львиной кожи с золотыми бляшками.

Что накинула прекрасная дева на свои прекрасные плечи?

Длинный *кейрле** из алого сукна, отороченный кипским золотым шитьем, и плащ этот покрыл ее всю целиком, ибо это был очень широкий плащ.

* Keirle (флам.) — плащ.

Что надела прекрасная дева на свою гордую голову?

Прекрасный венец из золотых пластинок, изпод которого спускались до пят ее белокурые косы.

Что взяла прекрасная дева в свою прелестную ручку?

Священный добрый меч, привезенный из крестового похода.

В таком уборе пошла она в конюшню и надела на своего лихого скакуна Шиммеля парадное седло — дивное кожаное седло, разрисованное пестрыми красками, тонко отделанное золотом.

И пустились они в путь вдвоем, и снег падал на них густыми хлопьями.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О том, как сир Руль и дама Гонда расспрашивали Молчальника, и что он им отвечал.

Не прошло и часу, как Махтельт поехала к Галевину, когда дама Гонда спросила сира Руля:

— Сударь, вы знаете, где наша дочь?

Сир Руль сказал, что не знает и, обратившись к Молчальнику, спросил:

— Сын, ты не знаешь, где твоя сестра?

Молчальник спокойно ответил:

— Махтельт смелая девушка, и бог ведет верным путем тех, кого он ведет.

— Сударь, не трудитесь его расспрашивать, он уже и так утомил свой язык, — сказала Гонда.

Но сир Руль еще раз спросил Тоона:

— Сын, ты не знаешь, где твоя сестра?

— Махтельт прекрасная девушка, — отвечал Тоон, — и несет свой венец, высоко подняв голову.

— Ах, щемит мое сердце от страха! — воскликнула мать. — Где она? — И пошла искать дочь по всему замку.

Но, вернувшись, сказала сиру Рулю:

— Горе нам, Махтельт нигде нет, она нарушила наш запрет, поехала к Галевину.

— Быть этого не может, жена! — возразил сир Руль. — Дети в нашем краю испокон веку были покорны родителям.

— Тоон, где же она? — спросила мать. — Тоон, неужто не знаешь?

— Злонравный страшится прекрасной девы, — отвечал Молчальник, — и бог ведет по верному пути тех, кого он ведет.

— Руль, — воскликнула мать, — он знает, где наша Махтельт!

— Сын, отвечай! — приказал сир Руль.

Молчальник сказал:

— Меч, привезенный из крестового похода, упал со стены к ногам девы. Всего достигнет тот, кого ведет бог.

— Тоон, — вскричала мать, — где Махтельт?

— Дева скачет без страха навстречу вооруженному мужу: бог ведет по верному пути тех, кого он ведет.

— О, — простонала мать, — наша Махтельт погибнет. Она уже бездыханна! Иисусе сладчайший! Меч, привезенный из крестового похода, бессилен против Сиверта Галевина!

Молчальник сказал:

— Самонадеянный мнит себя непобедимым, но когда зверь не чувствует опасности, охотнику легче убить его.

— Жестокий, — плача, сказала мать, — как ты посмел отпустить пичужку к ястребу, невинную деву к губителю дев?

— Та, кого перестанут ждать, вернется обратно: бог ведет верным путем тех, кого он ведет.

— Поняли, сударь, — сказала дама. Гонда сиру Рулю, — Махтельт пошла на Галевина, и этот злодей дал ей на то позволение.

Руль подошел к Тоону:

— Сын, — сказал он, — Махтельт была наша единственная радость, и ты употребил во зло свою власть, позволив ей туда поехать. Если она не вернется сегодня вечером, я прокляну тебя и выгоню из замка. И да услышит меня господь и отнимет у тебя хлеб и соль на этом свете и место в раю — на том.

— Бог направит ее меч, — сказал Молчальник, — да постигнет кара того, кто сотворил зло.

Тут Гонда стала плакать, кричать и стонать. Руль велел ей умолкнуть и отправил к Галевину вооруженный отряд своих ратников.

Но они возвратились, не найдя Махтельт, ибо не посмели вступить во владения Галевина из страха перед его колдовскими чарами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

О том, как Махтельт скакала верхом на коне.

Распевая песню и трубя в рог, скачет на коне благородная девица Махтельт. Она хороша как ангел, и лицо ее свежее розы.

И она несет свой венец, высоко подняв голову.

И ее прелестная ручка крепко сжимает под плащом славный меч Руланда Льва.

Широко раскрыты ее глаза и уверенно ищут они в лесу сира Галевина.

Она внимает чутким ухом, не раздастся ли где стук копыт его скакуна.

Но в глубоком безмолвии она слышит лишь тихий шелест снежных хлопьев, падающих легко, как пушинки.

И она видит лишь белый от снега воздух, белую длинную дорогу и белые деревья с облетевшей листвой.

Но отчего так ярко светятся ее золотисто-карие глаза? Оттого, что в них светится прекрасное мужество.

Отчего так высоко несет она голову в золотом венце? Оттого, что она чувствует великую силу в сердце.

Что же теснит ей дыхание в груди?

Горькие мысли об Анне-Ми, о поражении Молчальника и о страшных злодеяниях сира Галевина.

И она то и дело озирается кругом, не виден ли он вдали, не слышен ли стук копыт его скакуна.

Но она видит лишь белый от снега воздух, белую длинную дорогу и белые деревья с облетевшей листвою.

Но в глубоком безмолвии она слышит лишь тихий шелест снежных хлопьев, падающих легко, как пушинки.

И Махтельт запела.

Потом сказала:

— Мы с тобою вдвоем идем на льва, добрый мой Шиммель! Видишь, как он подстерегает в своем логове прохожих и пожирает бедных девушек?

И Шиммель, услышав ее слова, радостно заржал.

— Шиммель, — сказала Махтельт, — я вижу, ты рад, что идешь мстить за Анну-Ми и несешь наш заветный меч.

И Шиммель снова заржал.

И Махтельт искала в лесу Галевина. Она глядела, не покажется ли он, прислушивалась, не донесется ли стук копыт его скакуна.

Но она видела лишь белый от снега воздух, белую длинную дорогу и белые деревья с облетевшей листвою.

И в глубоком безмолвии она слышала лишь тихий шелест снежных хлопьев, падающих легко, как пушинки.

И Махтельт затрубила в рог.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

О вбране, воробье, собаке, лошади и семикратном эхо.

Посреди леса Махтельт увидела сквозь густой снег, что навстречу ей едет Галевин.

Злонравный на этот раз был в нарядном камзоле из сукна цвета морской волны, с вышитым на нем разными цветами мерзким гербом. Великолепный пояс, отделанный золотыми пластинками, опоясывал его стан. На поясе висел золотой серп, а на камзол был накинута прекрасный *оперст-клеед* * из сукна цвета спелой пшеницы.

Верхом на рыжем коне Галевин приближался к Махтельт, и она увидела, что рыцарь красив.

Впереди него с громким лаем бежал пес, похожий на волка. Завидев Шиммеля, он бросился к нему и укусил его. Но Шиммель сильным ударом копыта отбросил его, и пес заплясал поневоле, жалостно подпевая себе и оплакивая свою побитую лапу.

— Ах, славный мой Шиммель, — подумала благородная девица, — да поможет мне бог расправиться с господином не хуже, чем ты с его псом.

И Злонравный подъехал к ней.

— Здравствуй, — сказал он, — прекрасная дева с золотисто-карими глазами!

— Здравствуй, Сиверт Галевин Непобедимый! — сказала она.

И Злонравный спросил:

— Что привело тебя в мои владения?

* *Oppeerst-kleed* (флам.) — плащ.

— Мое сердце, — отвечала она, — оно тянулось к тебе. Я хотела тебя видеть и рада, что, встретившись с тобой лицом к лицу, могу рассмотреть тебя.

— Так поступали, будут и впредь поступать все девицы, — сказал он, — даже самые красивые, — такие, как ты.

Пока они так говорили, раненый пес, хромя, подбежал к рыжему коню и вцепился зубами в оперст-клеед Злонравного, словно хотел стащить своего господина на землю.

Потом уселся в снег на краю дороги и, подняв морду, тоскливо завыл.

— Слышишь, — сказал Галевин, — мой пес воеет, предвещая чью-то смерть. Ты не боишься, девочка?

— Меня хранит бог, — отвечала она.

Так проехали они, беседуя, немного вперед и вдруг увидели высоко в воздухе, прямо над своими головами, огромного ворона. В шею ему впился маленький воробей и, яростно чирикавая, бешено клевал его и выщипывал из него перья. Израненный, истерзанный, ворон метался во все стороны — влево, вправо, вверх, вниз — и, жалобно каркая, тыкался, как слепой, в деревья, пока, наконец, не рухнул замертво, с выколоченными глазами на седло Злонравного. Взглянув на ворона, рыцарь швырнул его на дорогу, а воробей взлетел на дерево и, весело отряхиваясь, защебетал во все горлышко, торжествуя победу.

— Ах, милая пташка, — смеясь, сказала Махтельт, — ты благородной породы! Иди ко мне,

я подарю тебе красивую клетку и буду кормить тебя отборным пшеничным зерном, просом и конопляным семенем.

Но Галевин, не помня себя от гнева, закричал:

— Дерзкий мужичонка, попадись только в силки! Ты бы у меня не долго пищал, радуясь победе над благородным вороном.

А воробей чирикал без устали, точно издевался над Сивертом Галевиним, который меж тем обратился к Махтельт:

— И ты еще смеешь веселиться и хвалить эту тварь, зная, что на моем гербе изображен ворон моего славного предка Дирка? Разве ты не знаешь, что и тебе недолго еще осталось пищать?

— Я буду пищать, доколе это будет угодно господу богу, моему владыке, — отвечала она.

— Нет для тебя другого владыки, — сказал он, — кроме меня. Я здесь единственный владыка.

Вдруг ему стало очень холодно, ибо сердце Анны-Ми хотя еще билось, но постепенно леденело у него в груди. Почувствовав, что и это сердце скоро засохнет, он сказал Махтельт:

— Ты пришла вовремя, прекрасная девушка!

— Тот, кого ведет бог, — отвечала она, — всегда приходит вовремя.

— Но кто же ты, — спросил он, — что разъезжаешь по моей земле на коне, поешь, трубишь в рог и так дерзко нарушаешь тишину?

— Я благородная девица Махтельт, дочь Руля Храброго, сира де Хёрне.

— И ты не страдала от холода, пробираясь сюда по такому снегу?

— В роду сира де Хёрне никто не боится холода.

— И тебе не страшно ехать рядом со мной по моей земле, куда никто не смеет ногой ступить?

— В роду сира де Хёрне никто никогда ничего не боится, — отвечала она.

— Ты отважная девушка, — сказал он.

— Я дочь Руля Храброго, сира де Хёрне.

Он ни слова не ответил, и некоторое время они ехали молча.

Вдруг он надменно вскинул голову и сказал:

— Не я ли Сильный, Красивый, Непобедимый? Не я ли всегда буду таким? Да, все подвластно мне в час победы. Раньше я должен был петь в ночной темноте, в стужу и в снег и в ветер, чтобы привлечь к себе девушек, а ныне самая прелестная, самая знатная и красивая пришла ко мне без зова среди бела дня. Это ли не гордый знак моего могущества? Кто равен мне? Никто, кроме бога. Ему принадлежит небо, мне — земля. Я всемогущ, все живое подчиняется мне, надо всем живым я торжествую. И пусть обрушатся на меня вражеские полчища, молнии, громы, бури, меня никто не одолеет.

— Одолеет, — ответили на эти гнусные кощунственные слова семь голосов разом.

То было эхо «Семи великанов»: громко и звучно повторило оно семь раз каждый звук.

— Подумать только, — сказал Злонравный, — эхо смеет надо мной потешаться.

И он захохотал.

Захохотало и эхо, хохотало долго, громко и страшно.

Казалось, Галевину нравился этот шум, он, не переставая, смеялся, и смеху его вторило семикратное эхо.

И Махтельт почудилось, что в лесу прячется по крайней мере тысяча человек.

А собака Галевина очень испугалась и завыла так тоскливо, что Махтельт почудилось, будто в лесу воет по крайней мере тысяча собак, предвещающая чью-то смерть.

Конь Злонравного тоже испугался и в ужасе от хохота своего хозяина, многократно умноженного эхом, жалобного воя собаки и своего собственного ржания заметался, встал на дыбы и, точно человек стоя на двух ногах, пугливо прыгал ушами и, наверное, сбросил бы наземь Сиверта Галевина, если бы всадник не пришпорил коня и не заставил его помчаться вперед, минуя чашу, где царило эхо «Семи великанов».

Но Шиммель — и это великое чудо — даже не двинулся с места, а ведь он был молодой конь и легко мог испугаться.

Когда шум утих, Галевин и Махтельт поехали дальше, изредка переговариваясь.

И вместе они подъехали к Виселичному полю.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

О том, как Махтельт приехала на Виселичное поле.

Махтельт увидела шестнадцать повешенных девушек и среди них Анну-Ми, и все их тела были осыпаны снегом.

Конь Злонравного снова встал на дыбы, забрыкался и в страхе запрядал ушами; а Шимель заржал и гордо забил копытом по снегу.

И Галевин сказал Махтельт:

— Нечего сказать, верный у тебя друг! Радостно ржет в твой смертный час.

Но Махтельт ничего не ответила и, глядя на бедных девушек, молила всемогущего бога помочь ей отомстить за них.

Злонравный сошел с коня и, взяв в руки золотой серп, встал рядом с Махтельт.

— Пришел твой смертный час, — сказал он. — Сойди с коня и ты.

И в нетерпении хотел снять ее с седла.

Но Махтельт сказала:

— Не тронь, я сойду сама, и если мне суждено умереть, я умру без слез.

— Ты прекрасная девушка, — ответил он.

И, сойдя с коня, она сказала:

— Мессир, прежде чем нанесешь мне удар, сними-ка свой *оперст-клеед* цвета спелой пшеницы! Девичья кровь бьет струею, и мне будет жаль, если моя кровь запятнает твое платье.

Но прежде чем Галевин снял свой *оперст-клеед*, голова его скатилась к ее ногам.

И, глядя на бездыханное тело, Махтельт сказала:

— Самонадеянный, ты мнил себя непобедимым, но когда зверь не чувствует опасности, охотнику легче его убить.

И осенила себя крестным знаменем.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О шестнадцати мертвых девушках
и о Повелителе камней.

Вдруг голова заговорила:

— Поскачи на конец дороги и затруби погромче в мой рог, чтобы друзья мои тебя услышали.

Но Махтельт ей в ответ:

— На конец дороги я не поеду, в твой рог не затрублю; я не пособница убийцам.

— Если только ты не дева, не ведающая жалости, — молвила голова, — приставь меня к моему туловищу и прижми к кровоточащей ране сердце, которое лежит у меня на груди.

Но Махтельт ей в ответ:

— Я дева, не ведающая жалости, я не приставлю тебя к твоему туловищу и не прижму к кровоточащей ране сердце, которое лежит у тебя на груди.

— Дева, — заплакала в ужасе голова, — скорее, скорее вези меня в замок, осени поскорее мое тело крестным знамением. Ибо он вот-вот придет.

И едва успела это голова договорить, как из лесу вышел Повелитель камней, уселся на тело Злонравного и взял в руки его голову.

— Здравствуй, Урод! — сказал Повелитель камней. — что, хорошо ли тебе сейчас? И где твоя былая мощь, мессир Непобедимый? Вот и пришла к тебе без твоей песни бесстрашная

дева, от чьей руки ты и принял смерть. Но ты должен снова запеть свою благозвучную песню и призвать ею девушек.

— Ах, не заставляй меня петь, Повелитель камней! — сказала голова. — Я ведь знаю, что мой конец сулит мне тяжкие муки.

— Пой, — сказал Повелитель камней, — пой, трус! ты не плакал, совершая злые дела, а сейчас плачешь в ожидании страшной кары, пой, Урод!

— Ах, сжальтесь, сеньор! — взмолилась голова.

— Пой, — приказал Повелитель камней, — пой, час божьего суда настал.

— Сеньор, не будьте ко мне так жестоки в этот злосчастный час!

— Пой, Урод! — сказал Повелитель камней, — пой, пришел час расплаты!

— Что ж, я буду петь, — плача, сказала голова, — буду петь, ибо вы мой господин.

И голова запела волшебную песню.

И по лесу сразу разлилось благоухание кинамона, ладана и майорана.

И шестнадцать девушек, услышав песню, спустились с виселиц и подошли к телу Злонравного.

И Махтельт, осеняя себя крестным знаменем, смотрела как они шли, но ей совсем не было страшно.

И первая девушка, дочь бедного дурачка Клааса, Пёсобоя, взяла золотой серп и, вонзив его в грудь Злонравного под левым соском, вынула из нее рубин. Рубин этот девушка при-

ложила к своей ране, и прекрасный камень, растаяв, разлился в ее груди алой кровью.

И голова закричала пронзительно и жалобно.

— Вот так кричали и бедные девушки, когда ты их злодейски отправлял на тот свет, — сказал Повелитель камней. — Шестнадцать раз ты убивал, шестнадцать раз ты будешь умирать, не считая той смерти, что уже настигла тебя. Твой крик — это скорбный вопль тела, которое покидает душа; шестнадцать раз ты исторгал этот вопль у других, шестнадцать раз ты сам будешь так кричать. Пой, Урод, зови к себе девушек и отмщение!

И голова опять запела волшебную песню, а первая девушка спокойно скрылась в лесу, точно живая.

И вторая девушка подошла к телу Злонравного и сделала с ним то же, что и первая.

И голова снова закричала предсмертным криком.

И рубин в груди девушки снова превратился в прекрасную алую кровь.

И она тоже ушла в лес, ступая, будто живая.

Так сделали все шестнадцать девушек, и у каждой в груди рубин превратился в прекрасную алую кровь.

И шестнадцать раз голова пела волшебную песню, и шестнадцать раз кричала предсмертным криком.

И одна за другой скрылись девушки в лесной чаще.

И последняя — это была Анна-Ми — подошла

к Махтельт и поцеловала ей правую руку, державшую меч.

— Будь благословенна! — сказала она. — Ты бесстрашно пришла сюда, освободила нас от злых чар и открыла нам путь в рай.

— Ах, Анна-Ми, — отвечала Махтельт, — а нужно ли тебе отправляться в такую даль?

Но Анна-Ми, не слушая ее, ушла, как и другие девушки, в глубь леса, спокойно ступая по снегу, будто живая.

Голова все плакала и жаловалась, как вдруг из-леса вышла девятилетняя девочка, первая убитая Злонравным. Она была еще в саване и, подойдя к Повелителю камней, упала перед ним на колени.

— Ах, бедный Злонравный, — сказала она, нежно целуя голову, глядя, лаская ее и утирая ей слезы. — Я буду молиться за тебя всеблагодарному, он охотно внимлет молитвам детей.

И девочка молилась так:

— Господи! погляди, как он тяжело страдает! Разве недостаточно он тобою наказан, приняв смерть шестнадцать раз? Ах, господи, всеблагодный господи, и ты, милосердная богоматерь, снизойдите к моей мольбе и даруйте ему прощение!

Но каменный человечек вдруг подскочил и, оттолкнув девочку, сердито сказал ей:

— Это голова моя, ни к чему ей твои молитвы! Подбери свое тряпье, маленькая дрянь, и проваливай!

И девочка пошла вслед за другими девушками в глубь леса.

Тут человек запустил руку в разверстую грудь Злонравного и вытащил из нее каменное сердце; потом скрипучим голосом, подобным шипению змеи и скрежету гальки под железной пятой воина, он сказал:

— Сердце честолюбца, каменное сердце, ты был при жизни трусом и потому жестоким; ты не довольствовался благами, которые даровал тебе в своей неизреченной милости господь, тебя влекли к себе не доброта, отвага и справедливость, а лишь богатство, власть и суетные почести; ты никого не любил, ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры. Стремясь к всемогуществу, добиваясь высшей власти, ты без стыда и совести разорял Фландрию, убивал слабых, высасывал из них на потребу себе их жизнь и кровь. Так поступали и всегда будут поступать гнусные честолюбцы — эти жалкие ублюдки. Да будет благословен бог, рукою слабой и нежной девушки отсекавший твою голову от тела и отнявший у тебя жизнь!

С этими словами он кинул сердце в снег, с великим презрением наступил на него, потом отбросил ногой в сторону, как мерзкую падаль, и, злорадно усмехаясь, произнес своим скрипучим голосом:

— Камень ты есть и камнем пребудешь еще тысячу лет, но камнем живым и страдающим. И когда придут люди ломать тебя, тесать и дробить, ты будешь чувствовать несказанные муки, но не сможешь жаловаться. Сердце честолюбца, каменное сердце, страдай и терпи, братец мой!

Из-за тебя терпели голод бедняки, будешь и ты терпеть голод тысячу лет, из-за тебя терпели они холод, будешь и ты терпеть холод. Сердце честолюбца, каменное сердце, страдай и терпи, братец мой!

Ты будешь камнем в очаге и будешь гореть; будешь придорожным камнем, и по тебе будут ходить; будешь камнем в церковном фундаменте и будешь нести на себе всю тяжесть здания; и все зло, всю тоску и муку испытываешь ты на себе. Сердце честолюбца, каменное сердце, страдай и терпи, братец мой!

И, сказав эти слова, Повелитель камней углубился в лес, катя перед собой сердце Злонравного.

Махтельт посмотрела на голову Галевина и увидела, что глаза ее широко раскрыты. Девушка подняла голову, отерла снегом и, взяв ее с собой, поехала прочь на своем Шиммеле, оставив рядом с телом Злонравного его пса и коня. Пес тихо скулил, а конь глядел на тело хозяина в горестном недоумении.

Когда Махтельт взяла в руки голову Галевина, пес зарычал, но укусить не посмел.

И когда она умчалась, конь и пес все еще стояли подле мертвого тела в тоске и горе, осыпанные снегом, который падал, не переставая.

И казалось, они стерегут своего господина.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

*О том, как отец, сестра, мать и брат
искали своего сына и брата и не нашли его.*

Распевая песню, трубя в рог, скачет на коне благородная девица.

И весело у нее на сердце при мысли, что Анна-Ми, пятнадцать девушек и Молчальник отомщены.

И рука ее крепко сжимает под кейрлем славный меч и голову Злонравного.

И Шиммель скачет галопом, торопясь в конюшню.

А на полдороге увидела Махтельт сквозь густой падающий снег едущего ей навстречу старика на черном коне.

И старик спросил:

— Прекрасная девушка на быстром коне, не видала ли ты моего сына Галевина?

А Махтельт отвечала:

— Я оставила твоего сына в добром здравии: он забавлялся на снегу в обществе шестнадцати девушек.

И старик исчез.

Когда Махтельт отъехала немного подальше, она увидела сквозь густой падающий снег скачущую ей навстречу юную цветущую девицу на белом коне.

И девица спросила:

— Прекрасная девушка на быстром коне, не видала ли ты моего брата Галевина?

А Махтельт отвечала:

— Поезжай дальше, на Виселичное поле, там ты увидишь своего брата, обрядили его не хуже, чем шестнадцать девушек.

И девица исчезла.

Еще дальше на дороге Махтельт увидела сквозь густой падающий снег едущего ей навстречу на рыжем скакуне юношу с надменным и суровым лицом.

И юноша спросил:

— Прекрасная девушка на быстром коне, не видала ли ты моего брата Галевина?

А Махтельт отвечала:

— Твой брат красив, до того красив, что шестнадцать девушек стерегут его неотлучно.

И юноша исчез.

Еще дальше на дороге Махтельт увидела сквозь густой падающий снег едущую ей навстречу старую даму, румяную и крепкую, несмотря на преклонный возраст.

И старая дама спросила:

— Прекрасная девушка на быстром коне, не видала ли ты моего сына Галевина?

А Махтельт отвечала:

— Твой сын Сиверт Галевин мертв. Смотри: под моим кейрлем его голова, и кровь его струится по моему платью.

И старая дама воскликнула:

— Если бы ты сразу это сказала, тебе не было бы дальше пути!

А Махтельт отвечала:

— Счастье твое, безобразная женщина, что

я пощадила тебя и не уложила на месте, как твоего сына.

Старая дама испугалась и скрылась.

И наступил вечер.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

*О празднике в замке де Хёрне и о голове,
положенной на стол.*

Шиммель бежал быстрой рысью, и вот, подъехав к воротам своего замка, Махтельт затрубила в рог.

Йоссе ван Рíхове, стоявший в тот вечер на страже, возрадовался, увидев ее. И он закричал:

— Слава богу, наша молодая госпожа вернулась!

И вся челядь сбежалась и радостно и громко закричала:

— Наша молодая госпожа вернулась!

Войдя в зал, Махтельт бросилась к сирю Рулю, и, упав перед ним на колени, сказала:

— Сеньор мой отец, вот голова Сиверта Галевина!

Сир Руль взял голову в руки, посмотрел на нее и так обрадовался, что заплакал — впервые с тех пор, как глаза его увидели белый свет.

И Молчальник, встав, подошел к Махтельт, поцеловал ее правую руку, державшую меч, и тоже заплакал.

— Спасибо, ты отомстила за меня! — сказал он.

А дама Гонда, хмельная от радости, долго не могла опомниться. Наконец, разрыдавшись, вся в слезах, крепко обняла Махтельт.

— Обними, обними же меня, моя душенька! — воскликнула она. — Моя кроткая девочка убила Злонравного, соловей заклевал ястреба! Моя дочь вернулась, моя дочь дома. Слава тебе, боже! Благодарение богу, он любит старых матерей и не отнимает у них детей. Слава тебе, боже! Поглядите на красавицу Махтельт, на певунью Махтельт, на веселую Махтельт, на шалунью Махтельт, на победительницу Махтельт, на мою дочь Махтельт, на мое дитя Махтельт, на мое бесценное сокровище Махтельт. Слава тебе, боже!

И Махтельт, улыбаясь, нежно ласкала и гладила мать.

И дама Гонда затихла, припав к ней и плача от радости.

— Никогда еще я не видел мою жену такой счастливой! — молвил сир Руль и вдруг воскликнул:

— Да ведь сегодня у нас праздник, в замке де Хёрне великий праздник!

И широко распахнул двери, чтобы созвать пажей, оруженосцев, рыцарей и всю челядь.

Но все уже толпились у порога, не смея войти.

— Эй! — громким и радостным голосом обратился к ним сир Руль, — где повара и поварихи? Где котлы, сковороды, кастрюли? Где

бочки, бочонки, фляги, бутылки, кружки, полуштофы, кубки? Где слабый и крепкий *клауварт*, где старое и молодое вино, где окорока и колбасы, где китовые языки, бычьи лопатки, птица, рыба, дичь? Все сегодня должно быть на столе, сегодня у нас праздник, небывалый праздник, императорский праздник, королевский, княжеский праздник! Потому что, — и он приподнял за волосы голову Злонравного, — наша возлюбленная дочь отрубила своей маленькой прелестной ручкой голову сира Сиверта Галевина!

И в ответ все возгласили хором:

— Хвала господу! Слава нашей молодой госпоже!

— А теперь ступайте, — приказал сир Руль, — и исполняйте мое повеление.

И когда на пиршественном столе появились роскошные яства, среди них положили и мертвую голову.

На другой день во владениях де Хёрне раздался призыв к войне. И сир Руль во главе большого войска осадил замок Галевина, и все родичи, друзья и сотоварищи Злонравного были повешены и зарублены.

И граф Фландрский пожаловал роду де Хёрне имения и титулы Галевина, изъяв лишь мерзостный герб, и всем этим они владеют по сию пору.

СМЕТСЕ СМЕЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О Сметсе Смее, его брюхе и его кузнице.

Сметсе Смее жил в славном городе Генте, на Луковичной набережной, и окна его дома выходили прямо на прекрасную реку Лис¹.

Он был весьма искусен в своем ремесле, нагулял себе порядочный жирок, а круглое лицо у него было всегда такое веселое, что самые унылые люди улыбались, лишь глянув, как семенит он на коротеньких ножках по своей кузнице, задрав нос, выпятив пузо и зорко за всем присматривая.

Когда в мастерской работа кипела, он спокойно складывал руки на брюхе и, прислушиваясь к чудесному шуму своей кузницы, радостно приговаривал:

— Клянусь Артевелде!² Никаким барабанам, бубнам, дудкам, виолам и волынкам не сравниться с небесной музыкой, что слышится в грохоте моих молотов, стоне моих наковален, пыхтении моих мехов, песнях моих храбрых подмастерьев, кующих железо!

— Живее, живее, ребята, — подбадривал он своих помощников, — кто усердно трудится поутру, веселей пьет ввечеру! Эй, у кого это

рука так ослабла, что он еле-еле постукивает молотом? Может этот рохля думает, что разбивает яйца для яичницы? Ну-ка за брусья, Долф! Они вот-вот расплавятся! А ты, Пир, берись за кирасу да бей со всему маху: железо, кованное хорошим мастером, самое верное средство от пуль. Принимайся за лемех, Флипке, и работай на совесть: ведь плуг всем людям хлеб дает! Открой дверь, Тоон! Видишь, тощий конюх дона Санчо д'Авила, дворянина с надутой рожей, ведет сюда его тощую клячу. Верно, хочет ее подковать. С него возьмем вдвое дороже: за испанскую спесь и за грубое обращение с простым народом.

Так расхаживал Сметсе по своей кузнице. Частенько он напевал, а если не напевал, то посвистывал. К тому же выручал он немало золотых, не жаловался на здоровье и вечерами охотно попивал *брёйнбиир** в трактире Пенсарта.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О том, как Слимбрук Рыжий погасил огонь
в кузнице Сметсе.

Но тут случилось, что некий Адриан Слимбрук с разрешения ремесленного цеха открыл на Луковичной набережной еще одну кузницу. Сей Слимбрук, прозванный Рыжим за цвет своих волос, был безобразен, мал ростом, худ и тщ-

* Bruinbier (флам.) — сорт темного пива.

душен; лицо у него было бледное, а пасть — до ушей, как у лисицы.

Отъявленный плут и прехитрый пролаза, до тонкости изучивший искусство притворства, Слимбрук прослыл знатоком кузнечного дела и приманил в свою кузницу всех знатных и зажиточных горожан, которые — то ли из страха, а может почему-либо еще, — водили дружбу с испанцами и недолюбливали реформатов¹. В большинстве своем это были прежние заказчики Сметсе, но Слимбрук настроил их против него.

— Сметсе в глубине души «гёз»², — разглагольствовал Слимбрук. — В молодости он был пиратом, сражался на море с испанцами на стороне жителей Зеландии³, защищавших так называемую реформатскую веру. У него и сейчас еще полно друзей и родичей на острове Валхерене⁴, главным образом в городах Мидделбурге, Арнемёйдене, Камп-Веере и Флиссингене. Все они ярые реформаты и без всякого почтения говорят о папе римском и сеньорах эрцгерцогах.

— К тому же, — добавлял он, — этот Сметсе сущий безбожник: несмотря на запрет читает лишь Антверпенскую Библию, а если и заходит иной раз в церковь, то страха ради, а не из любви к богу.

Вот таким злоречьем отбил Слимбрук у Сметсе всех его заказчиков.

И вскоре погас огонь в кузнице доброго кузнеца, вскоре были съедены все его сбережения, и в дом его вступила госпожа Нужда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О том, в какой прекрасной шляпе плавал Слимбрук в реке.

Как ни худо пришлось Сметсе, он крепился и не падал духом. Все же горько и тошно бывало ему слушать, как славно стучат молоты о наковальни у Слимбрука, когда сам он одиноко сидит в холодной кузнице и смотрит на свои бесценные инструменты, сваленные в кучу на полу.

Но хуже всего донимало Сметсе то, что всякий раз, когда проходил он мимо дома упомянутого Слимбрука, рыжий негодяй тотчас выскакивал на порог, умильно раскланивался и, рассыпаясь в любезностях, наговорив множество льстивых слов, лицемерно выражал ему свое уважение, и все лишь затем, чтобы покуражиться над ним и подло насмеяться над его бедой.

Эти мерзкие ужимки и кривляния повторялись так долго, что терпению Сметсе пришел конец.

— Э-эх, я горюю оттого, что стал нищим, — говорил он себе, — да с этим надо примириться: такова ведь святая воля господня! Но нет мочи глядеть, как гнусный мошенник, своими кознями переманивший моих заказчиков, радуется моей бедности.

А Слимбрук никак не мог угомониться, и речи его с каждым днем становились все ехиднее; ибо, чем больше была его вина перед честным кузнецом, тем сильнее он его ненавидел.

И Сметсе дал себе слово расправиться со Слимбруком и навсегда отбить у него охоту к издевкам.

Однажды в воскресный день Сметсе стоял на набережной Лодочников и вместе с толпой горожан, лодочников, мальчуганов и школяров глазел на реку — все они бездельничали по случаю праздника. И тут из соседнего *мюзико** вдруг вышел Слимбрук, уже порядком налижавшийся и во хмелю еще более наглый, чем обычно. Завидев Сметсе, он, размахивая руками, кинулся прямо к нему.

— Здравствуй, Сметсе, здравствуй, мой дорогой! — визгливо смеясь, дерзко крикнул он. — Как поживаешь, Сметсе? Сдается мне, что ты спустил свой славный жирок. Вот жалость-то! А с чего бы это, Сметсе? Тебя огорчает, что ты растерял своих заказчиков? Надобно выпить, Сметсе, вот и станет веселее в желудке. А почему тебя больше не видать по вечерам у Пенсарта? Может у тебя не хватает деньжонок на выпивку? Так, если захочешь, Сметсе, у меня для тебя найдутся деньжата.

И Слимбрук побренчал кошельком, висевшим у него на поясе.

— Благодарю тебя, — отвечал Сметсе, — ты очень любезен, дядюшка Слимбрук, но теперь мой черед тебя угощать.

— Ну уж нет! — с притворным сочувствием и сожалением воскликнул Слимбрук. — С чего

* *Musico* (флам.) — кабачок, в котором играет музыка.

это тебе вздумалось меня угощать? Ведь всем известно, что ты небогат, Сметсе!

— Настолько богат, — отвечал кузнец, — чтоб напоить тебя так, как ты сроду не пил.

— Ну и потеха! — крикнул Слимбрук столпившимся вокруг лодочникам и горожанам, — ну и потеха. Сметсе меня угощает! Что же это такое? Не иначе как пришел конец света! А может в наше время богачи ходят в лохмотьях? Сметсе меня угощает! Ха-ха-ха! я с радостью хлебну *брёйнбиира*, за который уплатит Сметсе. Я жажду его, как жаждет влаги африканский песок, как жаждет воскресного отдыха труженик, как жаждет прохлады бес, разводя огонь под котлами Люцифера.

— Ну так пей же, Слимбрук! — сказал Сметсе и швырнул его в реку.

Все, кто стоял на набережной, захлопали в ладоши и взобрались на парапет, чтобы лучше видеть Слимбрука, который, полетев в воду вниз головой, пробил брюхо дохлой собаке, уже давно плившей по течению, как это всегда бывает с падалью. При этом голова у него как-ким-то непостижимым образом застряла в дохлятине, и он не мог от нее отделаться, так как плыл, и руки у него были заняты. И лицо у него все измазалось в вонючем собачьем дерьме.

И хотя этой гадостью Слимбруку залепило глаза, он не решился выйти из воды и подняться на набережную, где стоял Сметсе, а поплыл с падалью на голове к другому берегу, отдуваясь и пыхтя, точно тысяча чертей.

— Ну как? — спросил Сметсе, — как тебе нравится *брёйнбиир*? Не правда ли, лучше его не найдешь во всей Фландрии? Однако, сударь мой, снимите вашу шляпу, не то вы не сможете выпить. Где это видано, чтобы в такой шляпе прогуливались по реке?

Слимбрук, барахтаясь в воде, оказался у самого моста. Сметсе со всем народом взошел на упомянутый мост, и Слимбрук, по-прежнему пыхтя, крикнул ему:

— Я тебя отправлю на виселицу, проклятый реформат!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся славный кузнец, — вы ошибаетесь, приятель, не я хочу реформ, это вы вводите реформу в ношение шляп. Где вы раздобыли вашу шляпу? Я в жизни такой не видывал. Как она нарядна, как богато украшена кисточками и помпонами! Стало быть в Генте скоро появится новая мода?

Слимбрук, не отвечая ни слова, пытался стащить с головы дохлую собаку, но безуспешно; и он то шел ко дну, то всплывал снова вверх, приходя в еще большее бешенство, еще громче пыхтя и непрерывно сясь скинуть с себя эту падаль.

— Не обнажайте голову, сударь! — повторял Сметсе, — не стоит так много трудиться, чтобы отдать мне поклон! Я, право, не заслуживаю таких стараний. Не обнажайте голову!

Наконец, Слимбрук вылез из воды. Поднявшись на набережную, он поспешно содрал с себя собаку и со всех ног побежал домой. А за ним с улюлюканьем и свистом погналась орава мо-

лодых лодочников и мальчуганов, швыряя в него комьями уличную грязь и всякие нечистоты. Не унялись они и тогда, когда Слимбрук уже скрылся за воротами своего дома.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О двух ветках.

Так Сметсе отомстил Слимбруку, который не смел после этого поднять на него глаза и прятался, чуть завидев его.

Но недолго радовался добрый кузнец, ибо с каждым днем все больше одолевала его нищета, а цеховое пособие и малую толику денег, полученную из города Мидделбурга, что на острове Валхерене, они с женой уже прожили.

До крайности удрученный тем, что ему придется пойти по миру, и не в силах вынести этот позор, Сметсе решил покончить счеты с жизнью.

И вот однажды ночью он покинул свой дом и пришел к городскому рву, обсаженному раскидистыми деревьями, ветви которых свисали до самой земли. Тут Сметсе привязал себе камень на шею, вверил свою душу богу и, отступив для разбега на три шага, ринулся вниз.

Но вдруг его задержали две ветки: они упали ему на плечи, схватили, словно две человеческие руки, и пригвоздили к месту. Ветки эти были не холодные и жесткие, как это свойственно дереву, а теплые и мягкие. И в это

мгновение послышался какой-то странный голос, насмешливо спросивший:

— Куда это ты собрался, Сметсе?

Но Сметсе, оцепенев от изумления, не мог ничего ответить.

И хотя ветра не было, ствол и ветви дерева шевелились и качались, извиваясь точно змеи, а повсюду вокруг потрескивали золотые искорки, — и было их сотни и сотни тысяч с лишком.

Сметсе стало еще страшнее: лица его коснулось жаркое дыхание, а голос — уже совсем близко, как ему показалось, — снова спросил:

— Куда это ты собрался, Сметсе?

Но Сметсе опять не мог ответить: от страха в горле у него пересохло и зубы застучали.

— Почему ты боишься ответить тому, кто желает тебе только добра? — спрашивал голос. — Куда же ты собрался, Сметсе?

Смекнув, что с ним говорят дружелюбно и весело, славный кузнец набрался наконец духу и смиренно ответил:

— Сеньор, которого я не вижу, я собрался умереть, потому что жить мне больше не вмоготу.

— Сметсе — глупец, — сказал голос.

— Пусть будет так, если вам угодно, сеньор, — продолжал Сметсе, — но, по-моему, после того, как я потерял свою кузницу из-за происков злого соседа и должен теперь стать бродягой и нищим, жить куда глупее, чем умереть!

— Сметсе — глупец, если он хочет умереть, — сказал голос. — Ведь стоит ему пожелать, и он вернет себе свою милую кузницу, свой милый яркий огонь в горне, своих молодых-подмастерьев, и в сундуках у него заведется столько золотых, сколько искорок потрескивает на этом дереве.

— Ух ты! — воскликнул в восхищении кузнец. — Но такого богатства мне вовек не видать! Куда мне, мелкой сошке, такая роскошь!

— Сметсе, — сказал голос, — все возможно для моего господина.

— Вот оно что! — подивился кузнец. — Уж не дьявол ли, сеньор, вас ко мне подослал?

— Он самый, — отвечал голос, — и я пришел предложить тебе от его имени сделку. Целых семь лет ты будешь богат: у тебя будет прекраснейшая кузница во всем Генде; ты заработаешь столько золота, что его достанет вымостить всю Луковичную набережную; в твоём погребе будет столько вина и пива, что ты сможешь залить ими все пересохшие глотки во Фландрии; ты будешь есть наилучшие мясные блюда, наивкуснейшую домашнюю птицу; у тебя будут горы окороков, груды кровяной колбасы, кучи ливерной; все будут осыпать тебя похвалами, восхищаться тобой, превозносить тебя. Узнав об этом, Слимбрук лопнет от ярости. И за все эти великие блага через семь лет ты всего лишь отдашь нам свою душу.

— Моя душа — единственное мое достояние, — возразил Сметсе. — А нельзя ли, сеньор

дьявол, сделать меня богатым по более сходной цене?

— Ты согласен, кузнец, или не согласен? — спросил голос.

— Ах, все, что вы сулите, так заманчиво. Да мне так много и не надо, не в обиду вам будь сказано, сеньор дьявол! Мне бы только вернуть мою кузницу и достаточно заказчиков, чтобы не гас в горне огонь, и я был бы счастливее монсеньора Альберта и сеньоры Изабеллы!

— Хочешь — бери, не хочешь — не надо, кузнец! — сказал голос.

— Сеньор дьявол, — взмолился кузнец, — очень прошу вас, не гневайтесь на меня, но благоволите принять в соображение: нельзя ли мне получить только мою кузницу, без всяких там вин, колбас и золотых, а вы помириться на том, чтобы душа моя горела в пекле тысячу лет, что не так уже мало для того, кто проведет это время в огне, но уж, конечно, не идет ни в какое сравнение с целой вечностью.

— Тебе — кузница, нам — твоя душа; хочешь — бери, не хочешь — не надо, кузнец!

— Ох, — закручинился Сметсе, — это слишком накладно, не во гнев вам будет сказано, сеньор дьявол!

— Стало быть, кузнец, — сказал голос, — богатству ты предпочитаешь нищету. Ну, поступай, как знаешь! Нечего сказать, весело будет тебе слоняться с унылой миной по Генту, когда все от тебя отвернется, и только собаки станут гоняться за тобой по пятам. А когда жена твоя

помрет с голоду, напрасно ты будешь бить себя в грудь, повторяя: *mea culpa* *. Потом ты останешься один в целом свете и будешь на ярмарках выбивать барабанную дробь на своем пустом брюхе, и девчонки, поплясав под такую музыку, швырнут тебе горсть медяков в награду за эту потеху; а под конец ты забьешься в свою нору, не смея выйти на улицу в своих грязных лохмотьях. Шелудивый, искусанный вшами бедняк, ты подохнешь один, как прокаженный, на своем гноище, и стащат тогда тебя на кладбище. И Слимбрук придет посмеяться над твоими останками.

— Ох, придет, — вздохнул Сметсе, — непременно придет, висельник!

— Так не дожидайся столь постыдного конца! — сказал голос. — Лучше уж тогда умереть. Прыгай в воду, Сметсе, ну прыгай же!

— Горе мне! — застонал кузнец. — Но если я предам себя в ваши руки, гореть мне в вечном огне.

— А ты вовсе не будешь гореть, — отвечал голос, — ты послужишь нам пищей, кузнец!

— Я! — воскликнул перепуганный Сметсе, — так вы там меня собираетесь съесть? Да я для этого совсем не гожусь, уверяю вас. Нет на свете мяса более жесткого, жилистого, грубого, самого что ни на есть простецкого, чем мое. К тому же оно было когда-то заражено чумою, чесоткою и другими скверными болезнями. Ах, разве я для вас лакомое блюдо, сеньоры дья-

* Моя вина (лат.).

волы? Ведь у вас в аду так много именитых душ — сочных, аппетитных, откормленных! А моя нигде не годится, уверяю вас!

— Ты ошибаешься, кузнец! — сказал голос. — Души злых императоров, королей, князей, пап, знаменитых полководцев, завоевателей, человекоубийц и прочих разбойников иной раз жестки, как орлиный клюв. Причиной тому их всемогущество, и мы то и дело ломаем о них зубы. Души, обуянные славолубием и жестокосердием, изъедены до времени этими прожорливыми червями, и нам остаются лишь крохи. Души непотребных девок, не знавших при жизни ни голода, ни нужды, но продававших за деньги то, что природа велит давать даром, так зловонны, так гнусны и мерзки, что даже самые изголодавшиеся дьяволы их в рот не берут. Души тщеславных подобны пузырям: внутри у них ничего нет, кроме воздуха. Это скудная пища. Души лицемеров, ханжей и лгунов снаружи свежи, как наливное яблочко, но под кожей у них полным-полно желчи, прокисшего вина, страшного яда; никто из нас не хочет до них и дотронуться. Души завистников подобны жабам: разъярившись на свое уродство, они брызжут на все, что блестит, желтой слюной, извергая ее изо рта, из лап и всех пор своего тела. Души обжор — навоз. Души выпивох порою вкусны в том случае, если они сохраняют дивный запах доброго вина и брейбира. Но нет пищи более лакомой, сладостной, сочной и тонкой на вкус, чем душа славной женщины, честного труженика и честного кузнеца

вроде тебя. Ибо они работают не покладая рук и нет у них времени запятнать себя грехом, разве что один-единственный раз в жизни. Вот тогда-то мы, если можем, уносим их с собой. Однако это редкое блюдо. Мы приберегаем его для царского стола монсеньора Люцифера.

— Ах, я вижу, вам непременно хочется меня съесть, — молвил Сметсе. — Ну что бы вам стоило вернуть мне мою кузницу даром?

— Не так уже худо быть съеденным таким образом, — отвечал голос. — У моего царя и повелителя рот побольше, чем у той рыбы, что проглотила некогда иудея Иону²; ты, словно устрица, шмыгнешь в его желудок, и зубы его тебя даже не заденут; а не захочешь там оставаться, начнешь дрыгать что есть силы руками и ногами, и монсеньор живо выплюнет тебя, не стерпев щекотки. Ты падешь тогда к его ногам и, не теряя уверенности и спокойствия, весело взглянешь на него ясным взором. Таким увидит тебя и госпожа Астарта, она уж, конечно, возьмет тебя в свои любимчики, как это было со многими. Вот и начнется для тебя не жизнь, а малина: будешь весело служить своей госпоже и вычесывать шерсть своему господину. Ну, а что до нас, дьяволов, то мы с радостью примем тебя в нашем доме. Мы насмотрелись достаточно на уродливые и гадкие лица завоевателей, обманщиков, грабителей, воров и убийц, и нам будет сущей отрадой глядеть на славную толстую морду такого веселого кузнеца, как ты.

— Сеньор дьявол! — сказал Сметсе, — право,

я не стою такой чести! У вас там недурно, я верю вашим благородным речам. Но я по природе нелюдим: мне будет не по себе среди чужих, да и вы получите от меня мало радости, и петь я не стану. Так вот, вряд ли я смогу вас позабавить, я наперед это знаю. Ах, лучше верните мне мою милую кузницу, моих прежних заказчиков и освободите меня от уплаты! Это был бы поистине великодушный поступок, и он так послужил бы вам к украшению.

— Что же, кузнец, ты собираешься увильнуть от уплаты шутками? — уже сердито спросил голос. — Жизнь тебе не мила, смерть тебе ненавистна, и ты хочешь *gratis** прожить богато и весело семь лет, которые я тебе предлагаю. Соглашайся, кузнец, или отказывайся! Тебе — кузница, нам — твоя душа. А условия я назвал.

— Горе мне! — воскликнул Сметсе. — Ну, я согласен, коли так надобно, сеньор дьявол!

— Распишись своей кровью вот здесь! — сказал голос.

И к ногам Сметсе упал с дерева кусок черного пергамента и воронье перо. На пергаменте кузнец прочитал написанный огненными буквами договор сроком на семь лет, вскрыл себе ножиком жилу на руке и расписался вороньим пером, смоченным в крови. Тут же он почувствовал, что кто-то вырвал у него из рук пергамент, а потом он услышал шаги, словно это убегал человек в комнатных туфлях.

* даром (лат.).

— Ты получишь свои семь лет, Сметсе! — донесся издали голос.

И дерево уже не качалось больше, и все искорки погасли на нем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О пылающем шаре, об огне, вновь загоревшемся в кузнице, и об увесистой оплеухе, которую человек с фонарем вlepил жене Сметсе.

Сметсе, оторопев, протирает глаза, спрашивая себя, не приснился ли ему сон. Потом он встряхнулся и сказал:

— Не сыграл ли со мной шутку этот дьявол? Неужто у меня опять будет моя славная кузница? Пойду погляжу!

С этими словами он кинулся бежать и еще издали увидел багровое зарево над домами, и ему показалось, что свет, заливающий небо, поднимается с Луковичной набережной.

— А не горит ли это огонь в моей кузнице? — спросил он себя и побежал еще быстрее.

Вся набережная — от мостовой до деревьев, окаймлявших ее, — была озарена словно солнцем.

— Да, это моя кузница!

От радости у Сметсе дух захватило и едва не подкосились ноги; однако он собрался с силами и добежал до дому. Дверь, будто на дворе стоял

день, была распахнута настежь, а там, в глубине, жарко пылал чудесный яркий огонь.

При этом зрелище Сметсе не мог больше сдержаться и начал плясать, прыгать и хохотать.

— Кузница опять моя, моя старая кузница! — завопил он. — Весь Гент теперь мой!

Он вошел в кузницу, все осмотрел, проверил, потрогал и увидал на полу аккуратно сложенное железо всех сортов: для кирас, для брусьев, для плугов.

— Клянусь Артевелде, — сказал он, — дьявол меня не обманул!

И он взял в руки брус, живо раскалил его на огне докрасна, и молот застучал по наковальне с такой силой, будто в кузнице загрохотал гром.

— Ну, — говорил кузнец, — опять я держу в руках мои милые инструменты, опять я слышу музыку, которой давно не слышал!

А когда Сметсе смахнул слезу радости, омочившую его глаза непривычною влагой, он заметил на ларе славный оловянный кувшин, а рядом с ним — славную кружку и, наполнив эту кружку пивом из кувшина, осушил ее, потом наполнил опять, и так — много, много раз.

— Ах, что за *брёйнбиир*! — похваливал он. — Такое доброе пиво придает силу мужчине. А я и вкус его позабыл. Но до чего же оно хорошо! — И снова принялся бить по брусу.

Сметсе совсем расшумелся, как вдруг кто-то окликнул его; он глянул в ту сторону, откуда послышался голос, — и увидел жену: она стояла на кухне и растерянно смотрела на него, полуотворив дверь.

— Сметсе, это ты, муженек? — спросила она.

— Я, женушка, — отвечал он.

— Сметсе, подойди ко мне, я боюсь войти в кузницу!

— Почему же ты боишься войти в кузницу, жена? — подивился он.

— Ох, беда! Ты был здесь один, муженек? — допытывалась она, держась за него и все заглядывая в кузницу.

— Да, один, — отвечал он.

— Когда тебя не было, Сметсе, здесь ужас что творилось!

— Что же здесь творилось, жена?

— Я уже легла было спать, — начала она, — как вдруг наш дом весь затрясся и через нашу спальню пролетел огненный шар; он ничего не прожег, вылетел в дверь, покатился по лестнице и угодил прямо в кузницу; там он, наверно, и лопнул: шуму наделал, будто гром загремел! И в кузнице сразу со страшным грохотом растворились все двери и окна. Тут я вскочила с постели, гляжу: вся набережная освещена, вот как сейчас. Я сразу подумала, что у нас в доме пожар: сломя голову бросилась вниз, вбежала в кузницу, а там — в горне пылает огонь, и его, громко пыхтя, раздувают мехи. А в каждом углу в полном порядке само собой укладывается железо всех сортов, — то, что нужно тебе для разных работ. Я не видела рук, которые его укладывали, но ведь кто-то должен был это делать, поверь мне! От страха я закричала, но тут почувствовала, будто кто-то зажал мне рот вроде теплой мохнатой перчаткой, и чей-то го-

лос сказал: «Если не хочешь, чтобы мужа твоего обвинили в колдовстве и сожгли живым на костре, никого не зови и не поднимай шум!» А ведь тот, кто велел мне молчать, сам так шумел, как бы я никогда не посмела, и это великое чудо, что никто из соседей не услышал его. А у меня, муженек, пропала охота кричать. Я спряталась в кухне и молилась богу, пока не услышала твой голос и не набралась храбрости приоткрыть дверь. Ах, муженек, раз ты здесь, объясни мне, если можешь, что означает вся эта кутерьма?

— Жена, — сказал Сметсе, — пусть это объясняют те, кто поумнее нас с тобой. А ты старайся лишь делать то, что приказал тебе голос: набери воды в рот и никому не рассказывай, что видела ночью, да ступай спать, до утра еще далеко.

— Ладно, — согласилась она, — а ты, муженек?

— Я не могу отлучиться из кузницы, — отвечал он.

Не успел кузнец договорить, как в дом его вошли один вслед за другим булочник со свежими хлебами, бакалейщик с сырами и мясник с окороками.

По мертвенно бледным лицам, ввалившимся глазам, обгорелым волосам, скрюченным пальцам, а также по неслышной походке Сметсе сразу признал в них чертей.

Озадаченная появлением незнакомцев, принесших с собой столько съестных припасов, жена кузнеца хотела было их остановить, но они,

точно угри, скользнули мимо нее и тихим, ровным шагом прошли на кухню.

Булочник принялся молча убирать хлеба в ларь, а бакалейщик и мясник спустились в погреб и раскладывали там в холодке сыры и окорока. И все это они проделывали, не обращая никакого внимания на жену кузнеца, которая восклицала:

— Куда это вы все притащили? Вы ошиблись, добрые люди! Уверяю вас! Идите в другое место!

А они, не отвечая на ее возгласы, преспокойно раскладывали хлеба, сыры и окорока.

Тут уж она совсем рассердилась:

— Я же говорю вам, вы ошиблись, — вы что, не слышите меня? Вы ошиблись, ваше место не здесь! Я вам повторяю: ваше место не здесь, не в доме у нищего Сметсе, у него ни гроша нет, он вам ничего не заплатит. Горе мне, они и слышать ничего не хотят!

И она завопила во все горло:

— Господа торговцы! Вы у Сметсе, понимаете? У нищего Сметсе! Разве вы меня не слышите? Господи, Иисусе Христе! Вы у бедняка Сметсе! У голяка Сметсе! У оборванца Сметсе! У Сметсе, у которого все богатство — одна рвань! Он вам ничего не заплатит, слышите вы меня? он вам ничего, ничего, ничего не заплатит!

— Жена, — молвил кузнец, — ты не в себе, видно, голубушка! Я послал за этими добрыми людьми.

— Ты! — возмутилась она, — ты! Да ты, му-

женек, рехнулся. Право, господа, он рехнулся! Как это ты послал за ними? Ха-ха-ха, ты приказал им доставить сюда всю эту уйму хлеба, сыра, окороков! Ишь, какой богач отыскался! Но ты ведь знаешь, что тебе нечем им заплатить. Ни стыда у тебя, ни совести!

— Жена, — невозмутимо сказал кузнец, — мы богаты, и за все заплатим.

— Мы богаты? — закричала она. — Ха-ха-ха, да мы нищие! Мне-то хорошо известно, что у нас есть в сундуке. Ты ведь туда не заглядываешь, да и в хлебный ларь тоже. Но, может, тебе захотелось нарядиться в бабью юбку? Ох, беда, мой муженек рехнулся, господи, спаси и помилуй нас!

Тем временем три торговца снова появились в кузнице.

Увидя их, женщина подбежала к ним.

— Господа торговцы, вы слышите меня, вы ведь, кажется, не глухие! У нас ничего нет, нам нечем вам заплатить, унесите все эти припасы!

Но, не глядя на нее и будто не слыша ее, все трое удалились тихим и твердым шагом.

Когда они выходили из дома Сметсе, у порога остановилась повозка пивовара, и двое мужчин втащили в кузницу большую бочку, полную брэйнбиира.

— Сметсе, — ахнула жена, — это уж слишком! Господа пивовары, это не нам! Мы совсем не любим пива. Мы пьем только воду. Отвезите бочку соседям, это не для нас, поверьте мне!

Однако пивовары вкатили в погреб бочку брэйнбиира, затем отправились за другою, и

так — до двадцати. Жена кузнеца хотела помешать пивоварам, да, оступившись, повалилась наземь, и Сметсе, помирая со смеху, поднял и притянул ее к себе, чтобы она не ушиблась об одну из бочек, которые пивовары удивительно проворно и ловко катили с улицы в погреб.

— Ах, — причитала жена, — отпусти меня, Сметсе! Это слишком! Горе-то какое! Мы теперь еще хуже нищих, мы по уши в долгах. Сметсе, муженек, я, право, утоплюсь! Наделать долгов, чтоб наполнить голодное брюхо, очень стыдно, но влезать в долги, чтоб обжираться, нет слов, как это гадко! Разве тебе недостаточно хлеба и воды, которые ты мог бы честно заработать своими руками? Неужто ты стал таким обжорой, что не можешь обойтись без сладких пирогов, без вкусного сыра да полных бочек пива и вина? Сметсе, Сметсе, так пристало поступать не доброму гентцу, а испанскому разбойнику! Ах, муженек, я пойду топиться!

— Жена, — сказал Сметсе, опечаленный тем, что она так горюет, — не плачь, моя милая, ведь все это наше, все принадлежит нам — по праву и закону.

— Ай-ай-ай, — заголосила она, — как же дурно, что ты на старости лет потерял свою честность, ведь она была твоим единственным украшением.

А пока кузнец тщетно пытался утешить жену, в дом вошел виноторговец; за ним проследовало не менее тридцати трех слуг, и каждый из них нес корзину, полную бутылок самого дорогого вина, о чем свидетельствовал вид этих бутылок.

Когда женщина это увидела, она пришла в уныние и совсем пала духом.

— Входите, — жалобно сказала она, — входите, господа виноторговцы! Наш погреб внизу. У вас с собой порядочно бутылок: сто двадцать будет наверняка. Но это не слишком много для нас. У нас ведь всего вдоволь: нищеты, вшей, отрепьев. Входите, господа, вот дверь в погреб, поставьте там все, что вы принесли, а если угодно, то и больше!

И она подтолкнула к ним Сметсе, говоря:

— Ты, конечно, рад-радехонек! Такому пьянчужке, как ты, приятно глядеть, как все это доброе вино *gratis* попадает в его дом. Ах, он еще смеется!

— Да, жена, я смеюсь, — отвечал Сметсе, — я смеюсь от радости, потому что вино — наше, и хлеба, и сыры, и мясо — все наше! Будем же радоваться вместе!

И он хотел ее обнять, но она вырвалась.

— Боже, он влез в долги, он лжет, да еще смеется над своим позором! у него все пороки, все, все, какие только бывают у человека.

— Жена, — сказал Сметсе, — все это наше, уверяю тебя. Я получил задаток за выгодную работу, которую мне заказали.

— А ты не врешь? — спросила она, чуть-чуть успокоившись.

— Нет, не вру, — отвечал он.

— Так все это наше?

— Да, — отвечал он, — честное слово гентца!

— Ах, муженек, и мы больше не будем нуждаться?

— Больше не будем нуждаться, жена.

— Вот так чудо господне!

— Да, — вздохнул он.

— Но эти люди пришли сюда ночью. Ведь у нас так не водится; скажи мне, в чем здесь причина?

— Кто знает причину всему, — отвечал Сметсе, — тот больно умен. О себе я этого сказать не могу.

— А почему они молчат, муженек?

— Должно быть, они не любят говорить. А может, их хозяин нарочно подбирает себе немых слуг, чтоб они не теряли времени, судача с кумушками.

— Пожалуй, что так, — согласилась она, когда мимо прошел тридцать первый слуга виноторговца, — но все-таки очень странно: я не слышу их шагов, муженек!

— Наверное, у них для работы башмаки на особых подошвах, — сказал Сметсе.

— А почему у них такие безжизненные, унылые, неподвижные лица, словно у покойников?

— Полуночники никогда румяны не бывают, — отвечал Сметсе.

— Но они мне что-то не встречались в гентских лавках.

— Ты же не всех знаешь, — возразил Сметсе.

— И то правда, муженек!

Так говорили меж собой кузнец и его жена: она — сгорая от любопытства и тревоги, а он — смущаясь и не зная, куда деваться от стыда за свою ложь.

Едва тридцать третий слуга виноторговца

успел покинуть кузницу, как туда с невероятной поспешностью вошел человек среднего роста, с фонарем в руке, одетый в черную короткую блузу; волосы у него были светлые, голова большая, лицо бледное, без кровинки; прямой, как палка, и быстрый, как ветер, он семенил мелкими шажками и беспрестанно улыбался.

Человек этот живо подбежал к Сметсе, взял его за руку и молча пригласил следовать за собою. Сметсе попытался сопротивляться, но человек тотчас же сделал ему знак, чтобы он не боялся, и повел его в сад, куда поспешила и жена кузнеца. В саду человек дал Сметсе поддержать свой фонарь, а сам взял лопату и, начав копать землю, быстро вырыл глубокую яму, вытащил оттуда кожаный мешок, в один миг открыл его и с улыбкой показал Сметсе, что он набит золотыми монетами. При виде золота женщина вскрикнула, а странный гость вlepил ей здоровую оплеуху; потом опять улыбнулся, отвесил поклон и, повернувшись на каблуках, исчез со своим фонарем.

Жена кузнеца, сбитая с ног пощечиной, совсем опешила и, не смея больше кричать, лишь тихонько стонала:

— Сметсе, а Сметсе! где ты, муженек? у меня очень болит щека.

Сметсе поднял ее и сказал:

— Жена, пусть эта пощечина раз навсегда научит тебя держать язык за зубами. Своими криками ты докучала добрым людям, которые пришли сюда ночью ради моего же блага. Но

человек, что явился сюда позже всех, не был так терпелив, как другие: вот он и наказал тебя. И поделом.

— Ах, я виновата, что не послушалась тебя. Что же я должна теперь делать, муженек?

— Помоги мне втащить этот мешок в дом!

— Хорошо, — сказала она.

Они с трудом втащили мешок в дом и высыпали все, что в нем было, в сундук.

— Ах, это очень красиво, — говорила женщина, глядя, как золотые монеты хлынули из мешка, — но кто же этот человек, который показал тебе этот чудесный мешок, а мне дал такую страшную пощечину?

— Один мой дружок, — отвечал Сметсе, — великий открыватель зарытых кладов.

— А как его зовут? — спросила она.

— Мне запрещено это тебе говорить.

— Но, муженек...

— Эх, жена, жена, — сказал Сметсе, — ты слишком много хочешь знать, ты еще, милая моя, заплатишься за свое любопытство.

— Ох, уже заплатилась! — вздохнула она.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Из которой видно, какой длинный язык был у жены Сметсе.

Рано утром Сметсе с женой поели свежего хлеба, жирной ветчины, вкусного сыра, запили все это крепким брэйнбииром и добрым вином, подкре-

пив таким образом свои силы, несколько подорванные долгой голодовкой.

Неожиданно в дом кузнеца вошли его бывшие подмастерья.

— Бас * Сметсе, — сказали они, — ты нас позовал, вот мы и здесь! Мы очень рады, что у тебя горит огонь, и мы снова будем работать с тобой. Ты всегда был нам хорошим хозяином.

— Клянусь Артевелде! — воскликнул Сметсе, — они все тут: Пир, Долф, Флипке, Тоон, Хендрик и остальные. Здорово, ребята! — И он пожал подмастерьям руки. — Ну, а теперь выпьем по этому случаю!

В то время как они выпивали, жена кузнеца покачав головою, вдруг сказала:

— Но вас ведь никто не звал! Правда, Сметсе?

— Жена, жена, — отвечал кузнец, — научись ты когда-нибудь молчать?

— Ведь я же не лгу, муженек!

— Ты болтаешь глупости, — сказал он, — болтаешь о том, в чем ничего не смыслишь. Сиди у себя на кухне, а в мою кузницу не суйся!

— Басине **, — вмешался Флипке, — мне не хотелось бы с вами спорить, но смею вас уверить, что всех нас позвали от имени баса. Сегодня ночью какой-то человек стучался в наши дома и кричал, чтобы мы все как один, не мешкая, пришли сюда утром для срочной работы и что каждый из нас получит по золотому, кото-

* Baes (флам.) — мастер, хозяин дома.

** Baesine (флам.) — жена мастера, хозяйна дома.

рый бы он заработал у своего нынешнего хозяина. Вот мы и пришли: мы хотели помочь нашему басу.

— Вы хорошо поступили, — сказал Сметсе, — и все получите по обещанному золотому. Ну, идемте со мной, я каждому дам его привычную работу.

Так он и сделал, и с этого часа в кузнице славного кузнеца не смолкал чудесный шум: стучали молоты, стонали наковальни, пыхтели мехи, пели подмастерья.

Однако Сметсе подошел к жене и сердито сказал:

— Тебе не терпится прекословить мне при этих добрых малых! Болтливая сорока, научишься ты когда-нибудь молчать? Разве тебя не проучили как следует нынче ночью? Или тебе этого мало?

— Но, Сметсе, я ведь не знала, что ты их позвал!

— Это еще не значит, что ты можешь выставить меня обманщиком перед моими подмастерьями. Говори, когда я кончу говорить, а еще лучше, молчи!

— Сметсе, — сказала жена, — я никогда не видала тебя таким сердитым. Только не бей меня, муженек, я буду теперь нема, как этот сыр!

— То-то же! — отвечал Сметсе.

— Но, муженек, не можешь ли ты объяснить мне, что здесь происходит?

— После, — сказал он и ушел в кузницу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О Сметсе богаче.

В тот день к Сметсе приходило множество людей — и знатных, и простых. Дворяне и священники, горожане и крестьяне давали ему заказы на прибыльные крупные работы. Так было и в другие дни, и целый год.

Вскорости стало тесно в кузнице Сметсе, и пришлось ее расширить, потому что все росло число подмастерьев, изготавливавших такие хорошие, красивые, удивительные вещи, что добрая слава о них дошла до дальних стран, и люди приезжали поглядеть и полюбоваться на них из Голландии, Зеландии, Испании, Германии, Англии и даже из Турции.

А Сметсе был невесел: он думал о семи годах.

Скоро сундуки его стали ломиться от блестящих крузадо, анжело, розеноблей и дукатов. Но золотые монеты не очень-то радовали Сметсе, ибо он полагал, что не могут они вознаградить его за душу, которую он продал дьяволу на веки веков.

Мало-помалу Слимбрук Рыжий растерял своих заказчиков, и все они снова вернулись к Сметсе. Жалкий, оборванный, Слимбрук каждый день, как вкопанный, стоял на набережной, не сводя неподвижного взгляда с веселого огня, пылавшего в кузнице славного кузнеца, и напоминал собою сову, которая ошалело и тупо уставилась на патар¹. Зная, что сосед терпит нужду,

Сметсе посылал к нему заказчиков, и чтобы не дать ему умереть с голоду, частенько помогал и деньгами. Но, хотя Сметсе платил добром за зло, он был невесел: он думал о семи годах.

Уверившись в том, что она богата, жена Сметсе каждое воскресенье покупала на жаркое к обеду жирные бараньи ножки, гусей, каплунов, индюшек и всякое другое вкусное мясо; она приглашала к столу родственников, друзей, подмастерьев, и в доме Сметсе устраивались веселые пирушки, где щедро угощали крепким *брёйнбииром*. Но, хотя Сметсе ел и пил, как император, он был невесел: он думал о семи годах. А дым от жаркого, плывший над Луковичной набережной, наполнял воздух таким аппетитным ароматом, что все бездомные собаки, бегавшие по городу, усаживались перед домом Сметсе и, подняв морды кверху, вдыхали этот запах в ожидании куска. Приходили сюда и нищие, которых в Генте было великое множество. Нищие гнали собак прочь, и порой происходили такие побоища, что иные выходили из них жестоко искоусанными. Тогда жена Сметсе и ее подружки стали по воскресеньям выносить перед обедом из дома корзины полные снеди и оделять из тех корзин всех нищих свежим хлебом, мясом, да еще давали по два патара на выпивку и при этом говорили ласковые и приветливые слова. А затем женщины просили бедняков покинуть набережную, что те и делали, соблюдая порядок. Но собаки оставались: после трапезы им тоже перепало, и они убегали, унося с собой кость или иную добычу.

Сметсе и его жена возлюбили всем сердцем несчастных бедняков и бездомных собак. Бедняки находили у них приют и пищу, как и хромые, больные и покалеченные псы, скитавшиеся без крова по Генту, так что дом Сметсе был назван Госпиталем для Собак и Домом Нищих.

И все-таки Сметсе был невесел: он думал о семи годах.

Измученный этими мыслями, Сметсе уже больше не пел; он потерял свой жирок, худел на глазах, стал грустить и задумываться и в кузнице говорил лишь то, что необходимо для работы.

И его уже звали не Сметсе веселым, а Сметсе богатым.

И он считал оставшиеся ему дни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О том, как к дому Сметсе подошел путник в лохмотьях и подъехала на ослике милая женщина с прелестным младенчиком на руках.

Однажды, на двести сорок пятый день седьмого года, в пору цветения слив, Сметсе в молчании предавался полдневному отдыху. Он сидел на деревянной скамье у дверей своего дома и печально глядел на тенистые деревья, тянувшиеся вдоль набережной, на пташек, которые то порхали по веткам, то дрались меж собой и клевали друг дружку из-за скудной добычи, на ясное солнышко, веселившее пташек; он слушал, как славно шумит кузница у него за спиной, как

жена готовит на кухне к обеду жаркое, как спешат подмастерья уйти подкрепиться, ибо уже наступил обеденный час. И Сметсе говорил себе, что в аду он не увидит ни солнца, ни пташек, ни яркой зеленой листвы, не услышит, как шумит его кузница, как спешат уйти подмастерья, как жена готовит на кухне жаркое.

Подмастерья вскоре ушли, а Сметсе по-прежнему сидел один на скамье, размышляя о том, как ускользнуть от дьявола.

Вдруг у его дверей остановился человек, очень бедный на вид. Волосы и борода у него были каштановые, одежда — городская, но вся в лохмотьях, в руке — толстая палка. Он шагал рядом с осликом, ведя его в поводу. На ослике сидела красивая молодая женщина с милым лицом и благородной осанкой и кормила грудью голого младенчика, у которого было такое кроткое и прелестное личико, что у Сметсе стало легче на душе, едва он взглянул на него.

Осел остановился у дверей кузницы и отчаянно заревел.

— Любезный кузнец, — сказал путник, — погляди на нашего ослика: он потерял по дороге подкову. Не соизволишь ли ты приказать, чтобы его подковали?

— Я сам этим займусь, — отвечал Сметсе, — сейчас в кузнице никого нет, кроме меня.

— Я должен предупредить тебя, что мы бедны.

— Не тревожься об этом. Я настолько богат, что могу даром подковать серебряными подковами всех ослов Фландрии.

При этих словах женщина сошла с ослика и спросила у Сметсе, можно ли ей присесть на скамейке.

— Милости прошу, — сказал он.

Пока кузнец привязывал ослика, обтесывал копыта и прибывал подкову, он расспрашивал путника:

— И откуда же ты идешь с этой женщиной и с осликом?

— Мы идем из дальней стороны, и впереди у нас еще долгий путь.

— А разве вашему ребенку не холодно, — спросил Сметсе, — ведь он совсем голенький?

— Нисколько, — возразил путник, — ибо он — сама жизнь и само тепло.

— Да, конечно, — согласился Сметсе, — вы это верно говорите о детях, сударь! Но что же вы пьете и едите в пути?

— Пьем воду из ручьев и едим хлеб, когда нам подадут.

— Не больно-то много вам подадут, — засмеялся Сметсе, — корзины на вашем ослике совсем легкие, как я вижу! И частенько бывает вам голодно?

— Да, частенько, — отвечал путник.

— Вот это мне уж не нравится, — сказал Сметсе, — кормящей матери очень нездорово голодать: молоко у нее становится кислое, а ребенок растет хилым.

И он кликнул жену:

— Женушка, принеси сюда столько хлеба и окороков, сколько войдет в эти корзины. Не забудь еще *брэйнбира*: для бедных странников

это божественное подкрепление в пути. И добрый гарнир овса для ослика!

Когда корзины были наполнены, а ослик подкован, путник сказал Сметсе:

— Кузнец, я хочу наградить тебя за твою доброту, ибо — каким бы я тебе ни казался, — я наделен большой властью.

— О да, — усмехнулся кузнец, — я это вижу.

— Я Иосиф, — продолжал путник, — названный муж пресвятой девы Марии, которая сидит вот тут, на этой скамейке, а ребенок у нее на руках — Иисус, твой спаситель!

Пораженный этими словами, Сметсе в страшном смятении глянул на странников и увидел огненный венец над головою мужчины, звездную корону на челе женщины и чудесные лучи, ярче солнца, вокруг главы ребенка, озарявшие ее своим сиянием.

Кузнец упал к их ногам и сказал:

— Господи Иисусе, пресвятая дева и святой Иосиф, простите меня за то, что я усомнился в вас!

На это святой Иосиф ответил:

— Сметсе, ты славный малый и к тому же добр. За это разрешаю тебе высказать три самых больших твоих желания. Иисус Христос их исполнит.

Услышав это, Сметсе очень обрадовался: он подумал, что, может быть, спасется таким образом от дьявола, но все же не посмел признаться, что продал ему свою душу.

С минуту он помолчал, раздумывая, о чем попросить, потом почтительнейше сказал:

— Господи Иисусе, пресвятая богородица и ты, святой Иосиф, не будет ли вам угодно войти в мой дом? Там я смогу высказать вам три моих желания.

— Да, нам так будет угодно! — отвечал святой Иосиф.

— Желушка, — крикнул Сметсе, — иди сюда, постереги ослика этих господ.

И Сметсе пошел впереди, подметая веником пол, дабы его гости не запылили своих подошв.

И он повел их в свой сад; там стояло прекрасное сливовое дерево в цвету.

— Монсеньор, сеньора и сеньор, — сказал Сметсе, — не будет ли вам угодно, чтобы тот, кто взберется на это дерево, не смог спуститься с него без моего на то дозволения?

— Да, нам так будет угодно, — отвечал святой Иосиф.

Потом Сметсе повел их на кухню; там стояло большое, красивое и очень дорогое кресло из тяжелого дерева, с мягким сиденьем.

— Монсеньор, сеньора и сеньор, — сказал Сметсе, — не будет ли вам угодно, чтобы тот, кто усядется в это кресло, не смог подняться с него без моего на то дозволения?

— Да, нам так будет угодно! — отвечал святой Иосиф.

Потом Сметсе пошел за мешком; показав его, он сказал:

— Монсеньор, сеньора и сеньор, не будет ли вам угодно, чтобы каждый — будь то человек, или дьявол, и какого бы роста он ни был —

смог влезть в этот мешок, но не смог вылезть из него без моего на то дозволения?

— Да, нам так будет угодно! — отвечал святой Иосиф.

— Монсеньор, сеньора и сеньор, — сказал Сметсе, — примите мою благодарность, я уже высказал три моих желания, и мне нечего больше желать, — разве лишь попросить вашего благословения.

— Охотно, — отвечал святой Иосиф.

И он благословил Сметсе. И святое семейство удалилось.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, как Сметсе хранил свою тайну.

Жена Сметсе не слыхала ни слова из разговора небесных странников с ее мужем и была очень удивлена тем, как ведет себя с ними славный кузнец. Но еще больше подивилась она, когда после ухода всемогущих сеньоров Сметсе залился вдруг хохотом, потер себе руки, подбежал к ней, похлопал ее по животу, повертел из стороны в сторону и воскликнул ликуя:

— Очень может статься, что не буду я гореть в огне, не буду кипеть в смоле и меня не съедят. Тебя это разве не радует?

— Ах, я не понимаю, что ты плетешь, муженек? Уж не спятил ли ты?

— Жена, — сказал Сметсе, — не закатывай так жалостно глаза! Сейчас не время грустить.

Разве ты не видишь, что мне стало легко на душе? У меня с плеч скатился камень потяжелее дозорной башни: я говорю о башне с драконом, таким же, как в Брюгге. Ты только послушай: меня не съедят! Клянусь Артевелде! Как подумаю, так ноги у меня от радости сами пускаются в пляс. Вот и пляшу! А тебе разве неохота со мной поплясать? Фу, плакса, пригорюнилась, когда муж ее веселится! Жена, поцелуй меня, душенька, за то, что мне proficiat *. Ты должна меня поцеловать, ведь теперь у меня не отчаяние в сердце, а добрая, светлая, прочная надежда. Они собирались меня приготовить под разными соусами и вволю полакомиться моим мясом. А я их перехитрю! Ну так давай же попляшем с тобой!

— Ах, Сметсе, ты бы прочистил желудок, — посоветовала жена, — говорят, это помогает от сумасшествия.

— Жена, слова твои безрассудны, — молвил кузнец и ласково потрепал ее по плечу.

— Ишь какой ученый нашелся, учит меня уму-разуму! Но за кого же считать тебя, Сметсе, за умного или безумного, после того, как ты ломал шапку перед этими нищими, что пришли к нам в дом напустить вшей? заставил меня, свою жену, сторожить их осла, набил их корзины нашими лучшими хлебами, окороками, *брёйнбииром*, стал перед ними на колени, испрашивая у них благословения, и вообще обращался с ними, словно с эрцгерцогами какими,

* повезло (лат.).

называя их монсеньором, сеньором и сеньорой!

Сметсе тут догадался, что святые странники пожелали открыться только ему.

— Жена, — сказал он, — не спрашивай меня больше, я не могу рассказать о тайне, понять которую тебе не дано.

— Ах, — воскликнула она, — это ведь почище сумасшествия: тут оказывается еще и тайна какая-то! Нехорошо, Сметсе, что ты скрывается со мной! Я всегда была тебе верной женой, соблюдала твою честь, берегла твое добро, никому не давала денег взаймы и сама не брала, с соседками не болтала лишнего, хранила твои тайны, как свои, ни словом о них не проговаривалась.

— Я это знаю, — сказал Сметсе, — ты всегда была мне верной, хорошей женой.

— Ну, а если ты это знаешь, — спросила она, — почему не доверяешь мне? Ах, муженек, до чего мне это обидно! Ну открой мне свою тайну, я не выдам ее, можешь мне поверить!

— Жена, — сказал он, — если ничего не будешь знать, тебе легче будет молчать.

— Сметсе, — спросила она, — неужто ты мне так ничего и не скажешь?

— Не могу, — отвечал он.

— Горе мне! — заплакала она.

Тем временем вернулись подмастерья, и Сметсе каждому дал по золотому на выпивку. Они так обрадовались своему богатству, что три дня не показывали в кузницу носа, и все вместе — за исключением одного старичка, такого дряхлого, изможденного, что он еле дышал

и с трудом волочил ноги, — отправились купаться в реке Лис, лежали на берегу в высокой траве, грели брюхо на солнышке, потом плясали на лужке под звуки скрипок, волюнок и свирелей, а вечером в кабачке опрокидывали стаканчики и осушали кувшины.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О кровавом советнике.

И вот настал день, когда добрый кузнец должен был вручить свою душу дьяволу, ибо седьмой год был на исходе и уже поспевали сливы.

Начинало темнеть, и лишь несколько подмастерьев еще оставались у Сметсе, заканчивая к вечеру отделку монастырской решетки, заказанной братьями-францисканцами. Тут в кузницу вдруг вошел премерзкий бродяга с веревкой на шее. Волосы были у него грязновато-белые, рот — разинут, язык — высунут. В своей грубой холщевой блузе он походил на слугу обедневшего барина.

Бродяга этот неслышно подкрался к Сметсе и, положив руку ему на плечо, спросил:

— Собрался ли ты в дорогу, Сметсе?

Услышав эти слова, кузнец оглянулся:

— Собрался ли я в дорогу? а тебе что за дело, выщипанная борода?

— Сметсе, — грозно вскричал незнакомец, — ты уже не помнишь, что снова разбогател, не

помнишь, кто тебе сделал столько добра? не помнишь о черной грамоте?

— Да, конечно, — сказал Сметсе, почтительно снимая шапку, — я все помню, но простите меня, мессир, я не сразу признал вашу приятную физиономию. Не соизволите ли пройти ко мне на кухню, отведать кусочек жирной ветчины, осушить кружечку доброго *брёйнбиира*, выпить бутылочку винца? Времени у нас еще достаточно: семь лет еще не истекли, осталось два часа.

— Ты правду говоришь, — ответил дьявол, — пойдем же к тебе на кухню!

И они пошли на кухню и сели за стол.

Жена кузнеца очень удивилась, увидев их, но муж ей сказал:

— Принеси нам вина, *брёйнбиира*, ветчины, колбасы, пирогов, хлеба и сыра — всего самого лучшего, что есть у нас в доме.

— Сметсе, ты дурно распоряжаешься добром, какое тебе даровал господь бог! — ответила она. — Похвально помогать беднякам, но не следует одним давать больше, чем другим. Гёз есть гёз, — все они одинаковы.

— Гёз! — воскликнул дьявол, — я не гёз и никогда им не был. Смерть гёзам! На виселицу гёзов! *

— Мессир, — сказал Сметсе, — не извольте гневаться на нее: ведь она вас не знает. Жена! погляди со вниманием — больше того — с почте-

* Здесь игра слов: жена кузнеца хотела сказать «нищий есть нищий». По-французски слово «гёз» (*gueux*) звучит так же, как «нищий» (*gueux*).

нием на нашего гостя, и ты сможешь потом рассказывать своим кумушкам, что тебе довелось увидеть мессира Якоба Гессельса¹, величайшего губителя еретиков, когда-либо жившего на земле. Ах жена! он им спуску не давал и столько велел перевешать, сжечь на костре и казнить прочими способами, что мог бы уже сто раз утонуть в крови замученных им людей. Ну иди, жена, иди и принеси ему поесть и попить!

Жена Сметсе ушла, потом вернулась и накрыла на стол.

Меж тем как дьявол обжирался, Сметсе завел с ним разговор:

— Да, мессир, я вас тотчас узнал по вашему несравненному возгласу: «На виселицу гёзов!» Да вот еще по этой веревке, которая столь вероломно сократила ваши дни. Ибо господь наш сказал: «Кто возлюбил веревку, тот от веревки и погибнет!» А мессир Рёхове поступил с вами не по-хорошему, не по-благородному, ибо лишил вас не только жизни, но и бороды², которая была так красива! Ах, как подло обошлись с таким мудрым советником, каким были вы в те времена, когда спокойно и мирно дремали в Кровавом совете, — я хотел выразиться почтительнее: в совете по делам о беспорядках, — и просыпались лишь затем, чтобы выкрикнуть: «на виселицу!»³ — и потом снова заснуть.

— Да, — вздохнул дьявол, — то было славное времечко!

— Действительно, мессир, для вас это было время могущества и богатства! О, мы вам мно-

гим обязаны: десятинным налогом, о котором вы шепнули на ушко императору Карлу, а также приказом, начертанным вашей прекрасной рукой на арест графов Эгмонта и Горна⁴, и еще более двух тысяч человек, погибших по вашей вине от огня, меча и веревки.

— Я точно не знаю, сколько их было, — сказал дьявол, — но много. Подай, Сметсе, еще колбасы. Хороша у тебя колбаска!

— Ах, она недостаточно хороша для вашей милости! Но вы совсем не пьете! Выпейте еще кружечку крепкого пива!

— Кузнец, пиво у тебя отменное, но я пил еще лучшее в трактире у Пёркина в тот день, когда на базарной площади сожгли на костре пять девчонок-реформаток зараз. То пиво больше пенилось. И вот, когда мы его пили, мы слушали, как эти девчонки пели псалмы в огне. Здорово мы выпили в тот денек! Но посуди сам, Сметсе, как испорчены были эти девки, столь еще юные и столь закоснелые в своих прегрешениях! Они пели молитвы, не проронив ни единой жалобы, улыбались в огне и еретически призывали бога. Налей-ка мне еще, Сметсе!

— Как же это так? — подивился Сметсе. — Ведь король Филипп потребовал, чтобы вас в Риме причислили к лику святых за вашу верную службу Испании и папе. — Почему же вы не в раю, мессир?

— Увы! — воскликнул дьявол. — Моих прежних заслуг не признали. Изменники-реформаты находятся подле бога, а я горю в геене огненной

на самом дне ада. И там, не зная ни отдыха, ни срока, я должен петь псалмы еретиков. Ох, какое это тяжкое наказание, какие невыносимые муки! Эти песни стоят у меня поперек горла, клокочут у меня в груди и раздирают мои внутренности, словно дикобразы с железными иглами. При каждом звуке у меня открывается новая рана, кровоточащая рана; так мне суждено петь всегда, до скончания веков.

Сметсе, потрясенный рассказом о том, как тяжело господь покарал Якоба Гессельса, сказал ему:

— Пейте, мессир, *брёйнбиир* — целительный бальзам для больной глотки.

Вдруг зазвонил колокол.

— Сметсе, — сказал дьявол, — идем, час наступил!

Но добрый кузнец, ничего не ответив, вздохнул.

— Что тебя печалит? — спросил дьявол.

— Ах, меня печалит, что вы так торопитесь, — отвечал Сметсе. — Неужто я вас так дурно принял, что вы не позволите мне обнять на прощание жену и моих славных подмастерьев, а заодно и поглядеть на мое чудное сливовое дерево, на котором растут такие сочные плоды? Ах, как бы я хотел хоть чуточку освежить ими свое горло прежде, чем уйти туда, где все мучаются вечною жаждой!

— Только не вздумай ускользнуть от меня, — сказал дьявол.

— И не собираюсь, сеньор! Прошу вас покорнейше, следуйте за мной!

— Идем, — сказал дьявол, — но не надолго. В саду Сметсе снова начал вздыхать:

— Вот и мои сливы, сеньор! Не позволите ли вы мне влезть на дерево, чтобы досыта ими наесться?

— Влезай, — разрешил дьявол.

Усевшись на дереве, Сметсе стал с жадностью уплетать сливы и, громко причмокивая, высасывать из них сок.

— Что за райские сливы! — восклицал он. — Сливы, достойные истинного христианина, до чего же они крупны! Царские сливы, вы могли бы освежить глотки сотен чертей, которые жарятся в адском огне! Лакомые сливы, благодатные сливы, вы изгнали жажду из моего горла! Любезные сливы, милые сливы, вы прогнали черную тоску из моего желудка! Свежие сливы, сахаристые сливы, вы наполнили мою кровь бесконечною сладостью! Ах, сочные сливы, веселящие сливы, волшебные сливы, как бы я хотел всегда вас сосать!

И так приговаривая, Сметсе беспрестанно срывал и ел сливы, высасывая из них сок.

— Жадина, — сказал дьявол, — от твоих слов у меня слюнки во рту потекли! Ну что бы тебе стоило сбросить мне парочку твоих чудесных слив!

— Увы, мессир, я не могу это сделать. Они так нежны, что от них ничего не останется, если сбросить их наземь. Но если вам будет угодно взобраться на дерево, вы получите большое удовольствие.

— Ладно, — сказал дьявол.

Когда он поудобнее расположился на крепком суку и начал спокойно лакомиться сливами, Сметсе потихоньку спустился вниз, схватил палку, лежавшую в траве, и давай что есть силы дубасить своего гостя.

Почувяв удары, дьявол хотел прыгнуть на кузнеца, но не тут-то было: кожа на его задку прочно пристала к суку. И он шипел, брызгал слюною со злости, скрежетал зубами от ярости, да и от боли тоже.

А Сметсе тем временем колотил его, бил палкой куда ни попало, содрал с него кожу до самых костей, разорвал на нем блузу и, радуясь, надавал ему таких крепких, здоровых тумаков, каких никто еще до того не получал во Фландрии.

И при этом он спрашивал:

— Что же вы и словечком не обмолвитесь о моих сливах? А ведь они хороши!

— Ух! — взревел Гессельс. — Будь я только свободен!

— О да! будь вы только свободны! — подхватил Сметсе. — Вы бы тотчас вручили меня добродушному палачу, одному из ваших милых дружков, и он бы совершенно свободно разрезал меня на куски, словно какой-нибудь окорок, соблюдая при этом все ваши мудрые правила, — ведь вы, сдается мне, были великим мастером по части пыток. Ну, а вот такая пытка — палкою — не беспокоит ли вас? О да! будь вы только свободны! Вы бы вздернули меня на священную виселицу, и я бы болтался в воздухе у всех на глазах, а дядюшка Гессельс тем временем бы

хохотал во все горло. Уж он бы отомстил мне за то, что я так свободно его колочу! Ибо нет на свете ничего свободнее, нежели свободная палка, которая свободно гуляет по спине несвободного советника. О да, будь вы только свободны! Вы бы освободили мое тело от головы, как вы это с превеликой охотой проделали с графами Эгмонтом и Горном. О да! будь вы только свободны! Сметсе тогда бы, конечно, свободно поджаривался на медленном огне, как те бедные девочки-реформатки. И Сметсе, как и они, тоже бы славил от всей своей свободной души бога свободно верующих и свободу совести, что сильнее и жарче огня, а дядюшка Гессельс в это время попивал бы пиво, говоря, что оно хорошо пенится.

— Ах, — простонал дьявол, — и зачем ты меня бьешь так нещадно, без всякого сострадания к моим сединам?

— А затем, что твои седины — это шкура лютого тигра, опустошителя нашей страны; затем, что мне любо тесать тебя дубинкой, а также затем, чтобы ты дал мне прожить еще семь лет на этом свете, где мне неплохо живется, если хочешь знать.

— Семь лет! — воскликнул дьявол. — И думать не смей! Лучше я изойду кровью под твоей палкой.

— Ха-ха-ха, я отлично вижу, — засмеялся Сметсе, — твоя шкура жаждет колотушек. Конечно, они недурны. Но все же и самая вкусная пища не идет впрок тому, кто не знает меры. Итак, когда с вас будет довольно, благоволи-

сказать мне! Я перестану вас угощать, но за это мне нужно получить мои семь лет.

— *Никогда!* — и Гессельс, подняв нос кверху, как собака, когда она воеет, закричал:

— *Эй, бесы! Все на помощь ко мне!*

И его надтреснутый голос прозвучал так резко и страшно, — будто сотни труб затрубили, — что со всех сторон сбежались подмастерья.

— Вы недостаточно громко кричите, — сказал Сметсе, — я помогу вам.

И он принялся бить дьявола еще крепче, и тот завопил еще громче.

— Поглядите, — сказал Сметсе, — как хорошо моя палка выучила петь славного соловушку, который сидит на моей сливе. Это он поет *лид* любви, призывая свою милую. Она скоро придет, мессир; но, пожалуйста, подождите ее внизу: вечерняя роса, говорят, вредна наверху по причине колотушек.

— *Бас*, уж не мессир ли это Якоб Гессельс, кровавый советник, влез на твое дерево? — спросили подмастерья.

— Да, ребята, — отвечал Сметсе, — это он, своей собственной персоной. Сей почтенный человек и теперь хочет влезть повыше, как он стремился к этому всю свою жизнь. Вот он и кончил жизнь в воздухе, показывая прохожим язык. Ибо то, что исходит от виселицы, к виселице возвращается, и веревке подобает вернуть то, что ей принадлежит. Так сказано в Писании.

— *Бас*, не помочь ли тебе спустить его вниз? — спросили подмастерья.

— Помогите! — отвечал кузнец.

И подмастерья пошли в кузницу.

Дьявол меж тем, не говоря ни слова, пытался оторвать свой зад от сука. Он метался, бесновался, то так, то этак извивался, упираясь в дерево ногами, руками, головой, но все тщетно.

А Сметсе, не переставая его вволю тузить, говорил:

— Мессир советник, вы держитесь крепко на своем троне, как я полагаю; но я хочу снять вас оттуда, снять незамедлительно, ибо если я этого не сделаю, продолжая вас изо всех сил колотить, вы, чего доброго, вырвете мою сливу с корнями, и люди увидят, как вы разгуливаете повсюду, волоча за собой дерево на вашей заднице, словно хвост, а это было бы жалкое и смешотворное зрелище, недостойное столь благородного дьявола, как вы. Дайте-ка лучше мне мой семь лет!

— Бас, — сказали подмастерья, возвратившись из кузницы с железными брусьями и молотами, — вот мы и здесь, в полном твоём распоряжении. Что надо нам делать?

— Раз я его уже причесал дубинкой, — сказал Сметсе, — остается лишь вычесать вшей из его головы при помощи брусьев и молотов.

— Смилуйся, Сметсе, смилуйся! — закричал дьявол. — Железные брусья и молоты, это уж чересчур! На, получай свои семь лет, кузнец!

— Поторопись написать расписку!

— Вот она, — сказал дьявол.

Кузнец взял расписку, убедился, что она составлена правильно, и сказал:

— Мне угодно, чтобы ты слез с дерева.

Но дьявол так ослабел от побоев, что не смог спрыгнуть с дерева, а просто грохнулся навзничь. Он ушел, прихрамывая и, погрозив Сметсе кулаком, сказал:

— Жду тебя в аду через семь лет, кузнец!

— Жди! — отвечал Сметсе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О добрых словах, с какими подмастерья обратились к Сметсе.

Когда дьявол скрылся и Сметсе посмотрел на своих подмастерьев, он заметил, что они переглядываются и перешептываются, и вид у них смущенный, словно они хотят что-то сказать, да не смеют.

И Сметсе подумал: «Уж не собираются ли они донести на меня священнику?»

Тут Флипке по прозвищу Медведь подошел к нему:

— Бас, — сказал он, — мы хорошо знаем, что призрак Гессельса подослан к тебе тем, кто правит преисподней. Ты заключил договор с дьяволом и от него получил богатство, мы это давно подозревали. Но, чтобы с тобой не случилось худого, мы никому в городе об этом не говорили, будем молчать и впредь. Мы хотели сказать тебе это, чтобы ты был спокоен. А теперь, бас, доброй ночи и приятного сна!

— Спасибо, ребята, — сказал Сметсе, тронутый до глубины души.

И подмастерья ушли.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О том, как Сметсе, желая сохранить свою тайну, скрывал ее от своей доброй жены.

Войдя на кухню, кузнец застал там жену на коленях перед распятием. Она била себя в грудь, плакала, вздыхала и, рыдая, говорила:

— Господи, владыка наш, Иисусе Христе! Договор с дьяволом он заключил без моего согласия, поверь мне! И ты, пресвятая мать божья, и вы, святые угодники, тоже! Ах, как я страдаю, но не за себя, а за моего бедного мужа, который продал душу дьяволу ради презренного золота. О горе! он продал свою душу! Блаженные и приснославные святые угодники! молитесь за него милостивому господу и прошу вас, не забудьте, что ежели я, как смею надеяться, приму свой конец по-христиански и попаду в рай, я ведь там одна буду есть серебряной ложечкой пирог с рисом, а бедный мой муж будет гореть в геене огненной и криком кричать, мучась голодом и жаждой, и я не смогу ему дать ни попить, ни поесть... Я буду так несчастна! О святые угодники, пресвятая дева Мария, господи Иисусе, ведь он согрешил только один-единственный раз, а до этого всю свою жизнь был добрым человеком, добрым

христианином, помогал бедным и сердце у него было мягкое. Спасите его от вечного огня и не разлучайте на том свете тех, кто так долго были неразлучны на земле. Молитесь за него! молитесь и за меня, горемычную!

— Жена, ты очень горюешь? — спросил Сметсе.

— Ах, негодный ты человек, я теперь все уже знаю! Это адское пламя зажглось у нас в доме, когда шар раскололся и в кузнице вспыхнул огонь; а булочники, пивовары, виноторговцы — все это были черти; и тот урод, который показал тебе клад, а мне влепил страшную пощечину, тоже был черт. Кто теперь не побоится жить в нашем доме? Горе! от дьявола наша еда; от дьявола наше питье; от дьявола наши сыры, мясо, хлеб; от дьявола наши деньги, наш дом — все, все от него. И если кому вздумается рыть землю под нашим домом, на него сразу так и полыхнет адским пламенем. Все они здесь, я их вижу: они наверху и внизу, справа и слева, они ощерились, словно тигры, и подстерегают свою добычу. Ах, каково мне будет глядеть, когда на глазах у меня черти растерзают в клочки моего бедного мужа! А это будет через семь лет, ведь он сам сказал, я хорошо слышала: он вернется сюда через семь лет.

— Не плачь, жена, — сказал Сметсе, — через семь лет я одолею его, как одолел сегодня!

— А что бы ты сделал, бедняга, если бы он не захотел влезть на дерево? И попадетсЯ ли он еще раз, как сегодня, в твою ловушку?

— Жена, — сказал Сметсе, — он попадетсЯ

непременно, ибо ловушка эта от бога, а все, что ниспослано богом, всегда дает силу против дьявола.

— А ты не врешь? — спросила она. — Может расскажешь мне, какая еще там заготовлена у тебя ловушка?

— Не могу, у чертей тонкий слух и, как бы тихо я ни говорил, они услышат все, что я тебе скажу; а тогда пощады не жди: разом утащат меня в ад.

— Вот этого я совсем не хочу, — отвечала она, — хоть мне и несладко с тобою живется: ничего-то никогда я не знаю, словно чужая в доме. Но, по-моему, все-таки лучше муж-молчун, но спасенный, чем муж-говорун, но осужденный.

— Вот это разумные речи, жена!

— Я всякий день буду молиться о твоём спасении и закажу для тебя мессу в Сен-Бавонском аббатстве.

— Но ведь ты заплатишь за эту мессу деньгами дьявола, — возразил Сметсе.

— Не беспокойся, — отвечала она, — едва эти деньги попадут в церковный сундук, они сразу станут освященными.

— Ну, поступай, как знаешь, жена!

— Господу нашему Иисусу я каждый день буду ставить толстую свечу и пресвятой деве Марии тоже!

— Не забудь и святого Иосифа, — добавил Сметсе, — мы ему многим обязаны.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О кровавом герцоге.

Между тем исполнились сроки и подошел к концу седьмой год. В последний вечер этого года на порог дома Сметсе ступил неизвестный человек, с виду испанец. У него было мрачное и надменное лицо: тяжелый неподвижный взгляд, ястребиный нос, длинная, остrokонечная седая борода. На нем были позолоченные латы весьма тонкой, искусной работы, грудь его была украшена прославленным орденом Золотого руна¹, стан опоясан красивым алым шарфом. Лево́й рукой он опирался на эфес шпаги, а в право́й — держал договор сроком на семь лет и жезл командора.

Войдя в кузницу, он направился прямо к Сметсе, высоко вскинув голову и не удостоив взглядом никого из подмастерьев.

Кузнец сидел в углу и раздумывал, как уговорить дьявола сесть в кресло, когда он появится. Вдруг Флипке приблизился к Сметсе и тихонько шепнул:

— Бас, кровавый герцог здесь. Берегись!

— Плохо мое дело! — сказал себе Сметсе, — вот и конец мне! Альба² пришел увести меня в ад.

Меж тем дьявол, не говоря ни слова, взял кузнеца за руку и показал ему договор.

— Монсеньор, — жалобно сказал Сметсе, — куда вы хотите меня увести? В ад? Что ж, я последую за вами. Повиноваться столь благо-

родному дьяволу, как вы, великая честь для меня, маленького человека. Но разве уже пришло время отправиться в путь? Я этого не думаю, а вы, ваша светлость, всегда честно соблюдаете правила и не пожелаете увести меня раньше, чем указано в договоре. А пока что, благоволите присесть! Флипке, подай монсьёру кресло, — самое лучшее в моем убогом жилище, — то широкое покойное кресло, что стоит на кухне рядом с ларем у камина, под изображением святого Иосифа! Хорошенько обмети кресло, малый, на нем не должно быть ни пылинки! Да не мешкай, ведь благородный герцог стоит.

Флипке побежал на кухню и тотчас вернулся назад.

— Бас, — сказал он, — одному мне не под силу принести это кресло, уж очень оно тяжелое.

Сметсе сделал вид, что рассердился, и крикнул подмастерьям:

— Оглохли вы, что ли? Он не может один принести это кресло. Ступайте же помогите ему и, если понадобится десять человек, пусть все десять и пойдут! Да поживее! Фу, невежи! Неужто не видите, что благородный герцог стоит?

Девять подмастерьев с трудом притащили кресло в кузницу, и Сметсе приказал:

— Пододвиньте кресло монсьёру! А не осталось ли на нем пыли? Клянусь Артевелде! Вот это местечко они не вытерли. Я сам его вытру. Вот теперь кресло чистое, как стеклышко! Благоволите присесть, ваша светлость!

Дьявол сел в кресло и с гордым и презрительным видом огляделся вокруг. Кузнец вдруг упал перед ним на колени и, усмехаясь, сказал:

— Господин мой герцог! Взгляните на ничтожнейшего из ваших слуг, бедного малого, который живет как подобает христианину, служит господу, почитает своих государей и хотел бы, коли будет на то ваша высочайшая воля, прожить таким же порядком еще семь лет!

— Ни минуты не получишь, — отвечал дьявол, — идем, фламандец, идем!

И хотел встать с кресла, но не тут-то было. Он изо всех сил рванулся, из кожи лез вон, чтобы подняться, а добрый кузнец весело приговаривал:

— Ваша светлость желает подняться? Ах, еще рано! Повремените немного, ваша светлость, вы еще не отдохнули после долгого странствия. А оно, смею сказать, было долгим, ведь от преисподней до моей кузницы добрых сто лье, а это длинный путь для столь знатных ног, да идти-то пришлось по пыли! Ах монсеньор, отдохните маленько в этом удобном кресле, ну а если уж вам не терпится поскорей покинуть мой дом, подарите мне еще семь лет, и я дам вам за это свободу и полную бутылку испанского вина.

— Плевал я на твое вино!

— Бас, — вмешался Флипке, — угости его кровью! Это ему по вкусу.

— Парень, тебе же известно, что мы не держим в наших погребах крови, — возразил Сметсе. — Этот напиток во Фландрии не по-

требляют, мы предоставляем его испанцам. Итак, прошу извинить меня, ваша светлость! Но мне сдается, что вы жаждете не столько крови, сколько тумаков, и уж я распотешу вашу душеньку, раз не хотите подарить мне еще семь лет.

— Кузнец, неужели ты осмелишься поднять на меня руку? — спросил дьявол, глядя на Сметсе с великим презрением.

— Осмелюсь, монсеньор! — отвечал славный кузнец. — Вы желаете моей смерти, а я забочусь о своей шкуре и имею на то основание, ибо она всегда мне верно служила, и ее от меня не оторвешь. Разве не преступлением было бы так вот сразу и разрушить нашу неразрывную дружбу? Да к тому же вы хотите утащить меня в ад, а там такой смрад стоит от всех проклятых грешников, что жарятся на вечном огне! Уж лучше мне семь лет подряд дубасить вашу светлость, чем идти с вами в ад.

— Фламандец, ты говоришь со мной непочтительно!

— Да, монсеньор, — подтвердил Сметсе, — зато колотить я вас буду предпочтительно.

И с этими словами он с такой страшной силой стукнул дьявола кулаком по зубам, что тот оцепенел от гнева, но пуще всего — от изумления; так изумился бы могущественный король, если бы на него поднял руку ничтожный слуга. Дьявол хотел было броситься на кузнеца, сжал кулаки, закричал зубами; от бешенства у него из носа, из глаз, изо рта, из ушей хлынула кровь.

— Никак, вы рассердились, монсеньор? — удивился Сметсе. — Но изволите ли видеть, раз вы не желаете внимать моим словам, я с вами вынужден объясняться тумакami. Я стараюсь этим манером вызвать в вас жалость к моей несчастной судьбе. Ах, благоволите обратить внимание, как мой смиренный кулак молит ваши пресветлые очи дать мне семь лет, выпрашивает семь лет у вашего благородного носа, вымаливает семь лет у вашей герцогской челюсти. Разве эти почтительные затрещины не говорят вашим вельможным щекам, как был бы я счастлив, весел и дороден все эти семь лет? Ах, дозвоьте мне убедить вас! Но я вижу, вам нужны иные речи. С вами надо говорить языком каленого железа, наставлять вас языком тисков, умолять вас языком молотов. Ребята, — спросил кузнец подмастерьев, — хотите побеседовать с монсеньором?

— Хотим, бас, — отвечали они.

И вместе со Сметсе они пошли за инструментами. Те подмастерья, что были постарше и потому сильнее кипели гневом, взяли себе самые тяжелые инструменты: некогда по милости герцога они потеряли многих своих родных и друзей, преданных казни огнем и мечом или живыми зарытых в землю.

— С нами бог, — закричали подмастерья, — он отдал врага в наши руки. Бей кровавого герцога, властителя костров, повелителя топоров!

И все — молодые и старые — громовыми голосами прокляли дьявола и, окружив его кресло, занесли над ним брусья и молоты.

Но Сметсе остановил их.

— Если вашей светлости дороги ваши благородные кости, — обратился он к дьяволу, — соизвольте поскорее пожаловать мне еще семь лет. Сейчас не до смеха, как я полагаю.

— Бас, с чего это ты стал таким добрым? — удивились подмастерья. — И зачем ты ведешь такие долгие и почтительные переговоры с этим негодяем? Позволь нам переломать ему все кости, он тотчас же даст тебе семь лет.

— Семь лет, — завопил дьявол, — семь лет! Ни секунды он не получит. Ну так бейте же, гентцы, бейте льва, попавшего в сети! Прежде вы не знали в какую нору забиться, чтобы спастись от него, когда он, свободный, грозил вам своими когтями. Смотрите, фламандские трусы, как презираю я вас и ваши угрозы!

И он плюнул на них.

Тут все брусья, молоты и прочие инструменты мигом обрушились на него, и удары посыпались градом, кроша и ломая его кости и железные латы. А Сметсе и подмастерья, без передышки колотя дьявола, приговаривали:

— Мы были трусы, потому что мы были добры, справедливы, доверчивы, мягкосердечны; а он был храбр, потому что, имея оружие и солдат, убивал слабых и истреблял безоружных.

— Мы были трусы, потому что хотели молиться богу в чистоте наших сердец; а он был храбр, потому что хотел воспрепятствовать этому, призывая себе на помощь железо, огонь и могильные заступы.

— Мы были трусы, потому что любили пошутить и выпить по стаканчику, как люди, которые, исполнив свой долг, уже ни о чем больше не тужат; а он был храбр, этот мрачный герцог, потому что бросал в тюрьмы простых бедняков в самый разгар карнавального праздника и сеял смерть там, где было веселье.

— Были трусы и те восемнадцать тысяч во семьсот человек, что отдали жизнь свою во славу божью; были трусы и несметные толпы других, загубленных во всех концах нашей земли твоею свирепой и наглой солдатней, и таким несть числа; а он был храбр, когда приказывал мучить людей, и еще храбрее, когда бахвалился этим на пирах.

— Мы были трусы: после боя мы с пленными всегда обращались, как с братьями; а он был храбр и после поражения во Фрисландии приказал уничтожить своих же солдат.

— Да, мы были трусы: трудясь неустанно, мы наводняли весь мир изделиями наших рук; он был храбрец: прикрываясь религией, убивал без разбора всех зажиточных людей нашей страны — будь то католики, будь реформаты — и грабежом и поборами выжал из нас тридцать шесть миллионов флоринов. Ведь все в мире сейчас перевернулось: прилежная пчела, которая мед собирает, трусиха; ленивый трутень, который мед похищает, храбрец. Так плюй же, благородный герцог, на фламандских трусов!

Но герцог уже не в силах был ни плевать, ни кашлять: под градом ударов он потерял человечье обличье. Кости, мясо, железные латы —

все перемололось, все смешалось. Однако крови не было видно — вот ведь чудо какое! И когда, утомившись лупить дьявола, подмастерья остановились, чтобы малость передохнуть, из этого месива мяса, костей и железа донесся чуть слышный голос:

— Получай свои семь лет, Сметсе!

— Ладно, монсеньор, выдайте только расписку! — сказал Сметсе.

И дьявол выдал расписку.

— А теперь, ваша светлость, — прибавил Сметсе, — потрудитесь встать!

При этих словах — вот чудеса-то! — дьявол принял свой прежний вид. Он удалился с гордо поднятой головой, но, не соблаговолив взглянуть себе под ноги, споткнулся о молот, лежавший на полу, и позорно грохнулся оземь, носом вниз, чем рассмешил всех подмастерьев. Потом встал и погрозил им кулаком, но они засмеялись еще громче; он заскрежетал зубами и пошел прямо на них, но они ответили ему свистом; он замахнулся шпагой на низкорослого коренастого парня, но тот вырвал у него шпагу и разломал ее на три части; он стукнул кулаком по лицу другого парня, но тот дал ему такого здоровенного пинка, что он выкатился в дверь и растянулся на набережной, задрав ноги кверху.

Взрѣвев от стыда, дьявол тотчас же превратился в багровый пар, подобный испарениям крови. И в ушах подмастерьев зазвучали тысячи веселых, насмешливых голосов:

— Кровавый герцог избит, повелитель топо-

ров опозорен, властитель костров втопан в грязь! Да здравствует Фландрия во веки веков! *Фландерланд тот эуххейд!**

И раздались рукоплескания тысяч людей, и занялся день.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О великой тревоге и глубокой печали жены Сметсе.

Сметсе отправился искать свою жену и нашел ее в кухне на коленях перед изображением святого Иосифа.

— Ну, женка, как показалась тебе его пляска? Не правда ли, было превесело? О, теперь наше жилище будут звать домом избитых дьяволов!

— Да, — покачала жена головой, — а также домом Сметсе, которого дьяволы унесли в ад. Ведь ты попадешь туда, я это знаю, я это чувствую, предчувствие меня не обманывает. Дьявол, который ушел намедни отсюда, был в военных доспехах. Это недоброе предвестие. Он вернется к тебе, но уже не один, а с сотнею тысяч чертей, так же готовых к бою, как и он. Ах, бедный мой муж! они придут сюда с копьями, шпагами, алебардами, пищалями, мушкетами. Они притащат сюда пушки, будут стрелять из них и разнесут в клочья и тебя, и меня, и кузницу, и подмастерьев. Горе нам! Они все срав-

* *Vlaenderland tot eeuwigheid!* (флам.).

няют с землей, и там, где стоит сейчас наша кузница, ничего не останется, кроме горстки ничтожного праха. И когда прохожие взглянут на этот прах, идя по набережной, они скажут: «Здесь покоится дом безумного Сметсе, продавшего душу дьяволу». Я-то после смерти попаду в рай, как я смею надеяться, но ты, муженек!.. Ох, этого горя не высказать словами! Схватят они тебя и потащат сквозь огонь, дым, серу, смолу, кипящее масло туда, в то страшное место, где несут наказание те, кто хотел бы порвать договор с дьяволом, но не получил помощи ни от бога, ни от святых. Бедненький муженек мой, милый мой дружок, знаешь ли ты, что тебе там уготовано? Ох-ох-ох! Тебе уготована такая глубокая бездна, что до дна ее добраться, все равно, что на небо взобраться, а ее поганые стены сплошь утыканы острыми камнями, обломками копий, мечей, алебард — ужас до чего страшных! А какова эта бездна, известно ли тебе, муженек? В эту бездну грешники мчатся денно и ночью, — ты меня понял? — денно и ночью, денно и ночью, и каждый миг рвут их на части острые скалы, кромсают мечи, потрошат алебарды, и так — века и века.

— Жена, ты сама, что ли, видала эту бездну, о которой ты мне толкуешь?

— Видать не видала, но какова она, знаю! Нам ведь часто о ней говорили в Сен-Бавонском аббатстве. Не станет же лгать наш добрый каноник, который там проповедует!

— Ну, конечно, не станет! — согласился Сметсе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

О кровавом короле.

Настал последний вечер седьмого года. Сметсе сидел в своей кузнице и с тревогой глядел на чудодейственный мешок, ломая себе голову, как заставить дьявола в него влезть.

В то время как он предавался своим тягостным мыслям, кузница неожиданно наполнилась отвратительным смрадом и уйма вшей облепила пол, потолок, наковальни, молоты, брусья, мехи, а также Сметсе и подмастерьев, у которых потемнело в глазах, ибо этих вшей было такое великое множество, что всю кузницу будто заволкло облаком, дымом или плотным туманом.

И раздался чей-то скорбный, но повелительный голос:

— Пойдем, Сметсе, семь лет уже истекли!

Сметсе и его помощники оглянулись в ту сторону, откуда послышался голос, и с трудом различили во вшивом тумане человека, который шел им навстречу. На голове у него красовалась королевская корона, на плечах — парчовая мантия. Но под мантией он был совершенно наг, и на груди у него темнели четыре большущих гнойника, соединявшихся в одну рану. Из этой-то раны исходило зловоние, отравлявшее воздух, и с нее-то ползли полчища вшей. На правой ноге был у него пятый гнойник — самый паскудный, самый грязный и вонючий. Лицо у этого человека было белое, волосы каштановые, борода рыжая, губы слегка выпячены, рот

чуть приоткрыт. В его серых глазах можно было прочесть скуку, зависть, коварство, лицемерие, жестокость, лютую злобу.

Подмастерья постарше, взглянув на него, закричали громовым голосом:

— Сметсе, здесь кровавый король, берегись!

— Горлопаны, — воскликнул кузнец, — по-тише! Молчите и благоговейте! Шапки долой перед величайшим королем, какого только видел свет, перед Филиппом Вторым¹, королем Кастилии, Леона и Арагона, графом Фландрским, герцогом Бургундским и Брабантским, пфальцграфом Голландским и Зеландским, славнейшим государем среди славных, величайшим среди великих, победоноснейшим среди победоносных! Государь, — прибавил Сметсе, обращаясь к дьяволу, — вы оказали мне неслыханную честь, явившись сюда, чтобы отвести меня в ад, но я, простой ничтожный кузнец, осмелюсь обратить внимание вашего королевского и пфальцграфского величества на то, что час договора еще не пробил. Посему, буде на то ваше соизволение, я еще проведу на земле тот малый срок, что остался мне жить.

— Согласен, — отвечал дьявол.

Но кузнец, казалось, не мог оторвать от дьявола глаз и с огорченным видом все качал головой, повторяя:

— Ай-ай-ай! вот так мучения! вот беда-то какая! — и при этом глубоко вздыхал.

— Что у тебя болит? — спросил дьявол.

— Ничего не болит, государь, но сердце у меня щемит, когда я погляжу, сколь сурово

покарал вас господь бог, что вы даже в аду хвораете той самой болезнью, от которой скончались! Вот жалость-то какая! Тяжко видеть такого великого государя, каким были вы, и — снедаемого вшами, пожираемого гнойниками!

— Плевал я на твою жалость, — отвечал дьявол.

— Государь, — продолжал Сметсе, — благоволите правильно понять меня. Я не обучался красно говорить, но все же смею сострадать вашим царственным мучениям, тем паче, что сам я болел вашей болезнью, и вы можете, ваше величество, еще и поныне найти ее страшные следы на моей коже.

И, обнажив свою грудь, Сметсе показал дьяволу рубцы от ран, которые ему нанесли предатели-испанцы, когда он сражался против них на море вместе с зelandцами.

— Но мне кажется, что ты совсем излечился, кузнец! — сказал дьявол-король. — Ты вправду был так же болен, как я?

— В точности, государь, — отвечал Сметсе, — я был всего лишь куском гниющего заживо мяса; как и вы, я был вонючим, тухлым, смердящим; завидев меня, все спасались бегством, как и от вас; меня пожирали вши, как и вас; но то, чего не смог сделать для вас знаменитый врач Олиас из Мадрида, сделал для меня простой плотник.

Тут дьявол-король наострил уши.

— А где живет этот плотник и как его зовут?

— Живет он на небе, и зовут его святой Иосиф.

— И этот великий святой совершил чудо и явился тебе?

— Да, государь!

— За какие же добродетели удостоился ты столь редкостной и великой милости?

— Государь, у меня нет никаких добродетелей, достойных какой-либо особой милости; но я страдал, горячо верил, смиренно молился моему благословенному покровителю, святому Иосифу, и он снизошел ко мне и помог.

— Ну, расскажи мне, кузнец, как все это было!

— Государь, — и Сметсе показал на мешок, — поглядите сюда, вот мое лекарство!

— Этот мешок? — удивился дьявол.

— Да, государь! Но благоволите взглянуть со вниманием, из какой ткани сделан этот мешок! Вы разве не видите, что это совсем необычная ткань? Ах, нам, простым смертным, не каждый день доводится видеть такую ткань, — продолжал Сметсе, приходя, казалось, все в больший восторг. — Это ткань не земная, а небесная: ее сработали из конопли, которая произрастает в раю. Святой Иосиф посадил ее вокруг древа жизни, а потом повелел собрать ее и соткать мешковину для мешка под бобы, которые едят ангелы в пост.

— Но как же этот мешок попал к тебе?

— О государь, чудом! Однажды вечером я лежал в постели, язвы причиняли мне невыносимую муку, и каждую минуту мне угрожала

смерть. Я слышал, как рыдает жена, как соседи мои и подмастерья — многие из них и сейчас здесь — читают надо мною отходную. Тело мое терзала боль, душу — отчаяние. И все же я — в который раз! — снова помолился своему благословенному покровителю и дал ему клятву, что если он вызволит меня из беды, я поставлю ему в Сен-Бавонском аббатстве такую огромную свечу, на какую понадобится сала не меньше, чем от двадцати баранов. И молитвы мои были услышаны, государь! Над моей головой в потолке вдруг разверзлась дыра: из нее полился яркий свет, и вся комната наполнилась дивным благоуханием. Из дыры спустился мешок, а за ним — человек в белом одеянии. Человек этот прошел по воздуху до моей постели, сбросил с меня одеяло, мигом сунул меня в мешок и завязал вокруг моей шеи завязки. Ну, слушайте же, какое случилось чудо! едва я попал в небесный мешок, как меня согрело отрадное тепло, язвы мои закрылись, и все вши со страшным треском сразу подохли. А человек в белом, улыбаясь, рассказал мне о ткани, сотканной в раю, о бобах, которые ангелы едят в пост. И закончил свою речь так: «Береги это лекарство! Тебе ниспослал его святой Иосиф. Тот, кто к нему прибегнет, исцелится от любой хвори и спасется на веки вечные, если только не продал свою душу дьяволу». И, сказав это, он исчез. Но добрый вестник не обманул меня: небесным мешком излечил я моего подмастерья Тоона от золотухи, Пира — от лихорадки, Долфа — от цинги, Хендрика — от бронхита и

еще человек двадцать; все они обязаны мне жизнью.

Сметсе умолк, а дьявол-король, видно, крепко задумался. Вдруг он поднял глаза к небу и набожно сложил руки; потом, исступленно крестясь, упал на колени, принялся колотить себя в грудь и начал молиться, жалобно всхлипывая:

— О святой Иосиф, кроткий владыка, блаженный угодник божий, безгрешный супруг непорочной девы Марии! Ты сподобил этого кузнеца исцелиться от хвори, ты спас бы и душу его на веки вечные, не продай он ее дьяволу. Но я, несчастный король, молю тебя, сподоби меня исцелиться и спаси мою душу, как пожелал ты это сделать для кузнеца. Ты ведь знаешь, кроткий владыка, я отдал всю свою жизнь, всего себя, свое достояние и достояние своих подданных делу защиты нашей святой религии; как подобает истому католику, я ненавидел свободу исповедовать иное вероучение, нежели то, что нам предписано; я сражался с этой свободой, рубил людям головы, сжигал их на кострах, закапывал в землю живьем; я уберег от язвы реформатства Брабант, Фландрию, Артуа, Ганнегау, Валансьен, Лилль, Дуэ, Орши, Намюр, Турнэ, Турнэзис, Мехельн и другие подвластные мне провинции. И вот, несмотря на все это, я брошен в адский огонь и беспрестанно терплю невыносимые муки от язв, разъедающих мое тело, и от вшей, пожирающих его. Неужто ты не исцелишь меня, не спасешь мою душу? Ведь это в твоей власти,

Иосиф! О, ты сотворишь чудо для короля-страдальца, как сотворил чудо для кузнеца! Тогда я попаду в рай и буду там славить тебя и превозносить до скончания веков. Спаси меня, святой Иосиф, спаси меня! Аминь!

И дьявол-король, осеняя себя крестом, колотя себя в грудь, бормоча непрерывно «Отче наш», поднялся с колен и сказал:

— Сажай меня в мешок, кузнец!

Что Сметсе ловко и сделал. Он засунул дьявола в мешок, оставив снаружи лишь голову, крепко завязал вокруг шеи веревку и посадил его на наковальню.

Тут все подмастерья захохотали и захопали в ладоши, потешаясь над этим зрелищем.

— Кузнец, эти фламандцы смеются надо мной? — спросил дьявол.

— Да, ваше величество!

— А что они говорят, кузнец?

— Ах, ваше величество, они говорят, что лошади падки на овес, собаки — на печенку, ослы — на чертополох, поросята — на отбросы, форель — на запекшуюся кровь, карпы — на сыр, щуки — на пескарей, а святоши вашей закваски — на рассказы о лжечудесах.

— О предатель-кузнец! — зарычал дьявол и заскрежетал зубами, — он, значит, все призывал имя святого Иосифа, он бессовестно лгал!

— Не спорю, ваше величество!

— И ты посмеешь бить меня, как ты бил Якоба Гессельса и моего верного герцога?

— Даже покрепче еще, ваше величество! Однако вы будете биты, если только того захо-

тите, а если вам будет угодно, то будете свободны. Вернете мне договор — получите свободу, захотите непременно увести меня с собой, — будете биты!

— Вернуть тебе договор? — взвыл дьявол. — Нет уж, по мне лучше тысяча смертей в минуту!

— Ваше королевское величество! — сказал Сметсе, — заклинаю вас, подумайте о своих костях: они, как мне кажется, не слишком-то крепкие. Подумайте, какой чудесный случай представился нам отомстить за нашу бедную Фландрию, залитую кровью по вашей вине. Но мне претит добивать того, на кого уже пал справедливый гнев божий. Итак, сделайте милость, ваше величество, поторопитесь вернуть мне договор, или сейчас же получите изрядную трепку!

— Сделать милость! — закричал дьявол. — Сделать милость фламандцу! Нет, пусть уж лучше провалится Фландрия! Ах, если бы я мог на один только день вернуть себе былое могущество, войска, казну, — Фландрии сразу пришел бы конец! Тогда бы все увидали, как в стране властвует голод, иссушает почву, выпивает из ручьев воду, уничтожает жизнь растений; как последние бедные обитатели обезлюдивших городов бродят, будто призраки, среди мусорных куч и убивают друг друга из-за остатков прогнившей пищи; как стаи голодных собак отрывают от иссохшей материнской груди новорожденных младенцев, чтобы пожрать их; как нищета царит там, где было изобилие; пыль

и пески — где были города; смерть — где была жизнь; воронье — где жили люди. И на этой голой, каменистой, разоренной земле, на этом кладбище я поставил бы черный крест с надписью: «Здесь погребена еретическая Фландрия, растоптанная Филиппом Испанским!»

От бешеной злобы у дьявола забила пена изо рта, но едва он умолк, как на спину его разом обрушились все молоты и брусья, какие были в кузнице. Сметсе и подмастерья по очереди били его и приговаривали:

— Это тебе за то, что ты попрали наши вольности и нарушил наши привилегии, хотя давал клятву их сохранить, ибо ты был клятвopеcтyпникoм.

— Это тебе за то, что когда мы призывали тебя, одним твоим присутствием ты бы остановил самых отчаянных головорезов, но ты не посмел явиться в нашу страну, ибо ты был трусом.

— Это тебе за то, что ты убивал богатых католиков и реформатов и обогащался их имуществом, ибо ты был вором.

— Это тебе за то, что ни в чем неповинного маркиза де Берх-оп-Зоома ты отравил в тюрьме, чтобы овладеть его наследством; это тебе за то, что ты заставил принца д'Асколи жениться на донне Эвфразии, беременной от тебя, чтобы его богатство досталось твоему ублюдку. Принц умер той же смертью, что и многие другие, ибо ты был отравителем человеческой плоти.

— Это тебе за то, что ты подкупал лжесвидетелей и сулил дворянство тому, кто за деньги

убьет принца Вильгельма², ибо ты был отравителем человеческих душ.

И удары сыпались так часто, что корона дьявола свалилась на пол, а тело его, подобно телу герцога, превратилось в месиво из мяса и костей, но тоже — без крови. И подмастерья колотили его и приговаривали:

— Это тебе за то, что ты изобрел гарроту, чтоб задушить Монтиньи³, друга твоего сына, ибо ты был изобретателем новых пыток.

— Это тебе за герцога Альбу, за графов Эгмонта и Горна, за всех наших погибших братьев, за наших купцов, обогативших Германию и Англию, ибо ты был убийцей и разорителем нашей родины.

— Это тебе за твою жену, которую ты вогнал в гроб⁴, ибо ты был супругом, не способным любить.

— Это тебе за твоего бедного сына Карлоса⁵, который умер не своей смертью, ибо ты был бессердечным отцом.

— Это тебе за то, что на доброту, доверчивость и честность нашей страны ты отвечал ненавистью, жестокостью, убийствами, ибо ты был несправедливым королем.

— Это тебе за императора, отца твоего, который своими человеконенавистническими указами и эдиктами положил начало бедствиям нашей страны⁶. Так получай же от нас и за него и скажи, ты еще не надумал вернуть нашему басу договор?

— Надумал, — донесся плачущий голос из

месива мяса и костей, — твоя взяла, Сметсе, ты расквитался со мною, кузнец!

— Отдай мне договор! — сказал Сметсе.

— Развяжи мешок! — отвечал голос.

— Как бы не так, — сказал Сметсе, — я развяжу мешок, а господин Филипп тотчас выскочит из него и потащит меня в ад. О мой любезный, милый дьявол! Ваши уловки вам сейчас не помогут. Итак, осмелюсь умолять ваше величество вернуть мне сначала мой договор: вы можете без особого труда просунуть его между вашей шеей и краем мешка.

— Я этого не сделаю!

— Как будет угодно вашему хитроумному величеству! — отвечал Сметсе. — Нравится вам сидеть в этом мешке, ну и сидите! Я вам не помешаю. У каждого свои капризы. Вот у меня нынче каприз — подержать вас пока в мешке, а потом увезти вас в Мидделбург на Валхерене и с разрешения общины выстроить там на рынке уютную каменную клеть, куда я запрю ваше величество так, чтобы оттуда выглядывала лишь ваша кислая рожа. Вы сможете любоваться, как счастливо, весело и богато живут реформаты; вы получите большое удовольствие, особенно в ярмарочные и базарные дни, когда эти предатели и изменники будут награждать вас оплеухами и не совсем почтительными плевками, да еще палочными ударами. Вдобавок, государь, вы получите несказанное удовольствие, видя, какое множество благочестивых паломников из Брабанта, Фландрии и других земель, которые вы залили кровью, сойдутся

в Мидделбурге, дабы заплатить вашему милостивому величеству старинный долг в звонких палочных червонцах.

— Нет, не соглашусь я на этот позор! — взревел дьявол. — Получай, кузнец, получай свой договор!

Сметсе взял в руки договор и, убедившись, что это тот самый, который он подписал, опустил его в святую воду, и пергамент рассыпался в прах.

Обрадованный кузнец развязал мешок и освободил дьявола, чьи раздробленные кости тотчас срослись. И приняв свое прежнее обличье, он снова стал тощим дьяволом, и на нем снова появились разъедавшие его гнойники и пожиравшие его вши. Он завернулся в свою парчовую мантию и покинул кузницу. Сметсе закричал ему вдогонку: «Счастливого пути и попутного ветра, господин Филипп!» На набережной дьявол споткнулся о каменную плиту. Плита подскочила, а под ней открылась большая дыра, которая мгновенно поглотила его, словно устрицу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В которой перед Сметсе открывается над рекой Лис удивительное зрелище.

Когда дьявол ушел, Сметсе, не помня себя от радости, бросился к жене, стоявшей за дверью на кухне. Ликуя, кузнец стал подталкивать, по-

хлопывать, обнимать и целовать свою благоверную и то тряс, то прижимал ее к себе. Потом он побежал к подмастерьям, пожал всем руки и закричал:

— Клянусь Артевелде! Я расквитался! Сметсе расквитался!

Казалось, язык его разучился говорить иные слова. Он шептал их жене на ухо, громко твердил подмастерьям, крикнул даже эти слова в мордочку старого лысого кота-кашлюна, который спал в уголке и, проснувшись, дал своему хозяину когтями по физиономии.

— Негодяй! — воскликнул Сметсе. — Он, кажется, недостаточно радуется моему избавлению. Уж не дьявол ли он? Говорят, они принимают любое обличье. Эй-эй, — цыкнул кузнец на кота, зафыркавшего от страха, — слышал ли ты, что я сказал тебе, понял ли ты, чертов кот? Я расквитался, и я свободен, я расквитался, и я волен, как птица; я расквитался, и я весел; я расквитался, и я богат. Отныне я буду жить в свое удовольствие, как подобает расквитавшемуся кузнецу. Жена, я хочу, чтобы сегодня же послали Слимбруку сто филиппталеров, пусть и этот злосчастный завистник порадует, что Сметсе расквитался!

Но Сметсе не услышал ни слова в ответ. Поглядев по сторонам, он увидел, что жена его спускается с лестницы, держа в руках большую чашу со святой водой, в которой плавала зеленая ветка букса.

Войдя в кузницу, женщина начала кропить этой веткой мужа, потом подмастерьев, а также

молоты, наковальни, мехи и все прочие инструменты.

— Жена, что ты делаешь? — спросил Сметсе, пытаясь увернуться от брызг.

— Спасая тебя, возомнивший о себе кузнец! — отвечала она. — Ты и впрямь думаешь, что освободился от дьяволов? А между тем ты владеешь имуществом, которое принадлежит им! И ты думаешь, что, упустив твою душу, которая была платой за твое богатство, они так-таки и оставят тебе это богатство? Ах, глупый кузнец! Они опять придут сюда, да! и если я не окроплю святой водой тебя, себя и всех подмастерьев, кто знает, какие страшные беды они еще обрушат на нас!

Она продолжала рьяно размахивать своей веткой, как вдруг от подземного грома зашаталась вся набережная, расщепились камни, зазвенели стекла, распахнулись двери, окна, все выходы из кузницы и подул жаркий ветер.

— Вот они! — воскликнула женщина. — Молись, муженек!

И верно: в облаках появился обнаженный человек неопишущей красоты. Он стоял на алмазной колеснице, запряженной четверкой огненных коней. В правой руке он держал стяг, и на этом стяге было начертано: «Прекраснее бога». И от тела человека — от всей его святающейся плоти — исходили дивные лучи, точно солнце озарившие реку Лис, набережную и деревья, которыми она была обсажена. И деревья эти закачались, стволы их и ветви стали сгибаться, а набережная заколебалась, будто ко-

рабль в море, и мириады голосов воскликнули хором:

— Властитель наш, мы взываем к тебе, ибо терпим голод и жажду! Напитай нас, властитель, напои нас!

— Ах, — вскричала жена кузнеца, — ведь это монсеньор Люцифер со всеми своими чертями!

Но вот голоса смолкли, человек подал знак, и вода в реке Лис вдруг поднялась, словно сам господь бог приподнял ее русло. И река стала подобна бушующему морю, только в этом море волны не катились все вместе к берегу, а каждая бурлила в отдельности, и на каждой огнем полыхал пенистый гребень. Вот огненные гребни взметнули ввысь, увлекая за собой воду воронкой, и бедному Сметсе, его жене и подмастерьям почудилось, что перед ними дрожат и колеблются мириады водяных столбов.

Потом все водяные столбы обратились в страшных чудовищ и сразу появились, переплетаясь между собою, нанося друг другу удары и раны, все черти ада — истязатели бедных грешников, осужденных на вечные муки. Тут были устрашающей величины крабы на трясущихся и скрюченных человеческих ногах: они пожирали тех, кто пресмыкался при жизни. Возле означенных крабов хлопали крыльями страусы, ростом побольше лошади. Под хвостами у них виднелись лавры, скипетр и корона. И за этими хвостами обречены были бегать те, кто в сем мире гонялся за суетными почестями, не радея о добрых делах. Страусы мчались быстрее ветра, грешники преследовали их, стремясь

схватить лавры, скипетр и корону, но — тщетно! Страусы завлекали их в предательское вязкое болото, в которое они с позором плюхались. И потом целую вечность грешники барахтались в липкой грязи, в то время как страусы расхаживали по берегу и насмешливо позвякивали своими побрякушками.

Среди страусов резвились целые полчища разноцветных, пестрых, точно бабочки, обезьян. Они распоряжались скрягами-лихоимцами, — евреями и ломбардцами, — которые, чуть войдя в ад, осматривались кругом и, моргая под своими очками, немедля начинали подбирать ржавые гвозди, стоптанные шлепанцы, облезшие пуговицы, грязные тряпки и прочую рухлядь. Потом они торопливо выкапывали яму, зарывали в ней свою добычу и садились неподалеку. Обезьяны, увидев это, прыгали в яму, вытаскивали из нее все сокровища и бросали в огонь. Скупцы плакали и причитали, а обезьяны их били; наконец, скупцы отыскивали более надежный тайник, прятали там новую добычу, обезьяны опять ее находили, опять выбрасывали вон и снова начинали избивать скупцов, и так — целую вечность.

В воздухе, над обезьянами, били крыльями орлы, и на месте клювов у них торчали дула двадцати шести мушкетов, которые все стреляли зараз. Орлы эти назывались царскими, ибо были приставлены к государям-завоевателям, которые слишком сильно любили при жизни гром пушек и шум войны. И теперь, чтобы их потешить, орлы палили каждому из

них прямо в уши из двадцати шести мушкетов, и так — целую вечность.

Под боком у страусов, обезьян и орлов извивалась, раскачивалась и вытягивалась огромная змея, покрытая медвежьей шерстью; длинная и толстая сверх всякой меры, она потрясала сотнею тысяч мохнатых рук и в каждой держала по железной алебарде, наточенной остро, как бритва. Змея эта называлась испанской, ибо в аду она без пощады рубила своими алебардами шайки подлых грабителей, которые разоряли нашу страну.

Очень осторожно, опасаясь задеть эту змею, в воздухе порхали крылатые проказники-поросята, у которых вместо хвостиков были ливерные колбаски. Хвостики эти предназначались для вечно алчущих пищи чревоугодников, попавших в ад. Поросята подлетали к ним, подносили колбаску к их разинутой пасти, и только лишь те собирались откусить ее, как поросят и след простыл, и так — целую вечность!

Были там и чудовищной величины павлины, которые ужасно кичились своим ослепительным опереньем. Стоило какому-нибудь пустому щеголю, важничавшему в своем нарядном костюме, попасть в их жилище, как павлин подходил к нему и распускал хвост, как будто предлагая гостю вырвать у него перо и украсить им свою шляпу. Но только лишь щеголь протягивал руку за этим пером, как господин павлин пускал ему в лицо струю гнусной вонючей жидкости, которая портила весь его прекрасный наряд. И целую вечность господин щеголь тянул руку

за павлиньим пером, и целую вечность получал за это подобное омовение.

Среди всех этих мерзких животных парами бродили кузнечики—самцы и самочки в человеческий рост; она играла на дудочке, он размахивал большой суковатой палкой. Завидев человека, который при жизни из трусости то и дело прыгал от добра к злу, от белого к черному, от огня к воде, однако всегда поклонялся силе, кузнечики тотчас к нему приближались. Она играла на дудочке, а он, величественно опираясь на свою палку, приказывал: «Прыгай во имя бога!» И человек прыгал. «Прыгай во имя дьявола!» И человек прыгал. «Прыгай во имя Кальвина, во имя католической мессы, во имя козы, во имя капусты!» И бедняга все прыгал, но никогда не мог прыгнуть так высоко, как того требовал кузнечик с палкой, и всякий раз бывал за это пребольно избит. И человек без конца прыгал, и его без конца били, а дудочка без конца играла приятные мелодии, и так — целую вечность.

Чуть подальше, развалясь нагишом на расшитых золотом бархатных и шелковых покрывалах, осыпанные жемчугом и другими драгоценными камнями, сладострастные и улыбающиеся, пели и играли на множестве прекрасных музыкальных инструментов дьяволицы, которые были красивее первых красавиц Гента, Брюсселя и Брюгге. Они служили наказанием для престарелых распутников, совратителей юности. Лишь только старики появлялись, как женщины начинали манить их к себе любовными речами.

Но те не могли к ним приблизиться, и целую вечность бедняги обречены были разглядывать дьяволиц, не имея возможности прикоснуться даже к кончику ногтя на их мизинце. Распутники плакали и жаловались, но все напрасно, и так — века и века.

Были здесь и хитрые маленькие чертенята, бившие в барабаны, обтянутые кожей лицемеров, а маски, которые те при жизни носили на своих лицах, висели на этих же барабанах в виде украшений. И лицемеры эти обречены были слоняться по аду без кожи, без масок, во всем своем уродстве, опозоренные, освистанные, оплеванные, искусанные мерзкими мухами, преследуемые чертенятами, бившими в барабаны, и так — целую вечность.

Стоило поглядеть и на чертей, приставленных к спесивцам! Это были превосходные объемистые бурдюки, надутые ветром и заканчивающиеся носиком со вставленной в него трубкой. Бурдюки эти имели орлиные лапы и две небольшие руки, с пальцами такой длины, что ими можно было обхватить весь бурдюк. Когда спесивец входил в ад, говоря себе: «Я великий, красивый, сильный, могущественный, победоносный, я покорю Люцифера и женюсь на его жене Астарте», бурдюки приближались к нему и, низко кланяясь, спрашивали:

— Сударь, не угодно ли вам будет выслушать по секрету словечко касательно ваших гордых намерений?

— Хорошо, — отвечал тот.

Тогда бурдюки вдвоем вставляли ему в уши

трубки, и он уже не мог их вынуть, и бурдюки начинали давить своими длинными пальцами себе на живот, чтобы сильный ветер оттуда подул ему в голову, и голова его от этого раздувалась все больше и больше, и вот господин спесивец уже поднялся в воздух и должен целую вечность мотаться, толкаясь головой в потолок преисподней и все время болтая ногами, чтобы спуститься вниз, но — безуспешно.

Занятыми чертями были и подвижные, как ртуть, мартышки, которые без усталости прыгали, скакали, носились взад и вперед. Эти черти подбегали к ленивцам, которых они наказывали, и протягивали им то лопату, чтобы вскопать ею землю, то оружие, чтобы начистить его до блеска, то дерево, чтобы обрезать его, или же книгу, чтобы, прочитав, поразмыслить над нею. Получив такую работу, ленивец говорил:

— Сделаю завтра!

И погружался в мечты, потягиваясь и зевая. Мартышка тотчас же совала ему в разинутый рот губку, смоченную в настое ревеня, и, хихикая, говорила:

— Это тебе на сегодня, работай, лодырь, работай!

И в то время, как ленивца рвало, черт вертел им во все стороны, тряс его и не давал ему ни минуты покоя, как слепень коню, и так — целую вечность.

Очень забавны были лукавые и шустрые, хоршенькие детишки-бесенята, на чьей обязанности было учить риториков-педантов думать,

говорить, плакать и смеяться естественно и просто, согласно природе. И, если у них это не выходило, бесенята давали им по рукам, и очень даже больно. Но бедные педанты уже ничему не могли научиться: слишком были они неповоротливы, стары, глупы. Словом, по рукам они получали каждый день, а в воскресенье еще и плетку впридачу.

И все черти хором восклицали:

— Повелитель, мы страдаем от голода; повелитель, дай нам поесть! Заплати нам хоть немного за нашу верную службу тебе!

И вдруг человек, стоявший на колеснице, подал знак, и река Лис выбросила всех чертей на набережную, подобно тому, как море выбрасывает волны на берег, и черти пронзительно и страшно засвистели.

И Сметсе, жена его и подмастерья услышали, как со страшным гулом растворились двери погребов, и все бочки с *брёйнбииром* поскакали, гремя, вверх по лестнице, затем прокатились, гремя, через кузницу и, описав большую кривую, упали в толпу чертей. То же самое проделали бутылки с вином, окорока, хлеба и сыры, а за ними — крузаты, анжелоты, филиппталеры и другие монеты, и все это превратилось в еду и питье. И черти давай тут драться, толкаться, полосовать друг дружку, и все эти чудовища, смешавшись в одну кучу, с улюлюканьем и свистом бились, желая урвать себе долю побольше. И когда от угощения не осталось ни капли, ни крошки, а человек, стоявший на колеснице, снова подал знак, все черти бросились в реку и,

погрузившись в черную воду, исчезли; человек в небе тоже скрылся.

И опять, как прежде, Сметсе Смее стал бедняком, если не считать красивого мешочка с золотом, который его жена ненароком окропила святой водой, и который он сохранил у себя, несмотря на то что мешочек был получен от дьявола. Правда, особой корысти от этого золота кузнецу не было. Однако Сметсе жил хорошо, пока внезапно не умер в своей кузнице в благословенном и преклонном возрасте — девяноста трех лет.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Об аде, чистилище, длинной лестнице и, наконец, о рае.

Когда Сметсе умер, душа его в одежде кузнеца должна была пройти через ад. Подойдя к воротам ада, Сметсе увидел в открытых окнах чертей, которые когда-то напугали его, показавшись над рекой Лис, а сейчас изо всех сил терзали и мучали бедных грешников. Сметсе подошел к привратнику, но тот, увидя его, завопил дурным голосом:

— Сметсе здесь, Сметсе Смее, коварный кузнец!

И не захотел его впустить. Услышав шум, монсеньор Люцифер и госпожа Астарта со всем своим двором подбежали к окнам, и все черти — следом за ними.

И в испуге все закричали:

— Затворите двери, это Сметсе колдун,

Сметсе вероломный кузнец, Сметсе сокрушитель бедных чертей! Если он войдет сюда, он все перепортит, все перевернет, все перебьет! Проваливай, Сметсе!

— Господа, — сказал Сметсе, — если я пришел сюда поглядеть на ваши рожи, которые не так уж красивы, можете мне поверить, то совсем не для своего удовольствия! Да и нет у меня никакого желания заходить к вам. Не поднимайте такой шум, господа черти!

— Ишь ты, красавчик кузнец! — отвечала госпожа Астарта, — сейчас ты прядешь свои коготки, а как попадешь в наше жилище, так сразу их выпустишь. Ты нам покажешь, как ты зол и коварен, и всех нас убьешь: меня, моего доброго супруга, моих друзей! Поворачивай назад, Сметсе, поворачивай!

— Сударыня, — сказал Сметсе, — вы самая красивая дьяволица из всех, мною виденных, но это еще не дает вам основания так дурно судить о намерениях ближнего.

— Послушайте только этого добряка! — возмутилась госпожа Астарта, — как он умеет прятать свою низость за медовыми речами! Гоните его, бесы, только не причиняйте ему большого вреда!

— Сударыня, — сказал Сметсе, — благоволите меня выслушать!

— Поворачивай, кузнец! — заорали черти и стали кидать в него горящими углями, раскаленными докрасна камнями и всем, что попадало им под руку. И Сметсе пустился от них наутек.

Через некоторое время он очутился у стен

чистилища. Напротив вела вверх лестница с надписью внизу: «Эта дорога ведет в рай».

И Сметсе, очень обрадовавшись, начал подниматься по лестнице, сплетенной из золотых нитей, где местами выпирали острые шипы, подтверждая тем самым слова господни: «Широка дорога в ад, трудна и мучительна дорога в рай».

И правда: Сметсе очень скоро ободрал себе ноги в кровь. Но он все-таки шел неустанно все вверх и вверх и остановился лишь, когда насчитал тысячу тысяч ступенек и уже не видел ни ада, ни земли. Тут ему захотелось пить; но пить было нечего, и он уже помрачнел, как вдруг рядом с ним проплыло облачко, и он с радостью его проглотил. Облачко это показалось Сметсе не столь восхитительно вкусным, как кружечка *брёйнбиира*, но он утешился, подумав, что нельзя же всюду и везде жить в свое удовольствие. Поднимаясь по ступенькам, он вдруг заметил, что с трудом придерживает на голове свою шапку. То задул коварный осенний ветер, который мчался на землю, чтобы сорвать последние листья с деревьев, и так сильно потрянул Сметсе, что бедняга чуть не свалился вниз. Едва буря унялась, как Сметсе почувствовал, что проголодался, и очень пожалел о добром куске говядины, копченном на сосновых шишках, — спасительной пище бездомных странников. Но он несколько приободрился при мысли, что не может ведь человек все предусмотреть.

Неожиданно он заметил страшного орла, который летел к нему с земли. Орел, вероятно,

принял Сметсе за жирного барана и теперь парил над ним, собираясь устремиться на него, как пуля из мушкета. Но славный кузнец был не трусливого десятка: он вовремя отскочил и, схватив птицу, проворно свернул ей шею. Продолжая свой путь, Сметсе ошипал с нее перья и съел несколько кусочков сырого мяса, хотя нашел его жестковатым. Однако, вооружившись терпением, он доел мясо до конца за неимением другого. И вот так, терпеливо и мужественно, он шагал все выше и выше много дней и ночей, не видя ничего, кроме синевы небес и бесчисленных солнц, лун и звезд над головой, под ногами, справа и слева, словом — везде. И ему чудилось, что он находится в центре прекрасного шара, внутренние стенки которого окрашены дивной лазурью, усеянной всеми этими солнцами, лунами и звездами. И великое это безмолвие и беспредельность испугали его.

Но тут внезапно Сметсе охватило сладостное тепло, он услышал благозвучные голоса, отдаленную музыку, шум работ и увидел огромный город, окруженный стенами, над которыми возвышались дома, деревья и башни. И ему показалось, что он, помимо своей воли, стал подниматься быстрее; сойдя с последней ступеньки, он оказался у ворот города.

— Клянусь Артевелде! — сказал Сметсе, — передо мною рай.

И он постучал в ворота. Святой Петр вышел отворить.

Сметсе немножко оробел, глянув на исполинскую фигуру доброго святого, на его густые во-

лосы, рыжую бороду, широкое лицо, высокий лоб и пронизывающие глаза, которые, казалось, видели человека насквозь.

— Ты кто? — спросил святой.

— Святой Петр! — сказал кузнец, — я Сметсе Сmee, проживал раньше в Генте, на Луковичной набережной, а сейчас прошу вас позволить мне войти в ваш рай.

— Нет, — отвечал святой Петр.

— Ах, сударь, — жалобно сказал Сметсе, — если это потому, что я при жизни продал душу дьяволу, то смею вас уверить, что я глубоко раскаялся, вырвался из его когтей и ничего из богатств его себе не оставил.

— Кроме мешка, полного золотых, — отвечал святой Петр, — и посему ты сюда не войдешь!

— Сударь, я не так виновен, как вы думаете: мешок остался у меня в доме, потому что был освящен, и я решил, что могу его сохранить. Смилюйтесь надо мной, я не ведал, что творил. Благоволите также принять в соображение, что я пришел из дальней стороны, очень утомился и охотно отдохнул бы в вашем добром раю.

— Сматывай удочки, кузнец! — сказал святой Петр, держа ворота в рай полуоткрытыми.

Однако же Сметсе проскользнул в эту щель, быстро снял с себя кожаный передник, сел на него и заявил:

— Сударь, я сижу на своем добре, вы не можете согнать меня с него.

Святой Петр приказал отряду ангелов, вооруженных алебардами, прогнать кузнеца, что они незамедлительно сделали.

Однако же Сметсе не переставал громко стучать кулаками в ворота, жаловаться, плакать и кричать:

— Сударь, сжальтесь надо мной, разрешите, пожалуйста, войти, я раскаиваюсь во всех грехах, что совершил, и даже в тех, что не совершил. Сударь, дозвольте мне войти в благословенный рай, сударь...

Услышав его, святой Петр высунул голову из-за стены и сказал:

— Кузнец, если ты будешь еще так шуметь, я прикажу отправить тебя в чистилище!

И бедный Сметсе, умолкнув, уселся на свое место, и так провел несколько печальных дней, глядя на входящих в рай.

Прошла неделя, а он питался лишь хлебцами, которые бросали ему сверху праведники, да еще виноградинами с засохшей лозы, обвивавшей выступ райской стены.

И Сметсе затосковал от безделья. Он все время ломал голову, стараясь придумать себе какую-нибудь работу, чтобы немного развеселиться. И, придумав, он закричал так громко, что святой Петр высунул голову из-за стены:

— Что тебе надобно, Сметсе?

— Сударь, — отвечал кузнец, — не могу ли я с вашего позволения спуститься на землю на одну ночь, чтобы повидаться с моей доброй женой и привести в порядок мои дела?

— Можешь, Сметсе! — сказал святой Петр.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Из которой мы узнаем, за что выпороли Сметсе.

Наступил канун праздника всех святых; было очень холодно, и жена Сметсе готовила себе на кухне вкусную смесь из сахара, яичных желтков и *брёйнбира*, чтобы излечиться от жестокого кашля, который беспокоил ее с того самого дня, как умер ее муж.

Сметсе постучал в кухонное окошко, и жена его очень испугалась.

— Муженек, — жалобно закричала она, — ты пришел меня мучить, чтобы я молилась за тебя? Я молюсь за тебя, сколько в моих силах, но могу еще больше молиться, коли так надо. Тебе нужны мессы? Ты получишь и мессы, и молитвы, индульгенции тоже получишь. Я куплю тебе индульгенции, поверь мне, муженек, только скорей возвращайся, откуда пришел!

Но Сметсе продолжал стучать.

— Мне не мессы нужны, не молитвы, а крыша над головой, и поесть, и попить; на дворе лютая стужа, сильный ветер, можно замерзнуть. Жена, отвори дверь!

Услышав эти слова, она закричала еще громче, потом начала молиться, креститься, бить себя в грудь, но дверь отворить не собиралась.

— Уходи, уходи, муженек, — только твердила она, — и мессы будут у тебя, и молитвы!

Кузнец тут заметил, что окно на чердаке было открыто: он влез через него в дом, спу-

стился по лестнице и предстал перед женой; но, не желая напугать ее еще больше, так как она с громким криком, призывая на помощь соседа, пятилась все время назад, он не подошел к ней, а присел поодаль, на табурете.

— Разве ты не видишь, женушка, — сказал он, — что я на самом деле Сметсе и вовсе не думаю обидеть тебя?

Но она слушать ничего не хотела, спряталась в угол, и, лязгая зубами, выпучив на него глаза, делала ему знаки рукой, чтобы он удалился, — со страху, она вовсе лишилась речи.

— Жена, — дружелюбно обратился к ней кузнец, — так-то привечаешь ты своего бедного мужа, так-то справляешь праздник по случаю его возвращения после долгой разлуки? Ох, ты уже позабыла, сколько лет мы дружно жили с тобой, душа в душу!

Услышав такой ласковый веселый голос, она тихо и робко ответила:

— Нет, господин покойник, не позабыла!

— Так отчего же ты так испугалась? неужто не узнаешь жирное лицо своего мужа, его круглое брюшко, его голос, каким он когда-то с такою охотой здесь распевал?

— Узнаю, — прошептала она.

— А коли узнаешь, почему ты не смеешь подойти и дотронуться до меня?

— Ах, сударь, вот уж никак не смею, — сказала она, — говорят, что у того, кто дотронется до покойника, омертвеют руки и ноги.

— Подойди, жена, — молвил кузнец, — не верь этим вракам!

— Сметсе, ты и вправду мне не сделаешь ничего худого?

— Ровно ничего, — отвечал он и взял ее за руку.

— Ах, — спохватилась она, — бедный мой муж, ты, наверное, продрог и тебе хочется поесть и попить?

— Ну конечно!

— Так пей же, ешь и согрейся!

И пока Сметсе ел и пил, он рассказал жене, что все никак не может попасть в рай, но теперь решил захватить из своего погреба бочонок *брёйнбиира* и несколько бутылок вина, чтобы продавать их тем, кто входит в святой град, а на вырученные деньги покупать себе наивкуснейшую еду.

— Все это хорошо, муженек, — заметила она, — но даст ли тебе святой Петр разрешение открыть кабачок у ворот рая?

— Надеюсь, что даст, — отвечал он.

И нагрузившись бочонком *брёйнбиира* и бутылками вина, Сметсе стал вновь подниматься в рай.

Остановившись у райской стены, он немедленно устроил кабачок под открытым небом, ибо воздух в этом небесном месте прекрасен, и в первый же день всяк, входивший в рай, пропускал у него по стаканчику, и все хорошо платили ему — из сочувствия.

Однако многие захмелели и явились в рай в нетрезвом виде. Святой Петр услышал об этом и, дознавшись до причины такого конфуза, предписал Сметсе прекратить торговлю напитками, а его самого велел пребольно выпороть.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О праведном суде господи Иисуса.

Вскоре приказала долго жить и жена Сметсе: уж очень она напугалась, увидев призрак своего мужа.

Душа ее напрямик полетела в рай, и там, у стены, заметила она бедного Сметсе, который сидел в грустном раздумье. При виде жены он радостно вскочил со своего места.

— Жена, я пойду с тобой!

— Как же ты осмелишься?

— Я спрячусь под твоей юбкой, она такая широкая, что меня не заметят.

Так Сметсе и сделал; жена постучала в райские ворота, и святой Петр ей отворил.

— Входи, добрая женщина! — сказал он.

Но, заметив ноги Сметсе, которые выглядывали из-под юбки жены, святой Петр закричал:

— Окаянный кузнец! Долго ты еще будешь измываться надо мной? Уходи отсюда, продавшийся дьяволу!

— Ах, сударь, — взмолилась женщина, — сжальтесь над ним, или позвольте мне остаться вместе с ним!

— Нет, — сказал святой Петр, — твое место здесь, а его — там. Входи же, а он пусть отправляется прочь, да поживее!

И она вошла в рай, а Сметсе остался за стеной. Но ровно в полдень, когда ангелы-повара принесли жене Сметсе ее порцию чудесного

пирога с рисом, она подошла к стене и, перегнувшись вниз, крикнула:

— Ты здесь, муженек?

— Да, я здесь, — отвечал он.

— И ты голоден?

— Конечно.

— Ну так вот, — сказала она, — разверни свой кожаный передник, и я брошу тебе пирог с рисом, который мне сейчас дали, только спрячь его хорошенько, муженек, и съешь поскорее!

— Ну, а как же ты, — спросил он, — что же ты будешь есть?

— Пока ничего, — отвечала она, — но я слышала, что скоро будет ужин.

И Сметсе, поев пирога с рисом, почувствовал сразу, как у него прибавилось силы, ибо этот пирог был сочнее и аппетитнее самого лучшего мяса. Тем временем жена его, прогулявшись по раю, снова подошла к стене и стала рассказывать Сметсе, что она там увидела.

— Ах, муженек, в раю так чудесно! как бы я хотела, чтобы и ты был здесь! Вокруг господ Иисуса сидят мудрецы и рассуждают с ним о добре, о любви, о справедливости, о знании и красоте, а также о том, как лучше управлять людьми и как сделать, чтобы все были счастливы. Слова их звучат, точно музыка. И каждое мгновение они бросают в мир семена прекрасных, добрых, справедливых, правдивых мыслей. Но люди так злы и глупы, что топчут ногами семена или дают им засохнуть. А немноголь в разных местах сидят гончары и зо-

лотых дел мастера, каменщики и маляры, кожевники и сукновалы, плотники и кораблестроители, и надобно видеть, что за прекрасные вещи они создают, каждый — в своем ремесле. И когда они что-нибудь уж очень хорошо работают, тогда они тоже бросают хорошие семена в мир, но и эти семена частенько погибают.

— Жена, а кузнецов ты там не видала?

— И кузнецов видала!

— Ах, как бы я хотел вместе с ними работать! — сказал Сметсе. — Ведь мне так стыдно, что я должен здесь жить, будто дармоед какой, ничего не делая и кормясь подающим. Но послушай, жена! Уж если святой Петр не хочет пустить меня в рай, попроси за меня господу Иисуса, он добр и, быть может, смилостивится надо мной.

— Иду, муженек, иду, — отвечала она.

Когда Иисус, окруженный своими мудрыми советниками, увидел женщину, приблизившуюся к нему, он сказал ей:

— Я узнаю тебя, добрая женщина, при жизни ты была замужем за кузнецом Сметсе, который так хорошо принял меня, когда я в образе младенчика спустился на землю со святым Иосифом и святой Марией. А разве твой муж не в раю?

— Ах, нет, господи Иисусе, — отвечала она, — мой муж остался за воротами, он очень опечален и огорчен, святой Петр его сюда не пускает.

— А почему? — спросил Иисус.

— Уж и сама не знаю почему, — отвечала она.

Но тут ангел, заносивший на медную доску список людских прегрешений, вдруг вмешался:

— Сметсе не может войти в рай, ибо, избавившись от дьявола, он сохранил у себя его деньги.

— О, это большое преступление, — сказал Иисус, — но разве он не раскаялся?

— И еще как! Да и всю свою жизнь он был добрым, сострадательным, милосердным.

— Пошлите за ним! — повелел Иисус, — я хочу сам его допросить.

Несколько ангелов с алебардами повиновались и привели Сметсе к сыну божьему, который сказал ему так:

— Сметсе, это правда, что ты сохранил у себя деньги дьявола?

— Да, господи! — отвечал кузнец, и колени у него застучали друг о дружку от страха.

— Сметсе, это нехорошо! Уж лучше человеку страдать от всяких мук, печалей и забот, чем хранить деньги дьявола, который так зол, уродлив, несправедлив и лжив. Но, может быть, ты расскажешь мне о каком-нибудь похвальном поступке, которым ты хоть чуточку загладил свою великую вину?

— Господи, — сказал Сметсе, — я долго сражался вместе с зеландцами за свободу совести и вместе с ними терпел голод и жажду!

— Это хорошо, Сметсе, но продолжал ты и еще так похвально вести себя?

Увы, господи, нет! — признался кузнец, —

говоря без утайки, храбрости моей хватило ненадолго: я вернулся в Гент и вместе с другими продолжал сносить испанское иго¹.

— Это дурно, Сметсе, — отвечал Иисус.

— Господи! — заплакала жена кузнеца, — никто не был щедрее его к беднякам, ласковее со всеми, добрее с врагами, даже с гадким Слимбруком!

— Это хорошо, Сметсе, — сказал Иисус, — но нет ли у тебя еще какой-нибудь важной заслуги?

— Господи, я всегда с радостью работал, ненавидел лень и уныние, искал веселья и забавы, любил петь песни и с охотой попивал *брёйн-биир*, посланный мне богом.

— Это хорошо, Сметсе, но еще недостаточно!

— Господи! — продолжал кузнец, — я что было силы избил мерзкие призраки Якоба Гессельса, герцога Альбы и Филиппа Второго, короля Испании.

— Вот это отлично, Сметсе, — сказал Иисус, — разрешаю тебе войти в мой рай!

ДОПОЛНЕНИЕ

ГАЛЕВИН

ФЛАМАНДСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

1. Сир Галевин пел песню; услышав эту песню, все шли к нему.
2. Эту песню услышала дочь короля, которую очень любили ее родители.
3. Она пошла к своему отцу: «Отец, дозвожь мне пойти к Галевину!»
4. «О нет, дочь моя, нет, не ходи! Тот, кто идет туда, никогда не возвращается».
5. Она пошла к своей матери: «Мать, дозвожь мне пойти к Галевину!»
6. «О нет, дочь моя, нет, не ходи! Тот, кто идет туда, никогда не возвращается».
7. Она пошла к своей сестре: «Сестра, дозвожь мне пойти к Галевину!»
8. «О нет, сестра моя, нет, не ходи! Тот, кто идет туда, никогда не возвращается».
9. Она пошла к своему брату: «Брат, дозвожь мне пойти к Галевину!»
10. «Мне нет дела, куда ты пойдешь, лишь бы ты сберегла свою честь и высоко несла свой венец».

11. Она вошла в свою комнату; она надела свои лучшие одежды.
12. Что надела она сперва? Рубашку тоньше шелка.
13. Чем опоясала она свой прекрасный стан? Золотым кушаком, который сделал ее еще стройнее.
14. Чем украсила она свое пунцовое платье? Золотыми пуговицами.
15. Чем украсила она свой *кейрле*? Жемчугами.
16. Что надела она на свои прекрасные белокурые волосы? Тяжелый золотой венец.
17. Она пошла в отцовскую конюшню и выбрала себе лучшего скакуна.
18. Она села на скакуна. Распевая песню и трубя в рог, она поехала через лес.
19. Когда она доехала до самой середины леса, она встретила сира Галевина.
20. «Здравствуй! — сказал он, приблизившись к ней. — Здравствуй, прекрасная девушка с блестящими карими глазами!»
21. Они поехали рядом и не вымолвили ни единого слова.
22. Они подъехали к виселице; на ней висело много женских трупов.
23. Сир Галевин тогда ей сказал: «Уж если ты самая красивая девушка, так выбирай сама себе смерть: твой последний час настал».

24. «Хорошо, уж если я могу сама выбирать, я выбираю себе смерть от меча».
25. «Но сначала сними свой плащ, ведь девичья кровь брызжет с силой, и мне будет жаль, если она омочит его».
26. Прежде чем он снял свой плащ, его голова покатила к ее ногам. Голова произнесла такие слова:
27. «Пойди в пшеничное поле и затруби в мой рог, чтобы меня слышали мои друзья».
28. «Я не пойду в пшеничное поле, я не буду трубить в рог, я не послушаюсь приказа убийцы».
29. «Так подойди к подножью виселицы и возьми мазь, чтобы натереть ей мою шею, из которой льется красная кровь».
30. «Я не подойду к виселице, я не натру мазью твою окровавленную шею, я не послушаюсь приказа убийцы».
31. Она взяла голову за волосы и вымыла ее в прозрачном ручье.
32. Она села на своего скакуна. Распевая песню и трубя в рог, она поехала через лес.
33. На полдороге ей попала навстречу мать Галевина. «Прекрасная девушка, не видала ли ты моего сына?»
34. «Твой сын Галевин отправился на охоту, и ты никогда в жизни его не увидишь!»

35. «Твой сын Галевин мертв. Я прячу его голову в складках моего платья, и оно все покраснело от крови».
36. И когда она подъехала к воротам замка, она затрубила в рог, словно мужчина.
37. И когда отец услышал весть о ее возвращении, он очень обрадовался.
38. В замке устроили пир и голову Галевина положили посредине стола.

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. Н. ЧЕРНЕВИЧ

Шарль де Костер и его «Фламандские легенды»

В первых числах января 1857 г. подписчикам брюссельского еженедельника «Уленшпигель» был разослан новогодний подарок — литография знаменитого бельгийского художника Фелисьена Ропса с изображением группового портрета редакторов и сотрудников этого журнала.

Среди двенадцати дружеских шаржей-портретов читатели увидали и простодушное, смущенное лицо человека с взъерошенной шевелюрой и длинными усами. Это был Шарль Де Костер. В руках он держал небольшой томик с надписью «Фламандские легенды» — свою первую книгу. Вышла эта книга несколько позднее — в конце того же 1857 г. (с датой 1858).

Тридцатилетний журналист Шарль Де Костер уже не был новичком в литературе. Прошло почти десять лет с той поры, как он начал пробовать свои силы в самых разнообразных поэтических жанрах. В этих ранних, еще незрелых опытах сквозь чужие влияния иногда пробивалась оригинальная струя. Но в большинстве своем они носили подражательный характер. Поиски собственного пути у Шарля Де Костера продолжались долго. Только во «Фламандских легендах» — сборнике новелл, навеянных средневековыми преданиями, — в его творческом развитии произошел ре-

шительный перелом. Собственный путь был найден, и дарование молодого писателя развернулось стремительно и ярко.

Первая удача открыла дорогу к его главной книге — всемирно прославленной эпопее с причудливым и задорным названием «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и иных краях» (1867). Тяготение к национальной стихии и народному быту Фландрии, интерес к истории и фольклору родной страны, любовь к простым людям и ненависть к церковной и политической тирании — все эти черты «Фламандских легенд» во многом предвещали «Легенду об Уленшпигеле». Преемственная связь между обоими произведениями, отделенными друг от друга десятилетием, наиболее отчетливо обозначилась в «Сметсе Смее», самой характерной новелле «Фламандских легенд».

Однако «Легенда об Уленшпигеле», затмившая собой другие произведения Де Костера, оставила в тени все, что он создал раньше и позже своего шедевра. В том числе и блестящие талантом «Фламандские легенды».

«Я не стану защищать ни „Брабантские рассказы“ (1861), ни даже „Свадебное путешествие“ (1872), этот любопытный, хотя и очень неровный реалистический роман, вызвавший живой отклик за границей. Но я бы очень просил, чтоб не забыли „Фламандские легенды“. Если „Легенда об Уленшпигеле“ — собор, то „Фламандские легенды“ — его портал», — так говорил в 1959 г. крупный знаток бельгийской литературы Й. Хансе в своей речи, посвященной памяти Шарля Де Костера¹.

¹ «Bulletin de l'Académie Royale de langue et de littérature française», 1959, t. 37, № 4, p. 176.

К этим словам можно лишь добавить, что «Фламандские легенды» заслуживают внимания не только как подступ к вершине творчества писателя. «Фламандские легенды» — памятник исключительно своеобразной свежести и силы — имеют совершенно самостоятельное значение как в творчестве Шарля Де Костера, так и в становлении национальной самобытности молодой бельгийской литературы.

*

О Шарле Де Костере на его родине написано немало книг. Друзья и почитатели, верные его памяти, после нескольких лет тщательных исследований рассказали о главных фактах его биографии, воздав должное тому, кто при жизни оставался неизвестным.

Однако даже самые подробные и достоверные биографии Де Костера, — написанные его старшим другом, бельгийским критиком и поэтом Ш. Потвеном², а затем и современными историками бельгийской литературы Й. Хансе, Л.-Л. Соссе, А. Либерехтом³, — неполны и содержат пробелы. Почти ничего не известно о детстве и отрочестве Де Костера, а также о последних годах его жизни, проведенных им в полном одиночестве.

Те немногие автобиографические свидетельства, которые остались после Шарля Де Костера, — в том числе разрозненные страницы его дневника и начатые воспо-

² Ch. Potvin. Charles De Coster. Sa biographie. Lettres à Elisa. Bruxelles, 1894.

³ J. Hanse. Charles De Coster. Liège, 1928; L.-L. Sossé. La vie pittoresque et malheureuse de Charles De Coster. Bruxelles, 1937; H. Lieberecht. La vie et le rêve de Charles De Coster. Bruxelles. 1927.

минания о школьных годах — хранятся в архиве Королевской библиотеки в Брюсселе, но не изданы, и лишь отдельные цитаты из них рассеяны по страницам книг западноевропейских исследователей его творчества.

К счастью, до нас дошли письма Шарля Де Костера к Элизе Спрёйт, девушке, которая несколько лет считалась его невестой. Эти письма, собранные и частично опубликованные Ш. Потвеном в приложении к написанной им биографии Де Костера, дают нам драгоценную возможность заглянуть во внутренний мир писателя и узнать с его собственных слов о его характере, литературных вкусах, взглядах на жизнь. Располагая лишь небольшим количеством материалов — письмами к Элизе (главным образом), выдержками из архивных документов, да отрывочными воспоминаниями близко знавших его людей, мы все же можем ясно представить себе живой образ безукоризненно честного человека, с независимой, гордой натурой и свободным острым умом.

«Как я вам благодарна! — писала сестра Де Костера Ш. Потвену по поводу заметки, напечатанной им в журнале «Revue de Belgique» (15.X 1879) вскоре после смерти ее брата. — Вы так хорошо показали, что при его уважении к себе никто и ничем не мог бы его купить»⁴.

*

Шарль-Теодор-Анри Де Костер (Charles-Théodore-Henri De Coster) родился 20 августа 1827 г. в Мюнхене. Его отец, фламандец из Ипра, служил управляющим хозяйством у графа Шарля-Мерси д'Ар-

⁴ См. Ch. Potvin, Op. cit., p. 1.

жанто, тирского архиепископа и папского нунция при баварском дворе. В прошлом блестящий офицер бельгийской армии, граф д'Аржанто благоволил к своему подчиненному и соотечественнику и крестил его первенца, «унаследовавшего красоту своей матери»⁵, Анны-Марии Картрейль, валлонки по происхождению и белошвейки по профессии. Свои первые детские годы мальчик провел в богатстве и роскоши архиепископского дворца. Это обстоятельство дало повод окружить легендами рождение и воспитание Шарля Де Костера. Некоторые западноевропейские исследователи, в том числе и современные, высказывали предположение, что он был побочным сыном графа д'Аржанто, а по другой версии — сыном его брата⁶. Это предположение, не подтвержденное никакими фактами, отвечало желаниям известных кругов доказать, что писатель, посвятивший свое творчество изображению жизни фламандского народа, был стопроцентным валлоном и к тому же — аристократом по крови. Й. Хансе, Ш. Потвен и другие серьезные биографы Де Костера решительно отвергали эту версию.

«Будущий автор „Легенды об Уленшпигеле“ был, несомненно, сыном своих родителей, даже если от этого и пострадал романтизм», — писал бельгийский критик Ю. Жюэн в предисловии к «Легенде об Уленшпигеле», изданной в Брюсселе в 1962 г.⁷

Шарль Де Костер всегда с любовью вспоминал своего скромного отца, которого он к большому своему горю потерял в 1834 г. За год до этого семья Де Костеров покинула Германию и, вернувшись на родину, обосно-

⁵ Н. Lieberecht. Op. cit., p. 6.

⁶ См. «Synthèses», 1961, № 178; 1960, № 173.

⁷ Н. Juin. Introduction in: Ch. De Coster. La Légende d'Ulenspiegel. Bruxelles, 1962, p. XIX.

валась в Брюсселе, где затем прошла вся жизнь писателя. Тогда же родилась его сестра Каролина, ставшая ему верным и преданным другом. После смерти отца мать взяла мальчика из пансиона, где он терпел муки унижения. «Я был тогда слабым хрупким ребенком... — писал Де Костер в неизданных «Воспоминаниях о коллеже», — я плакал, а когда видел, что надо мною смеялись, сдерживал слезы, но гнев бросался мне в голову»⁸.

Крайняя чувствительность, отделявшая его от сверстников, усугублялась, быть может, чисто женским влиянием семьи, в которой мальчик рос без отца. Благодарное и нежное чувство к матери и сестре на всю жизнь внушило Де Костеру возвышенно-рыцарское отношение к женщинам, которое, по его собственному признанию, было преобладающей чертой его творчества⁹.

Граф д'Аржанто, переехавший в Льеж, не забывал на первых порах своего крестника и потребовал, чтобы его отдали в иезуитский коллеж Сен-Мишель, где основательно изучали латынь и греческий. Вероятно, в стенах этого учебного заведения и зародился яркий антиклерикализм Шарля Де Костера. Потом в тех же «Воспоминаниях о коллеже» он писал, что утратил веру¹⁰.

⁸ См. J. Hansse. Op. cit., p. 4.

⁹ В своей книге Ш. Потвен приводит такой пример: «В рукописи, датированной 1879 годом, в которой Де Костер писал о своих произведениях, он, перечислив имена всех своих героинь, отметил, что в их образах „слагал гимны во славу девушки, женщины, матери“. — „Эта черта, — прибавил он, — преобладает во всем его творчестве“» (Де Костер о себе всегда писал в третьем лице. — М. Ч.) (Ch. Potvin. Op. cit., p. 25).

¹⁰ См. J. Hansse. Op. cit., p. 31.

Закончив коллеж, юный отступник наотрез отказался продолжать образование в духовной семинарии, как предлагал ему архиепископ, который надеялся, что крестник пойдет по его стопам. Это было первое сопротивление, оказанное Де Костером архиепископу. Но ему в то время уже почти исполнилось семнадцать лет, необходимо было работать, помогать матери, и он поступил на службу в знаменитый брюссельский банк (*La Société Générale de Belgique*), фактически управлявший промышленностью Бельгии. Здесь он провел шесть лет (1844—1850), выполняя однообразные обязанности младшего клерка. Трудно представить себе более тяжелое испытание для юноши, одаренного живым воображением и почувствовавшего себя поэтом.

Все свои свободные дни и часы младший клерк, томившийся «как птица в клетке»¹¹, отдавал чтению и писательству, к которому испытывал неодолимую склонность. Наконец, он нашел выход из своего монотонного существования. Вместе с группой друзей он основал в сентябре 1847 г. литературный кружок, прозванный ими «Обществом весельчаков». Шуточная речь, пересыпанная латынью, которую Де Костер произнес на открытии этого содружества, была проникнута откровенным свободомыслием в духе Рабле.

«Подопечный папского нунция дебютировал пародией на католическое богослужение», — не без ехидства сообщает его биограф¹².

Двадцать веселых молодых брюссельцев — художников, музыкантов, поэтов и просто любителей искусства, среди которых были военные, юристы, издатели

¹¹ H. Lieberecht. Op. cit., p. 10.

¹² Ch. Potvin. Op. cit., p. 5.

и один столяр, на досуге занимавшийся игрой на трубе, — поставили себе целью знакомство с произведениями великих писателей и поощрение собственных литературных опытов. Каждую неделю «Весельчаки» собирались за круглым столом и при свете свечей по очереди читали свои сочинения, а потом обсуждали их. Суд друзей был суровым и нелюдским. Произведения, удостоенные похвалы, помещались в рукописный «Журнал», выходящий один раз в неделю в одном экземпляре. Произведения, отвергнутые критиками, отправлялись в архив¹³.

В 40-е—50-е годы XIX века бельгийская литература еще не была самостоятельна, она находилась под сильным влиянием европейского, главным образом французского, романтизма. Романтически были настроены и «Весельчаки». Как истый романтик выступал на литературных собраниях кружка и Шарль Де Костер. «Весельчакам» нравилась его богатая фантазия, но они находили, что ему «не хватает глубины». Товарищи не щадили его самолюбия. «На полях его рукописей часто встречаются пометы: „банально“, „тривиально“, „больше поэтичности и изящества формы“, — пишет Л.-Л. Соссе, изучивший все десять томов «Общества весельчаков»¹⁴.

Однако экзотическая новелла Де Костера «Мухамед», носившая подзаголовок «восточная сказка» и написанная под воздействием Шатобриана, привела «Весельчаков» в восхищение. В 1848 г. она попала

¹³ В Брюссельской Королевской библиотеке хранятся 6 томов «Журнала» и 4 тома архива «Весельчаков».

¹⁴ L.-L. Sosset. Introduction a l'oeuvre de Charles De Coster. Bruxelles, 1957, p. 16.

в «Журнал», а затем и в печать. Это было первое печатное произведение начинающего автора.

По мнению Соссе, в ранних опытах молодого Де Костера трудно угадать будущего автора «Легенды об Уленшпигеле». «Но среди банальных стихотворений и посредственных новелл были однако и такие, — пишет Соссе, — которые заслуживают внимания. Так, в новелле „Да будет год благоприятным“ (тоже восточной повести. — М. Ч.) попадаются страницы, своим наивным, простодушным тоном предвещающие „Фламандские легенды“»¹⁵.

«Весельчаки» занимались не только литературой. Они увлекались театром и часто ставили любительские спектакли. Они сами сочиняли пьесы и музыку, сами писали декорации и шили костюмы и, конечно, сами играли на сцене. Пьесы для театра писал и Шарль Де Костер, мечтавший стать драматургом. Добропорядочная публика, состоявшая главным образом из родственников «Весельчаков», иногда бывала шокирована слишком вольным текстом, звучащим со сцены, а порой — и смелостью костюмов. Когда родственники начинали уж очень сердиться и в зрительном зале поднимался шум, к рампе подходил режиссер спектакля и торжественным, скорбным тоном заявлял, что «Весельчаки», «побежденные буржуазными предрассудками, согласны смягчить дерзость своего произведения»¹⁶. Занавес падал, и спектакль прекращался под гул возмущенной публики. Так молодые литераторы выражали свое презрение филистерам и мещанам.

¹⁵ Там же, стр. 15.

¹⁶ См.: H. Fierens-Gevaert. Figures et cités de Belgique, Bruxelles, 1907, p. 7.

Летом друзья совершали поездки по Бельгии, изучали родную страну. В этих поездках принимал участие и Шарль Де Костер. Веселый и общительный, он всегда был желанным членом кружка, где мальчишеские дурачества и состязания в остроумии чередовались с серьезными занятиями. Но, если для большинства «Весельчаков» пребывание в содружестве стало в конце концов лишь предлогом для совместных развлечений, для Шарля Де Костера оно было школой мастерства. Чем старше он становился, тем серьезнее относился к своему призванию. Большим событием в его жизни был вечер, когда присутствовавший на собрании «Общества весельчаков» глава либеральной партии «папаша Дефакс», выслушав его стихотворение «Собаки», содержащее элементы социальной критики в духе Жорж Санд и Гюго, назвал Де Костера «настоящим поэтом». Окрыленный признанием авторитетного для него лица, Де Костер записал в своем дневнике: «Поэт! какое прекрасное имя! Заслужу ли я его?.. О тщеславие! Какие только мечтания не родишь ты! Смогу ли я осуществить их? Но я буду работать. Работа меня далеко поведет. Клянусь, я буду работать!»¹⁷

Служба в банке уже стала несовместима с поэзией. «23 ноября 1850 года я подал в «Société Générale» прошение об увольнении меня из банка, — этой фразой начинается одна из уцелевших страниц дневника Де Костера, датированная 1 января 1851 г. — Жизнь служащего мне ни под каким видом не подходила»¹⁸.

Он чувствовал пробелы в своем образовании и

¹⁷ См. Ch. Potvin. Op. cit., p. 6.

¹⁸ См. там же, стр. 4.

решил учиться. Граф д'Аржанто рекомендовал ему поступить в старинный Лувенский университет, где ему была обеспечена высокая протекция крестного отца. Но очагу тогдашней католической реакции Де Костер предпочел недавно созданный (1834) Новый Брюссельский университет, манивший его своей атмосферой вольнодумия. Отношения с архиепископом ухудшились.

В конце 1850 г. Шарль де Костер поступил в Брюссельский университет на факультет литературы и философии. Он не был примерным студентом. Университетские занятия не увлекали его, к тому же его постоянно тревожила мысль, что они отнимают у него время от единственного дела, которому он мечтал посвятить себя целиком. Исключением был курс лекций по истории Нидерландской революции XVI в., который с блеском читал профессор Альтмейер¹⁹. Лекции этого талантливого преподавателя всегда собирали многочисленную студенческую аудиторию. Как и большинство его передовых современников, Шарль Де Костер живо интересовался героическим и бурным периодом истории Фландрии XVI в. Это было естественно в условиях патриотического подъема, который испытывала Бельгия, так недавно освободившаяся от господства Голландии в результате революции 1830 г. Следы внимательного изучения лекций Альтмейера, который сыграл заметную роль в умственном развитии Де Костера, равно как и вышедшего немного позже классического труда американского историка Мотли «История Нидерландской революции и основания рес-

¹⁹ Альтмейера высоко ценил Маркс, подаривший ему один из первых экземпляров «Капитала». См. «Revue de l'Université de Bruxelles», 1968, octobre—décembre. № 1, p. 9.

публики Соединенных провинций» (1856), можно найти и в новелле «Сметсе Смее», и в «Легенде об Уленшпигеле».

Студенческие годы Шарля Де Костера были богаты новыми встречами и дружескими связями. Через Фелисьена Ропса, своего будущего иллюстратора, вступившего в 1851 г. в «Общество весельчаков», Де Костер сблизился с кругом художников, из которых вышли затем крупные деятели бельгийской культуры. Особенно тесная дружба связывала его с художником Адольфом Дилленсом и скульптором Шарлем Самюэлем. Веселой гурьбой вместе ездили за город, устраивали пикники, ели блины, пили пиво в дешевых кабаках, о которых с таким смаком рассказал Де Костер во «Фламандских легендах» и в «Легенде об Уленшпигеле», наблюдали, как веселится народ. «Мы приехали и стали держать между собою совет: что будем делать? — писал Шарль Де Костер Элизе из Гента, куда он попал в карнавальную ночь уже по окончании университета вместе с Дилленсом и другими художниками. — Смотреть на народ, только на народ. Буржуа повсюду одинаков. Итак, будем смотреть на народ!» (№ 146, стр. 203)²⁰.

Помимо «Общества весельчаков» (из которого он вышел в 1853 г.) Де Костер посещал студенческий литературный кружок «Лотокло». Пытаясь заработать на

²⁰ Письма к Элизе мы будем обозначать номерами и страницами по изданию Ш. Потвена. Де Костер не датировал своих писем. Ш. Потвен расположил их по годам в условном порядке, исходя из содержания, рода бумаги, цвета чернил и т. д. Неизданные же письма, цитируемые другими биографами, будем огораживать особо.

жизнь, он выступал под разными псевдонимами с маленькими рассказами, сказками, стихами и заметками в газетах и журналах — иногда в журнальчиках-однодневках, написанных от руки, — эфемерных изданиях, которые возникали так же внезапно, как исчезали. Не все напечатанное Де Костером в ту пору собрано: кое-что затерялось в периодической прессе²¹. Правда, он больше писал, чем печатал. Всегда недовольный собой он уничтожал большую часть написанного им.

В последние годы учения в университете Де Костер принялся писать александрийским стихом пятиактную историческую драму «Кресценций», которой придавал большое значение. Примечателен выбор героя-тираноборца. Кресценций, римский патриот, выступивший в X в. против германского владычества в Италии, пытался установить на родине республику, но был обезглавлен германским императором Оттоном III. В этот исторический сюжет Де Костер ввел легендарную фигуру жены Кресценция, Стефании, героически отмстившей императору за гибель своего мужа. Занятый подготовкой к дипломным экзаменам, Де Костер забросил работу над «Кресценцием». Лишь незадолго до своей кончины он возвратился к любимому детищу своей молодости и попытался переделать драму, дав ей новое название «Стефания»²².

²¹ См. «Revue de l'Université de Bruxelles», 1968, octobre—décembre, № 1, p. 11.

²² Только перед первой мировой войной рукопись «Стефании», датированная 1878 г., была найдена в бумагах друга Де Костера, Г. Дениса. В 1927 г. критик К. Гюисманс, бывший тогда министром наук и искусств Бельгии, опубликовал эту драму в ее окончательном варианте.

*

В 1851 г., когда Де Костер был студентом первого курса, он встретил Элизу Спрёйт. Ей было девятнадцать лет, ему — двадцать четыре. Под впечатлением этой встречи он написал в том же году стихотворение «Love»²³ и романтическую повесть «Силуэт влюбленного», в которой под именами Рене и Люси вывел себя и Элизу. Любовь к Элизе оставила глубокий след в его жизни и творчестве. «Нет у меня произведения, где бы я не набросал твой портрет», — писал он ей позднее (№ 67, стр. 142). Через несколько лет после того, как они расстались, он запечатлел черты Элизы, бывшей для него воплощением женской прелести и обаяния, в образе нежной Неле, подруги Тиля Уленшпигеля.

Отец Элизы — чиновник, занимавший видный пост секретаря брюссельского торгового суда, — не мог быть доволен поклонником дочери, не имевшим ни состояния, ни положения в обществе. Молодые люди вынуждены были видеться тайком. Но они часто писали друг другу. Письма к Элизе читаются, как лирическая повесть о возвышенной любви, обреченной на страдания и неудачу. В этих письмах — единственных, сохранившихся из переписки Шарля Де Костера, — отчетливо виден образ человека с восторженной и мечтательной душой, но с твердою волей и ясно осознанной жизненной целью.

Переписка между Де Костером и Элизой длилась восемь лет (1851—1858), пока длился их роман. Это

²³ Любовь (англ.).

были годы формирования писателя, годы подготовки его первой книги, когда, расставаясь со своими юношескими вдохновениями, он освобождался от чужих влияний, от многословия, риторичности, романтических штампов. «Я из тех, кто умеет ждать. Здесь не знают, как долго должен трудиться тот, кто хочет переделать весь свой способ мышления, кто стремится выйти на хорошую, верную, настоящую дорогу, избавиться от подражания, быть самобытным наконец!» — писал он Элизе перед выходом «Фламандских легенд» (№ 109, стр. 173—174).

Шарль Де Костер посвящал ее в свои писательские планы и замыслы, спрашивал, какого она мнения о его работах, восхищался благотворным влиянием любви на его талант: «Когда ты сравнишь написанное мною раньше с тем, что я скоро дам тебе прочитать, ты увидишь, как за это время развился мой ум. Я чувствую сейчас, что моя жизнь стала глубже. Моя мысль стала шире...» (№ 2, стр. 90—91).

В письмах Де Костера постоянно звучали отголоски его чтений. Он делился с Элизой своими суждениями о литературе, порой противореча себе, но всегда с полной свободой и непринужденностью. Он не жаловал поэтов французского классицизма XVII в.: о Корнеле и Расине говорил, что они «влезли на высокие ходули» (№ 28, стр. 113), а Буало обозвал «бессердечным кретином»²⁴. Исключение он делал только для

²⁴ Слова Де Костера о Буало Ш. Потвен выпустил из письма № 28. Эти слова приводит в своей книге Й. Хансе (указ. соч., стр. 12), причем добавляет: «Однако у этого „кретина“ Де Костер почерпнул правило, которое любил напоминать «Весельчакам»

Мольера: «Единственный человек, которого я люблю во Франции, — уверял он Элизу в том же письме — это Мольер. И это все. Остальных я изучаю». Однако такое решительное заявление вовсе не значило, что Де Костер не любил других французских писателей. По свидетельству И. Хансе, в других письмах он находил слова уважения для Мюссе, А. Карра, Бальзака, Поля-Луи Курье, Монтэня и Рабле²⁵. Особенно высоко Де Костер ставил Гюго. Много лет спустя он писал в журнале «Précurseur»: «Гюго — гениальный человек. Я им восхищаюсь и люблю его со всеми его странными причудами»²⁶.

Не менее горячо, чем Гюго, Де Костер почитал Жорж Санд. Она была ему особенно близка, и он часто упоминает ее имя в своих письмах. Он советует Элизе прочитать «Жанну» — «один из самых прелестных романов Жорж Санд» (№ 25, стр. 110). По поводу какого-то романа, который его привел в раздражение, потому что в нем дурно говорится о женщинах, он пишет: «Только одна Жорж Санд хорошо говорит о них, хоть и слишком многословно» (№ 38, стр. 119). Отзвуки проповеди Жорж Санд слышались и в тех письмах Де Костера, в которых он рисовал своей по-

в своих докладах и которого сам строго придерживался:

Отделяйте стих, не ведая покоя,
Шлифуйте, чистите, пока терпенье есть:
Добавьте две строки и вычеркните шесть».
(Перевод Э. Л. Линецкой).

²⁵ Там же, стр. 8—9.

²⁶ См. там же, стр. 18.

друге счастливые картины их будущей семейной жизни: «Я никогда не буду твоим супругом, иначе говоря, не буду твоим господином, грубым животным, деспотом. Я буду твоим возлюбленным, братом, отцом — всеми вместе» (№ 30, стр. 114—115).

Де Костер очень любил Шиллера и Гофмана. И даже, когда он писал о своей любви к ним, он не забывал подчеркнуть, что Жорж Санд ему не менее дорога. «Знаешь, что я хочу тебе сказать: я питаю страсть к немецким писателям и к Жорж Санд»²⁷. Особенной притягательной силой обладал для него демократизм французской писательницы. Он ссылается на такие романы Жорж Санд, как «Орас», «Странствующий подмастерье», «Грех г-на Антуана», чтобы найти подтверждение своим собственным демократическим симпатиям: «Прочитав эти романы, светские люди говорят: „О, Жорж Санд идеализирует рабочих, они совсем не такие!“ Ну и пусть говорят. Ведь ошибаются они, а не Жорж Санд. Одна она права. Если хотят еще отыскать душевный жар, энтузиазм, молодость, силу, то лишь в людях с мозолистыми руками и одетых в рабочие блузы» (№ 64, стр. 139).

Иногда Де Костер отчитывался перед Элизой, как он провел день, как трудился вечером. «Сегодня вечером я опять пересматривал первые 80 страниц „Галевина“... Есть еще длинноты» (№ 115, стр. 178). Трудиться для него было страстной потребностью. Тщательно работая над своими произведениями, он не уставал их поправлять, шлифовать, искать нужное слово. Он бывал к себе беспощаден: «Вчера вечером меня немного лихорадило. Что за беда! Если так

²⁷ См. там же, стр. 6.

нужно, я согласен заболеть, лишь бы удалась моя вещь. Вылечиться успею потом. Завтра, а может быть и послезавтра я должен еще поработать над „Галевинном“. Сегодня вечером я не был достаточно строг к себе: позволил себе поддаться волнению даже до слез. Словно я читал что-то чужое. Завтра надо быть холоднее. Я должен стать грозным судьей себе самому» (№ 116, стр. 178).

В письмах Де Костера проявилась его сложная, на первый взгляд противоречивая, но удивительно цельная натура. Он открывался Элизе в неожиданной особенности своего душевного склада. Этот человек, так любивший юмор и шутку, создавший одного из самых веселых в мировой литературе героев, был меланхоликом. «В глубине моей души таится вечная грусть. Я от природы грустен» (№ 145, стр. 201). Больше того. «Я не так сильно люблю тебя, когда я весел», — признавался он Элизе (№ 29, стр. 113—114). В литературе о Де Костере эту черту его характера объясняют обычно его неприкаянной, неустроенной жизнью. «Неудачи и вечные лишения наложили отпечаток горечи на душу Костера и придали меланхолический оттенок его произведениям», — писала в своей статье «Старшие и одинокие в новой бельгийской литературе» М. В. Веселовская, принадлежавшая к числу тех немногих русских критиков, которые еще до революции познакомили русских читателей с Шарлем Де Костером²⁸. Однако такое объяснение верно лишь отчасти. В ту пору, когда Де Костер переписывался с Элизой, он был полон неистраченных сил и молодой веры в будущее. Он писал,

²⁸ «Голос минувшего», 1913, № 9, стр. 13.

путешествовал, увлекался историей, был окружен друзьями, пламенно любил. И все-таки: «Иногда в разгар веселья мне хочется плакать, — пишет он Элизе. — Как часто я ловлю себя на том, что, находясь в кругу друзей, я становлюсь молчаливым, а если и произношу изредка что-нибудь, то глупость» (№ 37, стр. 118—119).

Вечная грусть, владевшая Де Костером, была грустью человека, который любит жизнь, мечтает, чтобы она была прекрасна, и томится сознанием ее несовершенства. Повседневная действительность его ужасает: «Все плоское, вульгарное, пошлое не только задевает меня, но причиняет страдания» (№ 37, стр. 118). Глубокие размышления рождают грусть, — так думает Шарль Де Костер, и он горько сетует на обостренную силу своей аналитической мысли: «Какое это несчастье — слишком много думать, какое большое несчастье! Всегда стремиться проникнуть в сущность вещей, анализировать характеры, подобно хирургу, вскрывающему труп. Ах, блаженны те, кто не думают!» (№ 66, стр. 141).

Шарль Де Костер мечтал, чтобы Элиза поверяла ему все свои мысли и чувства, мечтал жить жизнью ее души. Но они были слишком разные люди. Она требовала, чтобы он был веселее. «Я постараюсь выполнить твое приказание, я всегда буду веселым», — писал он ей (№ 104, стр. 170), но хотел, чтобы она была более серьезной. Очевидно Элиза не до конца понимала его. Попеременно с восторгами и упованиями в его письмах звучат тоскливые жалобы и упреки. Между ними происходили размолвки, иногда даже крупные ссоры. По поводу одной такой ссоры Феликс Тейес, товарищ Де Костера по университету, написал Элизе

письмо, в котором дал своему другу удивительно проницательную характеристику²⁹.

«У Шарля добрый благородный характер, у него сильная натура, способная понимать и совершать прекрасные и великие поступки. Но ему не хватает некоторых маленьких буржуазных добродетелей. На них в нашем возрасте обращают мало внимания, однако они являются прочной порукой благоразумия. Шарль не живет согласно общепринятым правилам: в иных случаях слишком подчиняется своей фантазии, в других — впечатлениям минуты; он мало понимает в практической жизни; порывы воображения увлекают его за пределы реального и возможного, и тогда зачастую он создает себе муки, от которых сам же страдает!»³⁰

И дальше в том же письме Феликс Тейес заключает: «Сердечное спокойствие, без которого нет настоящего счастья, способны дать ему лишь вы, мадемуазель!.. Будьте же для Шарля не только обожаемой женщиной, будьте для него Музой, которая вдохновляет, ангелом, который советует и поддерживает...»³¹

Элиза иногда переписывала его рукописи, но очевидно не очень интересовалась его творчеством. «Смотри, я рассержусь на тебя! Почему ты не говоришь мне, что ты думаешь о моей легенде? — с обидой спрашивал он, дав прочитать ей „Братство Толстой морды“. — Нравится ли она тебе? скажи. Если не нравится, тоже скажи...» (№ 101, стр. 167). В конце письма он вновь

²⁹ «О разительном сходстве этого духовного портрета, — писал историк бельгийского искусства Г. Фиренс-Геварт, — говорили все старые друзья Де Костера, которых я опросил» (H. Fierens-Gevaert. Op. cit., p. 9).

³⁰ См. H. Lieberecht. Op. cit., p. 14.

³¹ См. Ch. Potvin. Op. cit., p. 20.

обращается к этой же теме. «Я не жалею и не упрекаю тебя, но я ожидал от тебя меньше равнодушия и больше откровенности» (стр. 167—168). Когда же «Фламандские легенды» вышли отдельным сборником, он с еще большей душевной болью писал ей: «Книга, которую я вам передал, — самое светлое и радостное отражение моей любви к вам. Так в каком же уголке вашего сознания она дремлет сном забвения?»³²

В конце концов наступила развязка. Поэтическая любовь кончилась разрывом. Они расстались, обливаясь слезами. Предполагают, что главной причиной разрыва было несогласие отца Элизы на ее брак с Де Костером. Элиза через двенадцать лет умерла от чахотки, а Де Костер всю жизнь ее помнил и о ней тосковал.

*

В 1855 г. Шарль Де Костер кончил университет со званием кандидата литературы и философии. Университетский диплом давал ему право работать учителем в школе. Но он не чувствовал склонности к педагогике. «Неужто я буду забивать головы ни в чем неповинным детям латынью и греческим», — писал он Элизе (№ 72, стр. 145).

Однако рассчитывать на свое перо в тогдашней Бельгии, где литературой мало интересовались, было трудно. Работа в журналах очень плохо или почти совсем не оплачивалась. В конце концов Де Костер вынужден был обратиться к своему крестному отцу. Архиепископ при содействии своей сестры нашел для него выгодную должность коммивояжера французской фирмы, занимавшейся экспортом вин. Но упрямец-

³² См. J. Hansse. Op. cit., p. 12.

крестник, в свое время отказавшийся от духовной карьеры, и на этот раз воспротивился воле архиепископа. «Я не хочу кончать подобным образом», — так объяснял он Элизе свой отказ от обещанного благополучия (№ 97, стр. 166). После этого ни архиепископ, ни его сестра больше не вмешивались в жизнь Де Костера. «Как хорошо, как прекрасно, когда человек горд и свободен, даже если он остается бедняком», — этими словами он как бы определил и свой собственный жизненный путь (№ 138, стр. 194).

*

В 1856 г. в Брюсселе начал выходить еженедельный журнал «Уленшпигель». Первый номер еженедельника, имевшего подзаголовок «Журнал художественных и литературных забав», был украшен виньеткой, которая изображала смеющегося Тиля Уленшпигеля, легендарного персонажа народной фламандской книги, жившего, по преданию, в XIV в. В журнале работала одна молодёжь. Фелисьену Ропсу, душе и заправиле журнала, было двадцать два года, его сотрудникам — немногим более. Ропс привлек к участию в журнале и Шарля Де Костера. «Простой случай свел его лицом к лицу со своим будущим героем, с тем, кто впоследствии воплотил дух народной Фландрии», — писал в своем известном очерке «Уленшпигель» (1926) Ромен Роллан³³.

Сотрудничество в «Уленшпигеле» (1856—1864) не только натолкнуло Де Костера на мысль о выборе героя для своего знаменитого произведения, но оказало большое влияние на формирование его общественно-по-

³³ Р. Роллан. Собрание сочинений, т. XIV. М., 1958, стр. 518.

литического радикализма. Этому способствовала и общественная обстановка, сложившаяся в те годы в Бельгии.

В 50-е—60-е годы особую роль в культурной жизни Бельгии играли французские республиканцы, противники Наполеона III, покинувшие Францию после государственного переворота 1851 г. Найдя убежище в Бельгии, многие из них сотрудничали в бельгийских журналах, читали публичные лекции, преподавали в учебных заведениях. Они вносили оживление в общественную атмосферу Бельгии. «Надо отдать справедливость Э. Дешанелю, он первый, быть может, расшевелил инертность нашей публики своими лекциями в Брюсселе, Генте и других городах», — писал Фиренс-Геварт⁸⁴ об известном французском ученом, профессоре литературы в Сорбонне, жившем в Бельгии с 1851 г. Эмиль Дешанель был также и первым, кто откликнулся в бельгийской печати на «Фламандские легенды».

По свидетельству его биографов, Де Костер еще со студенческих лет встречался с эмигрантами — не только с французскими революционно-демократическими деятелями, но и с борцами за независимость Польши и Венгрии и со сторонниками объединения Италии. Он встречался и с либералами и выступал у них на собраниях с чтением своих произведений.

В конце 50-х и начале 60-х годов в Бельгии обострилась политическая борьба. Клерикальная реакция усилилась настолько, что перешла в открытое наступление против основных конституционных свобод — свободы слова и печати. Духовенство, имевшее большой вес в стране, нападало на свободное преподавание в университетах, как на несовместимое с доктринами католиче-

⁸⁴ Н. Fierens - Gevaert. Op. cit., p. 25.

ской церкви. Католическая партия требовала расширения влияния духовенства на дело народного образования.

В это время от либеральной партии, стоявшей у власти, отделилось ее радикальное крыло, известное под именем «молодого либерализма». «Молодые либералы», или «прогрессисты», как их еще называли, резко полемизировали со старыми умеренными либералами и, противопоставляя им свой непримиримый антиклерикализм, решительно отстаивали демократические права бельгийского народа.

В эти годы обострилась и классовая борьба в Бельгии. В апреле и мае 1861 г. начались массовые забастовки рабочих ткацкой промышленности. Борьба рабочих за свои права привлекла к ним симпатии демократически настроенной интеллигенции.

В такой обстановке политических и классовых схваток «Уленшпигель», объявивший сначала о своем безразличии к политическим и религиозным вопросам, круто меняет свой курс и с 60-х годов становится боевым органом молодых либералов, а Шарль Де Костер — выразителем их идей. Свою политическую программу журнал изложил так: «Если нужно объявить наши принципы, мы это сделаем коротко. Ни боги, ни святые, ни папы, ни государи, ни императоры, ни короли ни сейчас и никогда впредь не будут нашими друзьями»³⁵.

Почти все политические статьи в журнале принадлежали Де Костеру. В этих статьях во всей силе проявился его талант публициста. «Несмотря на свои скромные, изысканно-вежливые манеры, он обладал темпераментом политического бойца», — писал К. Гюис-

³⁵ См. L.-L. Sossset. Introduction a l'oeuvre de Charles De Coster, p. 34.

манс³⁶. Энергия Де Костера была удивительна: принимая участие в повседневной политической борьбе, он печатался почти в каждом номере. С 21 октября 1860 г. по 11 августа 1861 г. он поместил в «Уленшпигеле» под псевдонимом Карел около 60 статей.

В этих живых и остроумных памфлетах он выступал от имени легендарного Уленшпигеля («Уленшпигель хмурится», «Уленшпигель еще больше хмурится»), который, то смеясь и шутя, то возмущаясь и негодуя, откликался на все злободневные события, происходившие в Бельгии. Де Костер защищал бастующих рабочих, занимался вопросами заработной платы, писал о мытарствах безработных, ядовито и зло высмеивал католическое духовенство, которое называл «язвой общества». Не прошел Де Костер и мимо движения так называемых «фламинганов». Он горячо поддерживал фламандцев, добивавшихся прав для своего языка, который считался «мужицким» в стране, где господствующим языком был французский. Но, сочувствуя всею душой фламандцам, Де Костер в то же время призывал их к единению и дружбе с франкоязычными валлонами: «Фламандцы, — обращался к ним с трибуны журнала писатель, — будем помнить, что валлоны — наши братья, они, как и мы, трудолюбивы, изобретательны, искусны в работе и в час битвы будут драться как львы!»³⁷

С таким же страстным интересом он следил за политической жизнью Европы. Борец против деспотизма, Де Костер не уставал бичевать своих злейших врагов: Наполеона III, могильщика французской республики,

³⁶ C. Huysmans e. Le Roman d'Ulenspiegel et le Roman de Charles De Costet. Bruxelles, 1960, p. 36.

³⁷ «Charles De Coster journaliste» [C. Huysmans éditeur]. Bruxelles. 1959, p. 72.

папу римского и центр католической реакции — Испанию. Особенное сочувствие вызывало в нем национально-освободительное движение угнетенных народов. Он посвятил много статей Польше, Ирландии, Австро-Венгрии и Италии. Он восторженно приветствовал Гарибальди, вождя итальянской революции, «героя такой неподкупной честности, какого не знала даже античность»³⁸. С надеждой и верой в будущее он писал, что вслед за Гарибальди «поднимается Венгрия, возрождается Польша»³⁹. Его не покидало революционное ощущение эпохи: «Лютер, Кальвин, Эразм, Марникс, Вольтер, Жан-Жак, люди 89 года, 93 и 48 годов, — каждый посеял зерно, и вот везде ожидаются всходы и готовится сбор урожая»⁴⁰.

Публицистика Де Костера была тесно связана с его художественным творчеством. «В течение четырех лет созревала идея, заложенная в самом слове „Уленшпигель“, и образ гнома, „смеющегося во всю глотку“, которого на глазах у Де Костера рисовал Ропс, обретал плоть и человеческие черты»⁴¹.

Журнал сыграл большую роль в литературной жизни Де Костера. Там печатались первые отрывки из «Легенды об Уленшпигеле». А еще раньше в журнале появились две новеллы, вошедшие потом в сборник «Фламандские легенды».

*

Заканчивая в 1857 г. работу над «Фламандскими легендами», Де Костер в одном из писем к Элизе писал:

³⁸ «Charles De Coster journaliste», p. 23.

³⁹ Там же, стр. 69.

⁴⁰ Там же, стр. 70.

⁴¹ Р. Р о л л а н. Указ. соч., т. XIV, стр. 518.

«Ты спрашиваешь, работаю ли я и счастлив ли я. Моя жизнь все та же. Мне беспрестанно твердят о службе, о должности, о нищете, и каждое слово тяжким камнем ложится мне на сердце. Хотя теперь не время отчаиваться, жизнь на каждом шагу мне приносит страдания. Моя книга останется для меня воспоминанием о моей молодости, моих иллюзиях, восторгах и вере в будущее. Синие птицы улетели, наступил час ворон» (№ 134, стр. 190—191).

«Быть может в этой книге моя слава, быть может она создаст мне имя, — писал он в другом письме Элизе. — Я заранее принимаю все. Единственная моя надежда на то, что это смело и ново» (№ 121, стр. 181).

Де Костер прекрасно понимал значение своей книги. Это было произведение, проникнутое духом народа Фландрии. В ту пору, когда книжный рынок Бельгии был завален ремесленными французскими поделками и в театрах ставились только французские пьесы не первого сорта, главной задачей, стоявшей перед бельгийским обществом, было создание своей национальной литературы. Путь к самобытной литературе, к освобождению от чужих влияний Де Костер видел в обращении к народному творчеству, в пристальном изучении жизни народа и его истории.

«Четыре фламандские легенды построены на материале, почерпнутом исключительно из фландрского и брабантского фольклора, — писал о первой книге Де Костера бельгийский научный журнал «Брабантский фольклор» в специальном номере, посвященном столетию со дня рождения писателя. — Эти легенды и сейчас еще хорошо известны нашему народу, и хотя литература, музыка и даже театр часто ими пользуются и переносят их из сферы фольклора в область изящных искусств,

они все еще продолжают жить в устной народной традиции»⁴².

Но беря из фольклора сюжетную канву, Шарль Де Костер творчески вольно преображал материал старинных легенд. Он углублял и расширял их содержание, вводил новые эпизоды, новые персонажи и — что самое важное, — наделяя традиционные, несколько условные образы фольклорных героев чертами национального характера, придавал им жизненную окраску.

«Мне нравятся эти фантазии, на которые у нас часто нападают. Я люблю погружаться в этот странный мир... — писал Де Костер Элизе. — В этом жанре можно создавать живые характеры, образы живых людей, показывать их здравый смысл и самому его проявлять» (№ 124, стр. 183).

Сказочный мир народных преданий выступает во «Фламандских легендах» на фоне реальной действительности. Бытовые подробности, переплетаясь с фольклорной фантастикой, создают яркое, зримое представление о повседневной жизни народа. Четыре новеллы, вошедшие в сборник, разнородны по содержанию и настроению. Но художник в каждой из них с любовью и живым пониманием проникает в национальную жизнь народа и раскрывает его взгляд на мир.

Особую оригинальность «Фламандским легендам» придавало то, что они были написаны на архаическом французском языке XVI в. Этому языку Де Костер учился у Монтеня и Рабле. Эмиль Дешанель, который познакомился с книгой еще в корректуре, написал о ней восторженную статью (эта статья вошла потом в каче-

⁴² «Le Folklore brabançon», 1927, № 37—38, août—octobre, p. 72.

стве предисловия в первое и некоторые другие издания «Фламандских легенд»). Авторитетный ученый критик, не колеблясь, заявил, что «старинный» французский язык удался Де Костеру несравненно больше, чем Бальзаку в его «Озорных сказках», и что иные страницы «Фламандских легенд» не могли быть лучше написаны ни Монтенем, ни Рабле. В то же время легенды Де Костера настолько сохраняют колорит родной земли, что «если бы их перевели на фламандский язык, их, несомненно, приняли бы за оригинал»⁴³.

Высоко оценил Дешанель и точное видение эпохи, которое обнаружил Де Костер, рисуя психологию своих героев: «Он изобразил средневековье, каким оно было на самом деле: грубым, суровым, меланхоличным, лукавым и в то же время детски простодушным. Он не приписал своим персонажам ни одной мысли, ни одного инстинкта, ни одного чувства, которые бы им не были свойственны»⁴⁴.

Все же Дешанель советовал Де Костеру в дальнейшем пользоваться современным французским языком. Но Де Костер не свернул со своего пути и главную книгу своей жизни написал тем же архаизированным языком (хотя и менее архаизированным, чем «Фламандские легенды»).

Тонкая стилизация архаического языка нужна была Де Костеру для воспроизведения народной речи. Вот как он сам об этом писал в неизданном наброске своей публичной лекции о языке: «Французский язык XVI и начала XVII века — это богатая палитра, на которой

⁴³ Emile Deschanel. Préface in: Charles De Coster. Légendes flamandes. Paris, 1858, p. IV.

⁴⁴ Там же, стр. III.

в изобилии встречаются народные слова — грубые, иногда топорные, но всегда крепкие, полновесные, звучные, прекрасно передающие мысль художника. Язвительный, лукавый, раскатистый смех народа, его поговорки и пословицы, большей частью такие правдивые, занимают на этой палитре первое место»⁴⁵. Кроме того Де Костер находил, что на этот язык восхитительно «переводятся» непереводимые выражения фламандского языка.

Язык «Фламандских легенд» вобрал в себя несколько стилистических струй: от просторечия до канцеляризма XVI в. (*ledit, susdit, icelle* — названный, упомянутый, оный). Для того чтобы придать языку фламандскую окраску, Де Костер вводит в него фламандские слова (*bruinbier, baes* и т. д.). Делает он это скупно, но настойчиво. Герои «Фламандских легенд» иногда говорят книжным языком, иногда употребляют даже латынь, что придает их речи комический эффект. Простодушная жена кузнеца Сметсе Смее, и та упрекает мужа в том, что он хочет *gratis* (даром) получить жизненные блага. Сочетание народной речи со стилем книжной учености было характерно для языка Рабле.

Сборник «Фламандские легенды» складывался постепенно. Первой в 1856 г. (4 и 11 мая) в журнале «Уленшпигель» была напечатана легенда «Паломники Хакендовера», позднее вошедшая в сборник под названием «Бланка, Клара и Кандида». Потом в трех номерах того же года (27 июня, 3 и 10 августа) появилось «Братство Толстой морды». Прежде чем попасть в сборник, эта легенда вышла отдельным изданием. В примечании к ней Шарль Де Костер писал, что союз

⁴⁵ См. J. Hans e. Op. cit., p. 300—301.

женщин-лучниц, отважных героинь его рассказа, продолжает существовать и в его время: он сам видел, как в деревушке Сталле, неподалеку от Уккле, по установившемуся веками обычаю в назначенные дни собирались у кабачка женщины для упражнения в стрельбе из лука. О трактире «Охотничий рог» и о братстве Толстой морды Де Костер вспоминал потом и в «Легенде об Уленшпигеле» (кн. I, гл. 35).

Книжным источником для знакомства с этой легендой Де Костеру послужила лубочная брошюра, написанная, по его словам, на современном французском языке вперемежку с дурной латынью.

«Братство Толстой морды» — самая веселая новелла в сборнике. Полная добродушного здорового юмора, она очень близка к раблезианской традиции — как по языку и стилю, так и по ренессансному восприятию мира. Нарочитую простоту и наивность повествования Де Костер подчеркивает излюбленными приемами Рабле, высмеивающими средневековую схоластическую манеру писать ученые трактаты. С одной стороны — это ссылки на выдуманные псевдонаучные источники: «Так свершилось то, о чем писал ученый Фома из Клапперибуса в своей толстой книге „De Amore“, гл. VI, где говорится, что женщина сильнее, чем дьявол» (стр. 28). С другой стороны — это астрономические цифры, которые якобы придают правдоподобие какому-нибудь нелепому сравнению: «И в этом женском собрании было сказано свыше 577 849 002 слов, в коих содержалось не больше здравого смысла, чем старого вина в лягушечьем садке» (стр. 22—23).

В «Братстве Толстой морды», как в настоящей бурлеске, многое преувеличено и доведено чуть ли не до шаржа. Но за этим шаржем — живые люди средневеко-

вой деревни, которых Де Костер показал со всеми их суевериями, темнотой и предрассудками. Они верят в колдовство, в дьявола и смертельно боятся наказаний загробного мира. В то же время они наделены народным здравым смыслом, любят жизнь со всеми ее радостями, всегда готовы посмеяться, отпустить шутку и, завершив свой трудовой день, обильно поесть и попить.

Любовь к труду никогда не покидает их. Немаловажная подробность в новелле: славные жители Уккле, охваченные неудержимым пьянством, проводили все вечера в кабаке, но «самое удивительное, — замечает автор, — что несмотря на это, они день-деньской усердно трудились, всяк на своем месте: кто в мастерской, кто в поле, и все были ими довольны» (стр. 19).

Жанровые сцены, рисующие грубоватое веселье жизнерадостных толстяков, пирующих в трактире «Охотничий рог», заставляют вспомнить картины старых фламандских мастеров, которых внимательно и глубоко изучал Шарль Де Костер. Особенно был ему близок великий нидерландский художник XVI в. Питер Брейгель Старший, прозванный Мужичком. Грузные, неуклюжие Толстые морды словно сошли с его полотен «Крестьянский танец», «Деревенская свадьба», «Пиршество тучных».

На общем фоне невежественных жителей Уккле выделяется образ брюссельского повара Йоссе Картёйвелса. Он знает, кто такой Бахус, понимает толк в античности, умеет лечить людей и животных травами. Этот человек — предвестник эпохи Возрождения.

В забавное повествование о членах братства Толстой морды, потерпевших смешное поражение, проспав врага, вторгаются и трагические мотивы, тем более

страшные, что в них нет ничего житейски-необычного. Католическая церковь, всеми средствами борющаяся с ересью, отбрасывает зловещую тень на мирную жизнь бесхитростных укклейцев. Смертельно перепуганный, несчастный Питер Ганс, приютивший в зале для своих гостей статую Бахуса, ближе к костру, чем к кружке. Непримирым фанатик, — преподобный настоятель церкви в Уккле, «святой жизни человек», который требует казни Питеру Гансу, — фигура, ненавистная Шарлю Де Костеру. В ее изображение писатель вложил весь свой пыл антиклерикала. И хотя все кончается благополучно, и герцог дарует прощение Питеру Гансу, в финале не перестает звучать меланхолическая нота, которая слышалась в новелле и раньше.

«Бланка, Клара и Кандида», самая маленькая изящная новелла сборника, появилась в результате поездки Де Костера в местечко Хакендовер, куда съезжались верующие на пасху, чтобы излечиться от глазных болезней и привлечь благословение божье на домашних животных и на плоды земли. В первоначальном варианте новелла, печатавшаяся в «Уленшпигеле», состояла из трех частей. Первая называлась «Три девицы», вторая — «Паломники», третья — «Религиозная процессия». Первая часть, в которой собственно и рассказывалась легенда о трех сестрах, воздвигнувших в VII в. храм в Хакендове, опиралась на латинский текст 1472 г., записанный священником этой церкви⁴⁶. В двух других частях, помещенных в журнале в качестве приложения к легенде, Де Костер описывал на современном французском языке свои впечатления от поездки. Кстати, он пояснил здесь, почему он напи-

⁴⁶ См. «Le Folklore brabançon», 1927, № 37-38, p. 72.

сал свою легенду на архаическом французском языке. В храме он увидел деревянный алтарь. «Некий наивный верующий средних веков, — писал Де Костер, — вырезал из дуба персонажи и эпизоды легенды, которую я вам только что рассказал. Что касается меня, то если я попытался перевести ее на французский язык старого времени, то единственно для того, чтобы сделать рассказ более правдивым, а также в какой-то степени из любви к этому замечательному языку, с которым сегодня так ужасно обходятся»⁴⁷.

«Бланка, Клара и Кандида» — поэтическая легенда, выдержанная в благочестивом тоне, свойственном наивным религиозным представлениям средневекового человека, в сборнике стоит несколько особняком. По лукавому замечанию Соссе, «антиклерикализм Де Костера отступил перед красотой святой легенды»⁴⁸. Однако Соссе не совсем прав. При всей внешней безыскусственности этой новеллы, написанной в традиционной манере жития святых, она излучает тонкую, чуть ироническую улыбку свободомыслящего автора XIX в. Рассказчик не так прост, как хочет казаться. Он нежно любит свои трогательными, милыми героинями, немножко их жалеет и в то же время слегка посмеивается над ними.

Подчас в новелле звучит и прямой голос автора. Когда выяснилось, что Христос, работавший вместе с другими каменщиками на постройке церкви, ни в чем не нуждается и не страдает из-за нехватки денег, поэт, обременен-

⁴⁷ См. J. Hanse. Charles De Coster. — «Histoire illustrée des lettres françaises en Belgique». Bruxelles. 1958, p. 308.

⁴⁸ L.-L. Sosset. Introduction à l'oeuvre de Charles De Coster, p. 68.

ненный долгами, не преминул горестно вздохнуть: «это огорчение предоставлено нам, горемыкам, — жалким и от природы неимущим созданиям» (стр. 54). Но эта шутка так же, как и сознательный анахронизм, допущенный в новелле (в VII в. уже существуют рыцарские нравы и кавалеры поклоняются дамам), не нарушают ее цельности и пленительной простоты.

Сюжет «Сира Галевина» Де Костер нашел в последнюю минуту. «Мне не хватало одной легенды, чтобы мой сборник стал настоящим сборником. И вот я нашел эту легенду, — радостно сообщает он Элизе. — Поздравь меня, ее сюжет прекрасен! Достаточно хорошо обработать лишь один этот сюжет, чтобы создать себе имя. Он не издан и основан на фламандской народной балладе. Завтра я ее переведу, а в понедельник сажусь за легенду, я влюблен в нее!» (№ 111, стр. 175—176)⁴⁹. Потом он посвящает Элизу в метод своей работы. «Моя легенда по-прежнему мне не дается. Когда она окончательно сложится в моей голове, я примусь за дело, и она пойдет быстро. Это — статуя, готовая для литья. Я готовлю металл и литейную форму. До скорого литья!» (№ 113, стр. 177).

Народная песня о Галевине, принадлежавшая к циклу «убийц женщин» (*de tueurs des femmes*), была издавна

⁴⁹ Приводя в своей книге текст народной песни, послужившей источником для новеллы «Сир Галевин», Ш. Потвен писал: «Эта старинная народная песня была опубликована Виллемсом в *Oude Vlaamsche Liederen* (Гент, 1848) и Э. Де Куссемакером в *Chants populaires des Flamands de France* во французском переводе. Гент, 1856» (Ch. Potvin. *Op. cit.*, p. 9). Далее Потвен отмечал, что Шарль Де Костер, несомненно, не знал о французском переводе этой песни или же не принимал его во внимание (там же, стр. 9).

очень популярна в Бельгии. Хорошо известна она там и сейчас и часто служит сюжетом для драматургов.

«Сир Галевин» — одна из самых больших новелл сборника. По стилистическим приемам она очень близка к своему фольклорному источнику. Де Костер сохранил повторы, припевы, описания в виде вопросов и ответов. Но при сравнении со средневековой балладой, которая состоит из 38 коротких строф, особенно наглядно выступают широта и глубина замысла Де Костера.

Скупая сюжетная схема, обогащенная новыми образами и новыми ситуациями, наполнилась трагическим социальным содержанием. Едва намеченные контуры характеров приняли резкие точные очертания. Герой романтического повествования, насыщенного кровавой и дикой фантастикой, отличается всеми особенностями своевольного средневекового феодала. Он грабит подвластных ему крестьян, губит их дочерей, попирает права вольных горожан. Прекрасная благородная девушка Махтельт освобождает родной край от злодея. Но в роли грозного судьи, осудившего преступника на вечные муки, выступает таинственный дух природы — символика, сближающая «Сира Галевина» с «Легендой об Уленшпигеле», в которой нашла своеобразное преломление философия пантеизма.

Однако ближе всего к «Легенде об Уленшпигеле» — и по идее, и по тематике — четвертая, завершающая сборник новелла — «Сметсе Смее».

Новелла «Сметсе Смее» не имела прямого книжного источника. В основе ее лежал весьма распространенный сюжет многих средневековых фавлю о простом кузнеце, перехитрившем самого черта, а также — мотив исполнения трех желаний, часто встречающийся в народных сказках.

Эта новелла в еще большей мере, чем другие, насыщена реально-бытовым материалом, причудливо сочетающимся с фантастикой. Необычайные превратности судьбы кузнеца Сметсе происходят на фоне живых воспоминаний о залитой кровью Фландрии XVI в. Фольклорные образы сливаются здесь с историческими персонажами. Кузнец и его подмастерья, расправляясь с призрачными тенями инквизитора Гессельеа, герцога Альбы и Филиппа II, с документальной точностью перечисляют их преступления: грабежи, убийства, пытки, изуверские казни. Новелла, посвященная той же эпохе, что и «Легенда об Уленшпигеле», проникнута тем же чувством народного гнева против угнетателей.

Де Костер очень любил скромного героя своей новеллы: «Я работаю над Сметсе Смее и по возможности делаю его добрым малым», — писал он Элизе (№ 110, стр. 175).

Характер Сметсе Смее отличается реалистической полнотой. Забавный балагур, он дельный, искусный работник; хитроумный и ловкий, он в то же время простодушен и добр, всегда готов помочь в беде не только другу, но и врагу. Утеху и радость жизни он видит в труде, однако не прочь и повеселиться, приложившись к кружечке пива. Но самая главная его добродетель в том, что он в прошлом был гёз: он боролся за священное дело свободы совести. Неизвестно, какая беда заставила фольклорного кузнеца продать душу черту; Сметсе Де Костера потерял свою милую кузницу, потому что был реформат.

Сметсе Смее, показанный автором во всей привлекательности своего трудолюбия, человеческого достоинства и любви к свободе, воплощает в себе народное понимание нравственного идеала.

Новелла завершается сценой в раю. Вопреки обычным представлениям, праведники там трудятся и даже совершенствуются в своем ремесле. Поэтический образ Христа, молодого философа, окруженного мудрецами, которые размышляют, как лучше управлять людьми, чтобы сделать их счастливыми, выражает заветную народную мечту о справедливом устройстве жизни на земле. Однако радостное видение омрачается грустью: люди так глупы и жлы, что топчут ногами семена прекрасных и добрых мыслей, которые бросают в мир мудрые божьи советники. Тут мы слышим печальный голос самого автора, который всегда присутствует во «Фламандских легендах».

«Я немного боюсь за конец, — писал Де Костер Элизе, — мне он кажется слегка шаржированным» (№ 117, стр. 179). Дешанель, однако, находит концовку новеллы восхитительной: она неожиданна и оригинальна. Сметсе, несмотря на свой грех, получает дозволение войти в рай именно потому, что он избивал мерзкие призраки Гессельса, Альбы и Филиппа II. В этом заключается глубокий философский смысл: врата рая открываются тому, кто мстил за горе своего народа. Тема народного возмездия непосредственно подводит новеллу к «Легенде об Уленшпигеле».

*

«Фламандские легенды» оценили лишь немногие знатоки. Лучшие художники Бельгии, близкие друзья и защитники Де Костера, в том числе Ф. Ропс и А. Дилленс, иллюстрировали книгу своими офортами. Благодаря их хлопотам «Фламандские легенды» в 1861 г. вышли вторым изданием — событие небывалое для Бель-

гии, где литература с трудом пробивала себе дорогу в жизнь. Но читателя Шарль Де Костер не нашел. «... Публика не испытывала потребности добывать себе интеллектуальную пищу, которую не в состоянии была переварить», — с горечью писал К. Гюисманс. — Публика была консервативна, а духовенство бойкотировало тех, кто позволял себе свободно мыслить»⁵⁰. До широких кругов населения литература не доходила.

В 1861 г. Де Костер опубликовал свой второй сборник — «Брабантские рассказы». Часть этих рассказов, написанных современным французским языком, печаталась в «Уленшпигеле». Если «Фламандские легенды» были важной вехой на пути Де Костера вперед, то «Брабантские рассказы», сочетавшие в себе элементы туманного романтизма и символики с бытописанием, были оглядкой назад, прощанием с прошлым. Некоторые из этих рассказов создавались еще в период «Весельчаков» и только были обработаны заново для сборника.

В 1860 г. Де Костер поступил на работу в Брюссельский королевский архив. Старинные документы и хроники, которые он читал по обязанности секретаря, послужили ему дополнительным материалом для будущей эпопеи. Этот материал он собирал десять лет.

В 1864 г. Де Костер оставляет службу, чтобы без помехи работать над «Легендой об Уленшпигеле». Он расстаётся с нежно любимыми матерью и сестрой и селится в бедной квартирке в Исселе (предместье Брюсселя). Когда его спрашивали, зачем он это сделал, он отвечал: «Чтобы бороться. Надо бороться, чтобы творить»⁵¹. Начались годы сосредоточенной одинокой

⁵⁰ С. Huysmans. Op. cit., p. 37.

⁵¹ См. Н. Fierens-Gevaert. Op. cit., p. 13—14.

жизни и хронического безденежья. Он брался за всякую работу: был секретарем медицинского журнала, ездил по городам с публичными лекциями, давал уроки в частном институте. Все это — вместе с постоянной всепоглощающей работой над книгой, которая должна была стать национальным эпосом фламандского народа, восставшего против своих угнетателей, — подрывало здоровье Де Костера. Наконец 31 декабря 1867 г. его книга вышла в свет. «Историческое значение „Легенды об Уленшпигеле“ Шарля Де Костера огромно. Это произведение открыло бельгийцам новую родину, — писал Ромен Роллан. — От поэмы Шарля Де Костера произшла бельгийская литература»⁵².

Но за исключением старых друзей и немногих восторженных почитателей его таланта книгу Шарля Де Костера при его жизни не заметили. Дорогое великолепно иллюстрированное издание, вышедшее малым тиражом, расходилось очень медленно. Другое, более доступное для широкого читателя издание, появилось лишь через двадцать пять лет. Бедственное положение Шарля Де Костера не улучшилось.

В 1870 г. его пригласили преподавать всеобщую историю и французскую литературу во вновь открытую в Брюсселе военную школу. Известный бельгийский писатель Ж. Экауд, который учился в этой школе, оставил в своих воспоминаниях описание внешности Шарля Де Костера. Живой портрет, набросанный рукой бывшего ученика, интересен своей выразительной психологической характеристикой.

«Откинутые назад густые волосы открывали высокий лоб мыслителя. Нос с небольшой горбинкой отли-

⁵² Р. Р о л л а н. Указ. соч., т. XIV, стр. 517.

чался благородными и твердыми очертаниями. Глаза блестели умом и добротой. Он не носил бороды, но довольно густые усы придавали ему вид военного, противоречивший задумчивому и чуть печальному складу его губ»⁵³.

Преподавание в военной школе могло бы избавить Шарля Де Костера от нужды, если бы кредиторы не наложили арест на его жалованье. Силы его угасали. Но он не прекращал работать. В 1870 г. он опубликовал роман на современную тему «Свадебное путешествие». В романе есть блестящие страницы, меткие социально-психологические характеристики. Образ трактирщицы Розы, в которой скупость исказила естественные человеческие чувства, приближается к типу бальзаковских персонажей. В 1874 и 1878 гг. во французском журнале «Le Tour du monde» появились путевые очерки Шарля Де Костера «Зеландия». Вторая незаконченная часть этих очерков «Нидерланды» вышла уже после его смерти.

Шарль Де Костер умер 2 мая 1879 г. от туберкулеза и диабета, не дожив до пятидесяти двух лет. Незнакомый друг, случайно присутствовавший при его последних минутах, рассказал о нищенской обстановке, окружавшей больного писателя. За ним ходила бедная женщина с лицом, обезображенным волчанкой, которую он из жалости взял к себе в услужение.

Слава пришла после смерти. Возникшее в 80-х годах литературное движение «Молодая Бельгия», которое объявило своим девизом «быть самими собой» и боролось за национальную самобытность бельгийской лите-

⁵³ См. H. Juin. Introduction in: Charles De Coster. La Légende d'Ulenspiegel, p. XXI.

ратуры, сделало имя Шарля Де Костера своим знаменем. Его называли «маршалом литературы», а «Легенду об Уленшпигеле» — «Библией Бельгии».

С 1914 г., когда внимание человечества было приковано к Бельгии, первой подвергнувшейся нашествию германского милитаризма, «Легенду об Уленшпигеле» стали переводить на все языки. Народы всего мира увидели в этом произведении нечто большее, чем национальный эпос одной страны. По замечательному определению английского критика-коммуниста Ральфа Фокса в книге Де Костера «выражена сама сущность человеческого бунта против угнетения»⁵⁴. И пока в людях живет хоть искра любви к свободе, они не забудут Тиля Уленшпигеля.

Шарль Де Костер был первым из бельгийских писателей, который занял место среди классиков мировой литературы. Особенно популярен он в Советском Союзе, где трудно найти человека, который не знал бы и не любил его книгу. «Фламандские легенды» еще мало знают у нас. Но если «Легенда об Уленшпигеле» была первой книгой в летописи бельгийской литературы, то «Фламандские легенды» — ее первой страницей.

⁵⁴ Р. Фокс. Роман и народ. М., 1960, стр. 181.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод книги Шарля Де Костера «Фламандские легенды» выполнен по следующему изданию: Charles De Coster. *Légendes flamandes*. Bruxelles, 1894. На русском языке «Фламандские легенды» были опубликованы в 1923 г. в Берлине в переводах А. Даманской и Э. Журавской. Это издание давно стало библиографической редкостью.

«СМЕТСЕ СМЕЕ»

Глава первая

- ¹ Лис — приток Шельды, впадающий в нее близ Гента.
- ² Артевелде, Якоб (ок. 1290—1345) — вождь гентских сукноделов, восставших в 1338 г. против фландрского графа.

Глава вторая

- ¹ ...недолюбливали реформатов — В Нидерландах, состоявших в XVI в. из 17 провинций, куда входила и Фландрия (иногда имя Фландрии распространялось на всю страну), наиболее широкое распространение из всех реформационных учений имел кальвинизм.
- ² Гёз (от фр. gueux — нищий) — в период нидерландской буржуазной революции XVI в. — прозвище народных повстанцев, которые на суше («лесные гёзы»)

и на море («морские гёзы») вели борьбу с испанским господством. Особенно важную роль играли «морские гёзы».

³ ... сражался на море с испанцами на стороне жителей Зеландии — Зеландия была одной из первых нидерландских провинций, восставших против владычества Испании.

⁴ Валхерен — один из островов, на которых расположена большая часть Зеландии; находится близ устья Шельды.

Глава четвертая

¹ Альберт и Изабелла — Эрцгерцог австрийский Альберт, муж инфанты Изабеллы (1566—1633), дочери испанского короля Филиппа II, правил совместно с ней Южными Нидерландами с 1598 г. После его смерти в 1621 г. Изабелла правила самостоятельно.

² ... рыбы, что проглотила некогда иудея Иону — речь идет о пророке Ионе, который согласно библейскому преданию провел несколько дней в чреве кита.

Глава седьмая

¹ Патар — мелкая медная монета, имевшая хождение по Фландрии.

Глава десятая

¹ Гессельс, Якоб (ум. в 1578) — нидерландский дворянин, член Совета по делам о беспорядках, называемого в народе «Кровавым советом», который герцог Альба (см. пр. 2 к гл. 13) учредил в Нидерландах в 1567 году для расправы с еретиками и мятежниками. По свидетельству американского историка Мотли (1814—1877) Альба очень ценил Гессельса за жестокость (Д.-Л. Мотлей, История нидерландской революции и основание республики соединенных провинций, т. 2. СПб., 1866, стр. 41).

² Мессир Рихове... лишил вас не только жизни, но и бороды — Рихове, Франсуа ван дер Кетулле (ок. 1531—1585) — политический и военный деятель периода Нидерландской буржуазной революции. В 1577—79 гг. был одним из вождей демократического движения в Генте. Когда демократические силы одержали победу и во главе Гентской коммуны стал Рихове со своими соратниками, Гессельс в 1578 году был повешен. По рассказу Мотли, Рихове вырвал у него перед этим бороду (там же, стр. 47).

³ ...просыпались лишь затем, чтобы выкрикнуть: «на виселицу!» — Факт, засвидетельствованный Мотли (там же).

⁴ графы Эймонт и Горн — граф Эймонт, Ламораль (1522—1568) и граф Горн, Филипп де Монморанси (1524—1568) — нидерландские аристократы, представлявшие национальную оппозицию Испании в государственном совете Нидерландов, были казнены испанским королем Филиппом II (см. пр. 1 к гл. 15) по обвинению в государственной измене.

Глава тринадцатая

¹ Золотое руно — высший рыцарский орден нидерландской знати, учрежденный в 1430 г. бургундским герцогом Филиппом Добрым. Орден состоял из золотой цепи с фигуркой агнца.

² Альба, Альварес де Толедо Фернандо (1507—1582) — один из виднейших испанских полководцев XVI века, наместник Филиппа II в Нидерландах (1567—1573). Отличался неслыханной жестокостью в борьбе с участниками религиозного и политически-революционного движения в Нидерландах. «Бесконечно лучше, — писал однажды герцог, — путем войны сохранить для бога и для короля государство, обедневшее и даже разоренное, чем без войны иметь его в цветущем состоянии для сатаны и его пособников-еретиков» (А. Пиренн. Нидерландская революция. М., 1937, стр. 127).

Глава пятнадцатая

- ¹ *Филипп II (1527—1598)* — сын императора Карла V (см. гл. 15, пр. 6), с 1556 г. король Испании. Под его властью, кроме Испании, находились Нидерланды, Португалия, часть Италии, Франш-Конте, а также колонии в Америке.
- ² ...кто за деньги убьет принца Вильгельма — Вильгельм Оранский (1533—1584) — первоначально возглавлявший оппозицию нидерландской знати против испанского режима, а затем перешедший в лагерь революции, был убит наемным убийцей, подосланным испанцами.
- ³ ...изобрел гарроту, чтобы задушить Монтиньи. — *Гаррота* — обруч, стягиваемый винтом, — орудие смертной казни, применявшееся в Испании. *Монтиньи*, Флоран де Монморанси, барон (1527—1570) — сторонник оппозиционных нидерландских дворян. Приехав в Испанию в 1567 г. для переговоров с Филиппом II, был арестован и в 1570 г. по приказу короля тайно задушен в тюрьме.
- ⁴ ...за твою жену, которую ты вогнал в гроб — Филипп II был женат несколько раз. Его первая жена, Мария Португальская, мать дона Карлоса, умерла через несколько дней после родов из-за небрежного ухода за ней.
- ⁵ Это тебе за твоего бедного сына Карлоса — Филипп II находился в смертельной вражде со своим сыном доном Карлосом. Боясь его побега за границу, Филипп II в 1568 году заточил его в одной из комнат королевского дворца, где тот вскоре и умер.
- ⁶ Это тебе за императора, отца твоего, который ... положил начало бедствиям нашей страны. — Карл V, император так называемой «Священной Римской империи германской нации» (1519—1556) и испанский король под именем Карлоса I (1516—1556), стремясь пресечь ересь, распространявшуюся во Фландрии, издал ряд постановлений, которые разоряли «еретиков» и подвергли их пыткам инквизиции.

Глава девятнадцатая

¹ ...я вернулся в Гент и вместе с другими продолжал сносить испанское иго.

В результате революции против испанского господства северные провинции Нидерландов приобрели в конце XVI века независимость (будущая Голландия), в то время как южные провинции (Фландрия и другие) еще долго оставались под властью испанцев.

Дополнение

ГАЛЕВИН

Текст этой фламандской народной песни приводится по кн.: Ch. Potvin. Charles De Coster. Sa biographie. Lettres à Elisa. Bruxelles, 1894, p. 209—210.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

Шарль Де Костер. Фотография (ок. 1868 г.)	4
А. Дилленс. Иллюстрация к новелле «Братство Толстой морды»	32
О. фон Торен. Иллюстрация к новелле «Бланка, Клара и Кандида»	33
А. Дилленс. Иллюстрация к новелле «Сир Галевин»	64
Ш. Де Гру. Иллюстрация к новелле «Сметсе Смес»	65

СОДЕРЖАНИЕ

Шарль Де Костер

ФЛАМАНДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Перевод с французского М. Н. Черневич

Братство Толстой морды	5
Бланка, Клара и Кандида	43
Сир Галевин	56
Сметсе Смес	130

ДОПОЛНЕНИЕ

Галевин	227
-------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>М. Н. Черневич. Шарль Де Костер и его «Фламандские легенды» . . . . .</i>	231
<i>Примечания (составила М. Н. Черневич) . . . . .</i>	273
<i>Список иллюстраций . . . . .</i>	278

Шарль де Костер
ФЛАМАНДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

*Утверждено к печати редколлегией
серии «Литературные памятники» АН СССР*

Редактор издательства *Ф. И. Гринберг*
Художник *В. Г. Виноградов*
Технический редактор *Р. М. Денисова*
Корректоры *М. В. Борткова, Ф. Г. Сурова*

Подписано к печати 20/II-76 г.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 10,34.
Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 100 000 экз.
Тип. зак. № 1167. Цена 60 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12